

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 6 (88) 2024

Редакционный совет

1. **Бараненков Вячеслав Вячеславович**, доктор юридических наук, профессор
2. **Глухов Евгений Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры ФГКВУ ВО «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии»
3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права ФГВКУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России
5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета
6. **Свининых Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент
7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН
8. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии
9. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования
(РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттеста-
ционной комиссии при Минобрнауки
России от

26 апреля 2019 г. издание
с 7 мая 2019 г. по 28 февраля 2023 г. бы-
ло включено в **Перечень
рецензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликованы
основные научные результаты дис-
сертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, ученой степени док-
тора наук по группе научных специаль-
ностей**

20.00.00 — Военные науки
С 4 сентября 2023 г. издание включено
в указанный Перечень по группе
научных специальностей 6.0.0 — Во-
енные науки (№ 920 Перечня по состо-
янию на 08.10.2024)

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	5
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Некрасов А.А. Правовые основы участия пограничных органов в обеспечении военной безопасности Российской Федерации в регионе проведения специальной военной операции	8
2. Хараман Е.Е. Угрозы ядерной безопасности в современном мире	14
Теория и история военного права	
3. Корякин В.М. Правовая поддержка участников специальной военной операции: теоретико-правовой аспект	20
4. Окоча В.А. Опыт использования наемников в вооруженных конфликтах как предшественников современных частных военных охранных компаний (историко-правовой аспект)	29
Военно-административное право	
5. Глухов Е.А., Погорелов С.А. Реализация принципа закрытости информации о военнослужащих путем удаления фотографий в военной форме одежды из сети Интернет	39
6. Зорин О.Л., Кульбашная Е.В. Некоторые особенности привлечения и сохранения кадров организаций оборонно-промышленного комплекса	48
7. Малышева Л.Н. Документационное сопровождение государственной регистрации нормативных правовых актов Министерства обороны в период специальной военной операции	56
Военная служба. Социальные гарантии военнослужащих и иных лиц	
8. Зайков Д.Е. Дополнительное материальное стимулирование работников воинских частей: подлежит ли учету при расчете среднего заработка?	64
9. Иноземцев А.С. О некоторых вопросах медико-психологической реабилитации военнослужащих и граждан Российской Федерации, пребывающих в добровольческих формированиях	69
10. Холиков И.В., Наумов П.Ю. Правовые аспекты предоставления отпусков военнослужащим, находящимся по состоянию здоровья в беспомощном состоянии (в том числе в результате участия в боевых действиях) или признанным в установленном порядке недееспособными	74
Военные аспекты гражданского права	
11. Иванов Р.В. Коррупционные риски закупок у единственного поставщика для нужд военных организаций в период проведения специальной военной операции	82

12. Наумов П.Ю.

Особенности возмещения морального вреда за некачественно оказанную медицинскую помощь в военно-медицинских организациях и неверно вынесенные заключения при проведении военно-врачебной экспертизы89

Уголовное право и криминология

13. Аксенов А.Н.

Признание организаций террористическими на территории Российской Федерации: вопросы правового регулирования и судебной практики99

14. Борисов А.В.

О некоторых аспектах объективных и субъективных признаков составов преступлений против военной службы 108

15. Кисель В.И., Смирнов Д.В.

Криминализирующие и квалифицирующие признаки публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации 115

16. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г.

Уголовно-правовая характеристика экоцида125

17. Смирнов Д.В., Харитонов С.С.

Вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 333 и 334 УК РФ, в особые периоды130

18. Чукин Д.С.

Общественно опасные последствия как основание криминализации преступлений против военной службы 138

Уголовный процесс и криминалистика

19. Шестак В.А., Черных Я.П.

Технологические вызовы и возможности при сборе и анализе компьютерных доказательств 146

Зарубежное военное законодательство. Военные проблемы международного права

20. Боброва О.Г.

Правовая модель гуманитарного бартера на Государственной границе и приграничных территориях Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции 153

21. Вотченко И.А., Петухова М.В.

О некоторых вопросах геополитических интересов России на Ближнем Востоке: военно-правовой аспект 164

22. Шестак В.А.

Применение норм международного гуманитарного права к вооруженным конфликтам в киберпространстве 168

Указатель сокращений

абз. — абзац

БРИКС — сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa) — межгосударственное объединение, союз девяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, Южной Африки, ОАЭ, Ирана, Египта и Эфиопии. Организация (содружество государств) была основана в июне 2006 г. (как БРИК, BRIC) в рамках Петербургского экономического форума с участием министров экономики Бразилии, России, Индии, Китая.

ВВСиТ — вооружение, военная и специальная техника

ВПК — военно-промышленный комплекс

ВСУ — Вооруженные силы Украины

ВУ — Военный университет имени князя Александра Невского Минобороны России

ГА — Генеральная Ассамблея

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

гл. — глава

ГОЗ — государственный оборонный заказ

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ГУСП — Главное управление специальных программ Российской Федерации

ДНР — Донецкая Народная Республика

ДПО — дополнительное профессиональное образование

ИКТ — информационные компьютерные технологии

КАС РФ — Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

КНДР — Коре́йская Народно-Демократи́ческая Респу́блика

КНР — Кита́йская Народно́я Респу́блика

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

КПП — контрольно-пропускной пункт

ЛНР — Луганская Народная Республика

МГП — международное гуманитарное право

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МИД России — Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минпромторг России — Министерство промышленности и торговли Российской Федерации

Минфин России — Министерство финансов Российской Федерации

Минэкономразвития России — Министерство экономического развития Российской Федерации

МККК — Международный Комитет Красного Креста

млн. — миллион

млрд. — миллиард

МС — Миротворческие силы

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИИ — научно-исследовательский институт

ОАЭ — Объединенные Арабские Эмираты

ОВУ — орган военного управления

ОДКБ — Организация договора о коллективной безопасности

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

ОПК — оборонно-промышленный комплекс

п. — пункт

ПАО — публичное акционерное общество

подп. — подпункт

РАН — Российская Академия Наук

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Роскомнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Росрезерв — Федеральное агентство по государственным резервам

Ростехнадзор — Федеральная служба по технологическому, экологическому и атомному надзору

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

САР — Сирийская Арабская Республика

СВО — специальная военная операция

СВР России — Служба внешней разведки Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

СМС — аббревиатура от английского словосочетания «short message service» в переводе «услуга (служба, сервис) коротких сообщений»

СНГ — Содружество Независимых Государств

СПС — справочная правовая система

СРЮ — Союзная Республика Югославия

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

тыс. — тысяча

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФГАОУ ВО — федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКОУ ВО — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования

ФГКУЗ — федеральное государственное казенное учреждение здравоохранения

ФКУ — федеральное казенное учреждение

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний

ФСО России — Федеральная служба охраны Российской Федерации

ФССП России — Федеральная служба судебных приставов

ФСТЭК России — Федеральная служба по техническому и экспортному контролю

ЦРУ — Центральное разведывательное управление США

ч. — часть

ЧВОК — частная военная охранная компания

ЮАР — Южно-Африканская Республика

Правовое обеспечение национальной безопасности

Правовые основы участия пограничных органов в обеспечении военной безопасности Российской Федерации в регионе проведения специальной военной операции

© Некрасов Александр Анатольевич,
доктор военных наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Центра
анализа проблем пограничной
безопасности

Аннотация. В статье исследуются опыт оперативно-служебной деятельности пограничных органов на административной границе с субъектами Российской Федерации, прилегающими к районам проведения специальной военной операции. В ней анализируются правовые основы введения в данных субъектах режима военного положения и среднего уровня реагирования, а также их влияния на оперативно-служебную деятельность пограничных органов. В работе обоснована необходимость выполнения пограничными органами новой служебной задачи в сфере обеспечения военной безопасности — осуществления контроля за соблюдением правил режима административной границы между субъектами Российской Федерации с различными уровнями режима.

Ключевые слова: специальная военная операция, правовые основы, режим военного положения и среднего уровня, военная безопасность, административная граница между субъектами Российской Федерации с различными уровнями режима, контроль за ее пересечением.

Общим вопросам обеспечения национальной безопасности в пограничной сфере всегда уделялось большое внимание учеными в сфере военного права¹. Однако в указанных трудах данные вопросы рассматривались в основном в условиях отсутствия военных действий вблизи российской государственной границы. Вместе с тем, начиная с февраля

2022 г., обстановка на российско-украинской государственной границе резко изменилась. На приграничных территориях Россия приступила к проведению специальной военной операции (СВО).

Анализируя обстановку в пограничной сфере, сложившейся в регионе проведения СВО, необходимо отметить, что в настоящее время государственная граница в данном регионе не определена и в правовом отношении не оформлена. Следовательно, возникает теоретический и практический вопрос — государственной границы нет, а пограничные органы продолжают осуществлять оперативно-служебную деятельность, в том числе в интересах обеспечения военной безопасности Российской Федерации. Какие же для этого имеются правовые основы?

Сначала напомним хронологию развития событий в данном регионе. Так, в

¹ Глебов И.Н. Правовые проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Моск. юрид. ин-т. МВД России. 1999; Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы национальной безопасности : монография. М., 2007; Корякин В.М. Введение в теорию военного права : монография // Российский военно-правовой сборник : Военное право в XXI веке. М., 2007. № 9; Туганов Ю.Н. Правовое обеспечение воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М. ВУ. 2009; Фатеев К.В. Правовое регулирование обеспечения военной безопасности Российской Федерации : дис... д-ра юрид. наук. М.: ВУ. 2005 и др.

связи с продолжающей агрессией киевских властей против ДНР и ЛНР и геноцидом народа Донбасса 21 февраля 2022 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указы № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» и № 72 «О признании Луганской Народной Республики», а 22 февраля 2022 г. Государственной Думой приняты, Советом Федерации одобрены и Президентом Российской Федерации подписаны и обнародованы федеральные законы № 15-ФЗ «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой» и № 16-ФЗ «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой».

22 февраля 2022 г. Советом Федерации принято Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации». Решение Совета Федерации было направлено на установление мира, недопущение продолжения кровопролития, обстрелов мирных граждан в ДНР и ЛНР.

Все указанные акты были приняты в строгом соответствии с международным правом, Конституцией Российской Федерации и с соблюдением необходимых процедур, предусмотренных для деятельности Федерального Собрания Российской Федерации.

На основе подписанных Договоров, а также в соответствии с ч. 7 ст. 51 Устава ООН, которая предусматривает неотъемлемое право стран на коллективную защиту, 24 февраля 2022 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин в ответ на обращение руководителей республик Донбасса с просьбой о помощи объявил о начале специальной военной операции с целью демилитаризации и денацификации Украины.

21 сентября 2022 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин сообщил

о готовности российских властей поддержать решение, которое будет принято на референдумах по присоединению к России Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей, о проведении которых было объявлено 20 сентября. В период с 23 по 27 сентября 2022 г. жители освобожденных территорий голосовали на референдумах по вопросу присоединения к Российской Федерации. За присоединение ДНР к Российской Федерации по результатам обработки 100 % бюллетеней проголосовали более 99 % граждан. В ЛНР интеграцию с Российской Федерацией поддерживали более 98 % граждан, в Херсонской области — более 87 %, а в Запорожской области — более 93 %.

В соответствии с волеизлиянием жителей этих регионов 29 сентября 2022 г. Президент России В.В. Путин подписал указы о признании Запорожской и Херсонской областей независимыми территориями. Документы являлись технической формальностью для дальнейшего принятия данных регионов в состав России.

30 сентября 2022 г. Президент России В.В. Путин и главы ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей подписали международные договоры о вхождении этих регионов в состав России. 2 октября Конституционный Суд России признал документы соответствующими конституции. Конституционный Суд отметил, что ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области считаются принятыми в Российскую Федерацию с даты подписания договоров — 30 сентября 2022 года.

Таким образом, согласно Конституции Российской Федерации, граница ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, сопряженная с территорией Украины, является государственной границей Российской Федерации.

Естественно, что данная граница в правовом отношении не оформлена, при этом на административной границе между ДНР, ЛНР, с одной стороны, и Ростовской области, с другой, продолжают осуществлять оперативно-служебную

деятельность пограничные органы, в том числе в автомобильных и железнодорожных пунктах пропуска.

Основным правовым актом, регламентирующим деятельность пограничных органов на указанной административной границе, является Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении».

В данном законе установленные следующие правовые нормы:

— период действия военного положения начинается с даты и времени начала действия военного положения, которые устанавливаются указом Президента Российской Федерации о введении военного положения, и заканчивается датой и временем отмены (прекращения действия) военного положения (п. 3 ст. 1);

— в период действия военного положения могут ограничиваться права и свободы граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства. На граждан, организации и их должностных лиц могут возлагаться дополнительные обязанности (п. 4 ст. 1);

— режим военного положения определяется Федеральным конституционным законом и включает в себя комплекс экономических, политических, административных, военных и иных мер, направленных на создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации (п. 1 ст. 5);

— на основании указов Президента Российской Федерации на территории, на которой введено военное положение, *устанавливается и обеспечивается особый режим въезда на территорию, на которой введено военное положение, и выезд с нее, а также ограничение свободы передвижения по ней* (п. 4 ст. 7);

— федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам военного управления предоставляется право при необходимости осуществлять проверку документов, удостоверяющих личность граждан, личный

досмотр, досмотр их вещей, жилища, досмотр и задержание транспортных средств (п. 12 ст. 7).

Данным Федеральным конституционным законом установлено, что Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы при обеспечении режима военного положения выполняют следующие задачи:

— поддержание особого режима въезда на территорию, на которой введено военное положение, и выезда с нее, а также ограничение свободы передвижения по ней;

— пресечение деятельности незаконных вооруженных формирований, террористической и диверсионной деятельности¹.

В соответствии с данными положениями Федерального конституционного закона Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей». Далее, в этот же день Президент издал Указ № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756».

Согласно Указу Президента № 757:

— на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей введен режим (максимальный уровень реагирования), в рамках которого высшие должностные лица (органы исполнительной власти) указанных субъектов Российской Федерации осуществляют полномочия, предусмотренные Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном

¹ Модестов С.А. Политико-правовые аспекты борьбы с терроризмом в рамках специальной военной операции // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 45—49.

положении»;

— на территориях Республики Крым, Краснодарского края, Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской, Ростовской областей и г. Севастополя введен режим (средний уровень реагирования), в рамках которого высшие должностные лица (органы исполнительной власти) указанных субъектов Российской Федерации осуществляют соответствующие полномочия, а также реализуют комплекс мер, в том числе: введение и обеспечение особого режима въезда на территорию и выезда с нее, а также ограничение свободы передвижения по ней; ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра.

Таким образом, на основании данных правовых актов образовалась административная граница между субъектами Российской Федерации с различными уровнями режима. В данных субъектах были образованы органы военно-гражданской администрации. Отдельные вопросы деятельности данных органов исследованы учеными В.М. Корякиным, С.А. Минтяговым, А.Н. Пасеновым и др.¹. Однако в данных работах не рассматривались правовые основы деятельности пограничных органов как элемента военно-гражданской администрации.

Вместе с тем, в соответствии с Федеральным конституционным законом «О военном положении» и указом Президента Российской Федерации В.В. Путина на пограничные органы возложена *задача по осуществлению контроля за соблюдением особого режима въезда на*

территорию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей и выезда с нее.

Выполнение данной задачи осуществляется в интересах обеспечения СВО, т.е. военной безопасности Российской Федерации.

Как уже отмечалось ранее, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» органам исполнительной власти Ростовской области предоставлены полномочия по организации контроля за соблюдением режима административной границы между ДНР, ЛНР и Ростовской областью.

Для реализации этих полномочий губернатор Ростовской области издал указ от 9 марта 2023 № 20 «О дополнительных мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757». В данном правовом акте определен перечень автомобильных, железнодорожных пунктов пропуска и места пересечения границы, где осуществляется въезд (проход) лиц на территорию Ростовской области с территории Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики и выезд (проход) в эти республики с территории Ростовской области. Далее в указе губернатора установлен перечень документов, по которым лица пересекают административную границу. Например, пропуск военнослужащих осуществляется по удостоверению личности военнослужащего или военного билета при наличии командировочного удостоверения, отпускного билета, либо следования в составе организованной группы военнослужащих по соответствующему предписанию.

В данном указе губернатора Пограничному управлению ФСБ России по Ростовской области *рекомендовано* обеспечить контроль за соблюдением режима административной границы между ДНР,

¹ Корякин В.М. Правовое положение органов государственной власти и управления на территориях, где введено военное положение и (или) прилегающих к зоне вооруженного конфликта // Военное право. 2024. № 2. С. 38—48; Минтягов С.А. Некоторые правовые аспекты правоприменительной деятельности военной полиции Вооруженных сил РФ в специальной военной операции // Военное право. 2023. № 1. С. 143—152; Пасенов А.Н. Правовой статус военно-гражданской администрации в зоне проведения специальной военной операции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10. С. 87—96.

ЛНР и Ростовской областью.

Другим указом губернатора Ростовской области от 21 мая 2024 № 42 «Об установлении особой зоны на отдельной территории Ростовской области» вдоль административной границы с ДНР и ЛНР установлена полоса местности глубиной около 5 км по аналогии с пограничной зоной.

Таким образом, в соответствии с перечисленными правовыми актами на пограничные органы, расположенные на границе между Ростовской областью и ДНР, ЛНР, возложены две основные задачи:

- поддержание особого режима выезда с территории, на которой введено военное положение, и въезда на нее;
- выявление и пресечение деятельности незаконных вооруженных формирований, террористической и диверсионной деятельности.

Данные задачи относятся к сфере *обеспечения военной безопасности*, и они закреплены в приказе начальника Пограничного управления ФСБ России по Ростовской области на осуществление пограничной деятельности на год. Так, для подразделений пограничного контроля, расположенных в пунктах пропуска на сухопутном участке, в приказе поставлена задача «осуществлять контроль за соблюдением режима административной границы между Ростовской областью и ДНР, ЛНР». Дополнительно, на пограничные органы с 2023 г. возложены полномочия осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена статьей 20.5.1 КоАП «Нарушение режима военного положения».

Таким образом, осуществление оперативно-служебной деятельности пограничными органами на административной границе между Ростовской областью и ДНР, ЛНР полностью соответствует действующими в данном регионе нормативным правовым актом. При этом, на подразделения пограничного контроля возложена задача по обеспечению военной

безопасности государства — осуществление контроля за соблюдением правил режима административной границы между субъектами Российской Федерации с различными уровнями режима в соответствии с Федеральным конституционным законом «О военном положении».

Данная задача является абсолютно новой для пограничных органов и не входит в направления пограничной деятельности, регламентированные Федеральным законом от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» и Законом Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации». Следовательно, эта задача требует дополнительного научного исследования и обоснования.

Библиография

1. Глебов, И.Н. Правовые проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / И.Н. Глебов. — Москва: Моск. юрид. ин-т. МВД России, 1999. — 329 с.
2. Дамаскин, О.В. Россия в современном мире: проблемы национальной безопасности : монография / О.В. Дамаскин. — Москва, 2007. — 376 с.
3. Корякин, В.М. Введение в теорию военного права : монография / В.М. Корякин // Российский военно-правовой сборник : Военное право в XXI веке. — Москва, 2007.
4. Корякин, В.М. Правовое положение органов государственной власти и управления на территориях, где введено военное положение и (или) прилегающих к зоне вооруженного конфликта / В.М. Корякин // Военное право. — 2024. — № 2. — С. 38—48.
5. Минтягов, С.А. Некоторые правовые аспекты правоприменительной деятельности военной полиции Вооруженных сил РФ в специальной военной операции / С.А. Минтягов // Военное право. — 2023. — № 1. — С. 143—152.
6. Модестов, С.А. Политико-правовые аспекты борьбы с терроризмом в рамках специальной военной операции / С.А. Модестов // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. — 2022. — № 2. — С. 45—49.
7. Пасенов, А.Н. Правовой статус военно-гражданской администрации в зоне проведения специальной военной операции / А.Н. Пасенов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 10. — С. 87—96.

8. Туганов, Ю.Н. Правовое обеспечение воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.Н. Туганов. — Москва: ВУ, 2009. — 353 с.

9. Фатеев, К.В. Правовое регулирование обеспечения военной безопасности Российской Федерации : дис... д-ра юрид. наук / К.В. Фатеев. — Москва: ВУ, 2005. — 374 с.

The legal basis for the participation of border authorities in ensuring the military security of the Russian Federation in the region of the special military operation in Ukraine

© **Nekrasov A.A.**,

Doctor of Military Sciences, Professor, Leading Researcher at the Center for Analysis of Border Security Problems

Annotation. The article examines the experience of operational and official activities of border authorities on the administrative border with the subjects of the Russian Federation adjacent to the areas of a special military operation. It analyzes the legal basis for the introduction of martial law and an average level of response in these subjects, as well as their impact on the operational and official activities of border authorities. The paper substantiates the need for border authorities to perform a new official task in the field of military security – monitoring compliance with the rules of the administrative border regime between subjects of the Russian Federation with different levels of regime.

Keywords: special military operation, legal framework, martial law and medium-level regime, military security, administrative border between subjects of the Russian Federation with different levels of regime, control over its crossing.

Угрозы ядерной безопасности в современном мире

© Хараман Екатерина Егоровна,
аспирант Института законодательства и
сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена анализу угроз ядерной безопасности, имеющих место в современном мире. Автором дается характеристика основных угроз ядерной безопасности, а также рассматриваются вопросы, касающиеся международной безопасности и национальной безопасности.

Ключевые слова: международная безопасность, национальная безопасность, ядерная безопасность, ядерное оружие, ядерный терроризм, вооруженные конфликты, региональные вооруженные конфликты, гонка вооружений.

Проблема обеспечения безопасности, в том числе и ядерной безопасности, особенно остро встает с середины XX в., когда человечеством было создано ядерное оружие — оружие, способное уничтожить не только целое государство, но и поставить под вопрос сохранение жизни на Земле в целом.

Предпринятые мировым сообществом в XX в. шаги к сокращению количества ядерного оружия, и тем самым, снижению уровня ядерной опасности¹ не привели к значительному снижению числа ядерных арсеналов. Количество ядерных боеприпасов все еще остается огромным².

Сегодня ядерным оружием обладают такие страны как: Россия, США, Китай, Великобритания, Франция, Индия, Пакистан, КНДР, а также, по мнению экспертов, Израиль.

Согласно данным ежегодного доклада Стокгольмского международного института исследования проблем мира «в 2023 году страны, имеющие ядерное оружие, продолжили наращивать и модернизировать ядерные арсеналы»³.

Кроме того, нельзя оставлять без внимания тот факт, что «существует обширный кластер так называемых «латентных ядерных держав»⁴, а также факт того, что некоторые страны, не обладающие ядерным оружием, имеют значительные арсеналы ядерного оружия на собственной территории.

Таким образом, сам факт наличия на планете огромного количества арсеналов ядерного оружия можно рассматривать как одну из угроз ядерной безопасности в XXI в., так как любой, даже незначительный, конфликт способен перерасти в конфликт с применением ядерного оружия.

Вопрос обеспечения безопасности государства всегда являлся основным вопросом государственной политики страны. В современном мире вопрос обеспечения безопасности государства является особенно актуальным в связи ростом военно-политической напряженности⁵ в мире,

vooruzheniyami/sipri-rol-yadernogo-oruzhiya-rastet-na-fone-rosta-napryazheniya/

⁴ Антипов В.Б., Антипов Д.В., Ковтун В.А. Распространение оружия массового поражения — угроза безопасности государства. Ядерное оружие // Военная мысль. 2018. № 7. С. 5—14.

⁵ Крылова И.А. Роль России в обеспечении безопасности Большого Евразии // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : Ежегодник. Материалы XVIII Международной научной конференции в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения», Москва, 20—21 декабря 2018 г. / отв. ред. В.И. Герасимов. Выпуск 2. Часть 2. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. С. 181—186.

¹ Хараман Е.Е. Ядерное оружие и ядерная безопасность // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2023. № 11 (316). С. 109—116.

² Сколько ядерных ракет у разных стран. Инфографика // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2023/656436a69a794719a9ef7cd7>.

³ SIPRI: Роль ядерного оружия растет на фоне роста напряжения // [Электронный ресурс]. Режим доступа: / <https://dfnc.ru/kontrol-nad->

трансформацией угроз¹, появление гибридных форм военного противостояния², возникновением ряда локальных вооруженных конфликтов, способных при определенных обстоятельствах перерасти в глобальные³, появлением новых субъектов вооруженных конфликтов⁴, а также изменения самого характера ведения боевых действий⁵.

В настоящее время, в условиях нестабильности социально-политических систем и трансформации (деформации) мирового правопорядка⁶, рост количества

ядерного оружия, а также увеличение стран, обладающих ядерным оружием, с большой долей вероятности может привести в том числе и к развязывания региональных конфликтов с применением ядерного оружия⁷.

Немаловажным фактом, представляющим угрозу ядерной безопасности, можно также отнести тот факт, что несмотря на имеющиеся в XXI в. технологии, нельзя исключить возможность возникновения ядерного конфликта в результате сбоя в работе системы предупреждения о ядерном нападении, например, при выходе из строя техники или компьютерных систем.

Отмечая «решающую роль системы предупреждения о ракетном нападении в предоставлении достоверной и своевременной исходной информации для принятия высшим руководством решения о применении ядерного оружия»⁸, Золотарев П.В. указывает на то, что вместе с тем данная система является также и наиболее уязвимой.

Истории известны случаи ложного срабатывания системы предупреждения о ракетном нападении, которые в конечном итоге могли бы привести к развязыванию ядерной войны⁹.

Кроме того, угрозой, представляющей огромную опасность, может стать «ядерный терроризм», например, несанкционированный пуск ракет, а также совершение различного рода диверсий на ядерных объектах, которые могут привести к «взаимному обмену ракетно-ядерным ударом между ядерными державами»¹⁰.

¹ Холиков И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 547—555.

² Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30—38.

³ Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2021. № 12(293). С. 116—120.

⁴ Наумов П.Ю. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2(65). С. 207—218; Окоца В.А., Холиков И.В. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147—158; Холиков И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН. М.: Издательство «Юнити-Дана», 2020. С. 431—459.

⁵ Сазонова К.Л., Холиков И.В. Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов // Военное право. 2017. № 4(44). С. 217—226; Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях // Военное право. 2019. № 6(58). С. 276—282.

⁶ Милованович А., Холиков И.В., Наумов П.Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал российского права. 2022. Том 26. № 11. С. 132—148.

⁷ Мельков С.А., Холиков И.В. Новые исследования стратегических ядерных вооружений: формирование экспертного мнения профессорско-преподавательского состава // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2021. № 4(38). С. 434—441.

⁸ Золотарев П.В. О подходах к обеспечению кибербезопасности систем управления ядерным оружием // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. Том 50. № (10). С. 5—25.

⁹ В шаге от ядерного ада. Ошибки, которые могли стоить человечеству жизни // [Электронный ресурс]. Режим доступа: / <https://ria.ru/20191109/1560641249.html>.

¹⁰ Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направле-

Особое внимание мирового сообщества привлечено к ядерному терроризму из-за той опасности, которую таят в себе ядерные или радиоактивные материалы, а также негативных последствий, которые возникнут в случае применения террористическими организациями ядерного оружия в виде: колоссальных человеческих жертв и разрушений, ущерба экологии и огромного психологического воздействия на население.

Ядерный терроризм как угроза безопасности стал серьезно осознаваться на Западе в 60–70-е годы прошлого века, а в России — в конце 80-х – начале 90-х годов¹. В связи с чем международным сообществом было принято достаточно большое количество международных соглашений, направленных на борьбу терроризмом, в том числе и с ядерным терроризмом. К таким документам относятся: Конвенция о физической защите ядерных материалов 1980 г., Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г., Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. и другие.

Таким образом, в настоящее время необходимость международного сотрудничества в целях предотвращения ядерного терроризма является неоспоримой.

Еще одной угрозой ядерной безопасности может стать неправильное восприятие или интерпретация политическим лидером государства, обладающего ядерным оружием, действий вероятного противника, способное в итоге привести к развязыванию конфликта, в том числе и ядерного. Не меньшую угрозу может представлять утрата страха перед ядерной войной, готовность политического руководства какой-либо страны к развязыванию ядерного конфликта, даже несмотря на его ужасающие последствия.

С момента первого и единственного в истории человечества факта применения США ядерного оружия против японских городов Хиросимы и Нагасаки прошло уже 79 лет. Трагедией, которая произошла в японских городах Хиросима и Нагасаки, был потрясен весь мир. И этот факт предопределил отношение человечества к атому «как к источнику смертельной опасности»².

Разгоревшийся в 1962 г. Карибский кризис побудил лидеров СССР и США задуматься о возможных последствиях ядерной войны, и в дальнейшем прийти к мысли о необходимости создания механизмов для нераспространения ядерного оружия во избежание глобальной катастрофы³.

После осознания серьезности угрозы, которую таит в себе ядерное оружие, политическими лидерами государств были приняты решения, имеющие важное значение в деле укрепления международной безопасности⁴, были подписаны международно-правовые акты, направленные на сокращение и ограничение количества ядерного оружия⁵, его дальнейшее совершенствование, а также на сужение сферы распространения ядерного оружия⁶.

² Башмаков В.И., Чикова Т.С. Атом военный и мирный. 70 лет со дня атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 6. Техника. 2015. № 1 (198). С. 113—129.

³ Лавренов С.Я., Попов И.М. Карибский кризис: мир на грани катастрофы // Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: Астрель, 2003.

⁴ Военное право: монография: в 3 т. / под общ. ред. А.В. Кудашкина. Т. III. Кн. 2: Основные итоги исследования. Курс военного права. М.: Центр правовых коммуникаций, 2023.

⁵ Например, Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней и малой дальности 1987 г., Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1991 г.

⁶ Например, Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г., Договор между СССР и США об ограничении подземных испытаний ядерного оружия 1971 г.

ния их нейтрализации / Под общ. ред. А.С. Коржевского. М.: РГГУ, 2021.

¹ Метельков А.Н. Ядерный терроризм: предотвращение угрозы : монография. Мурманск: МАГУ, 2019.

Однако сегодня «ужасы Хиросимы забылись, а ядерное оружие вновь стало рисоваться как эффективный инструмент политики и обороны»¹.

За последние 20 лет США денонсировали ряд заключенных ими ранее международных договоров (в 2002 г. был денонсирован Договор по ограничению систем противоракетной обороны 1972 г. в 2019 г. — Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г., а в 2020 г. — Договор по открытому небу 1992 г.). 21 февраля 2023 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию была озвучена вынужденная для нашей страны мера — приостановление действия Договора СНВ-3². При этом всеобщее внимание было акцентировано на то, что в случае проведения новых ядерных испытаний США, России имеет полное право провести свои собственные ядерные испытания. А через неделю — 28 февраля 2023 г. Федеральный закон № 38-ФЗ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений» был подписан³. 29 мая 2023 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон № 179-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Договора об обычных вооружённых силах в Европе» 1990 г.⁴ Выход из вышеуказанных договоров, а также приостановление участия в них на сегодняшний день может

привести к продолжению гонки вооружений, что, в свою очередь, означает возможность серьезного удара «не только по национальной безопасности, но и по мировой безопасности в целом»⁵.

Подводя итог, необходимо отметить, что в настоящее время в мире существует достаточное большое количество угроз для ядерной безопасности.

Стремление государств к обладанию ядерным оружием под предлогом национальной безопасности, несмотря на декларируемую цель защиты, несёт за собой ряд негативных последствий, представляющих угрозу международной и национальной безопасности.

Рост ядерных технологий в настоящее время не прекращается. В связи с чем невозможно дать никаких гарантий, что в ближайшем будущем позиции ключевых государств, обладающими ядерным оружием, не вызовут новых опасностей и угроз для мировой стабильности.

Поддержание и укрепление международного сотрудничества в области ядерной безопасности остаются важнейшей задачей мирового сообщества. Необходимо признать тот факт, что безопасность в ядерной сфере не является только лишь ответственностью государств, обладающих ядерным оружием, она лежит на всех, кто фактически обладает возможностью использования атома в качестве ресурса.

Библиография

1. Антипов, В.Б. Распространение оружия массового поражения — угроза безопасности государства. Ядерное оружие / В.Б. Антипов, Д.В. Антипов, В.А. Ковтун // Военная мысль. — 2018. — № 7. — С. 5—4.

2. Башмаков В.И. Атом военный и мирный. 70 лет со дня атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки / В.И. Башмаков, Т.С. Чикова // Вестник Гродненского государственного университета

¹ Арбатов А.Г. Ядерные метаморфозы // [Электронный ресурс]. Режим доступа: / <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/yadernye-metamorfozy>.

² Путин: Россия приостанавливает участие в ДСНВ 2023. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: / <https://tass.ru/politika/17105563>.

³ Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 38-ФЗ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений».

⁴ Федеральный закон от 29 мая 2023 г. № 179-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Договора об обычных вооружённых силах в Европе».

⁵ Босомыкин В.Е., Кильдюшева О.А. Гонка ядерных вооружений как угроза безопасности государства // Аллея науки. 2019. Том 1. № 4 (31). С. 524—528; Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги "Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права") / П.Ю. Наумов, С.И. Захарцев, И.В. Холиков, В.М. Большакова // Государство и право. 2023. № 9. С. 64—72.

имени Янки Купалы. Серия 6. Техника. — 2015. — № 1 (198). — С. 113—129.

3. Босомыкин, В.Е. Гонка ядерных вооружений как угроза безопасности государства / В.Е. Босомыкин, О.А. Кильдюшева // *Аллея науки*. — 2019. — Том 1. — № 4 (31). — С. 524—528.

4. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.В. Кудашкина. — Т. III. Кн. 2: Основные итоги исследования. Курс военного права. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2023. — 952 с.

5. Золотарев, П.В. О подходах к обеспечению кибербезопасности систем управления ядерным оружием / П.В. Золотарев // *США & Канада: экономика, политика, культура*. — 2020. — Том 50. — № (10). — С. 5—25.

6. Крылова, И.А. Роль России в обеспечении безопасности Большого Евразии / И.А. Крылова // *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Материалы XVIII Международной научной конференции в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения»*, Москва, 20—21 декабря 2018 г. / отв. ред. В.И. Герасимов. выпуск 2. Часть 2. — Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. — С. 181—186.

7. Лавренов, С.Я. Карибский кризис: мир на грани катастрофы / С.Я. Лавренов, И.М. Попов // *Советский Союз в локальных войнах и конфликтах*. — М.: Астрель, 2003. — 778 с.

8. Мельков, С.А. Новые исследования стратегических ядерных вооружений: формирование экспертного мнения профессорско-преподавательского состава / С.А. Мельков, И.В. Холиков // *ГосРег: государственное регулирование общественных отношений*. — 2021. — № 4(38). — С. 434—441.

9. Метельков, А.Н. Ядерный терроризм: предотвращение угрозы : монография. — Мурманск: МАГУ, 2019. — 388 с.

10. Милованович, А. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход / А. Милованович, И.В. Холиков, П.Ю. Наумов // *Журнал российского права*. — 2022. — Том 26. — № 11. — С. 132—148.

11. Наумов, П.Ю. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка / П.Ю. Наумов // *Пути к миру и безопасности*. — 2023. — № 2(65). — С. 207—218. — DOI 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218

12. Окоча, В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулиро-

вания в современном мире / В.А. Окоча, И.В. Холиков // *Журнал российского права*. — 2020. — № 12. — С. 147—158. — DOI 10.12737/jrl.2020.154

13. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / Под общ. ред. А.С. Коржевского. — М.: РГГУ, 2021. — 604 с.

14. Сазонова, К.Л. Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов / К.Л. Сазонова, И.В. Холиков // *Военное право*. — 2017. — № 4(44). — С. 217—226.

15. Хараман, Е.Е. Ядерное оружие и ядерная безопасность / Е.Е. Хараман // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2023. — № 11 (316). — С. 109—116.

16. Холиков, И.В. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях / И.В. Холиков // *Военное право*. — 2019. — № 6(58). — С. 276—282.

17. Холиков, И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения / И.В. Холиков // *Актуальные проблемы государства и права*. — 2022. — Т. 6, № 4(24). — С. 547—555. — DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555

18. Холиков, И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка / И.В. Холиков // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2022. — № 11(304). — С. 30—38.

19. Холиков, И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз / И.В. Холиков // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2021. — № 12(293). — С. 116—120.

20. Холиков, И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность / И.В. Холиков // *Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН*. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2020. — С. 431—459.

21. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги "Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права") / П.Ю. Наумов, С.И. Захарцев, И.В. Холиков, В.М. Большакова // *Государство и право*. — 2023. — № 9. — С. 64—72. — DOI 10.31857/S102694520024304-5

Threats to nuclear safety in the modern world

© **Haraman E.E.**,

Post Graduate Student of the Institute of
Legislation and Comparative Law under the
Government of the Russian Federation

Annotation. The article is devoted to the analysis of threats to nuclear safety taking place in the modern world. The author characterizes the main threats to nuclear safety, and discusses issues related to international security and national security.

Keywords: international security, national security, nuclear safety, nuclear weapons, nuclear terrorism, armed conflicts, regional armed conflicts, arms race.

Теория и история военного права

Правовая поддержка участников специальной военной операции: теоретико-правовой аспект

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор,
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Минобороны
России; ФГАОУ ВО «Российский
университет транспорта»

Аннотация. В статье представлен теоретико-правовой анализ категории «правовая поддержка» и смежных с ней понятий применительно к участникам специальной военной операции и членам их семей. Показано, что наиболее продуктивным для адекватного понимания сущности и содержания понятия «правовая поддержка» является его рассмотрение в двух смыслах: в широком и узком. В широком смысле слова правовая поддержка представляет собой общую систему правового обеспечения какого-либо направления деятельности посредством разработки, принятия и реализации нормативных правовых актов. В узком смысле правовая поддержка означает ее толкование в буквальном понимании слова «помощь», т.е. правовая поддержка — это есть правовая (юридическая) помощь. В статье рассмотрены некоторые вопросы реализации права участников специальной военной операции и членов их семей на бесплатное получение юридической помощи.

Ключевые слова: государственная поддержка; правовая поддержка; социальная поддержка; социальная помощь; специальная военная операция; юридическая помощь.

В юридическом лексиконе, используемом как в официальных документах, так и в научных и иных публикациях, получили довольно широкое распространение термины и словосочетания с использованием слова «поддержка» (например, государственная поддержка, социальная поддержка, правовая поддержка, материальная поддержка, психологическая (моральная) поддержка и др.).

В словарях русского языка термин «поддержка» трактуется как то, что поддерживает, помогает, служит опорой чему-либо; это помощь, содействие, опора чему-нибудь. Синонимами слова «поддержка» являются, таким образом, понятия «помощь», «содействие». Соответственно, основные понятия, в которых фигурирует рассматриваемый термин, можно трактовать следующим образом.

Государственная поддержка — совокупность мер, осуществляемых государством в лице уполномоченных им органов

и организаций, направленных на оказание содействия юридическим лицам в реализации приоритетных направлений социально-экономического развития страны, а также на оказание помощи гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации и в силу объективных причин не имеющим возможности к самообеспечению.

Важно заметить, что меры государственной поддержки в той или иной области общественных отношений осуществляются, как правило, на законодательной, нормативной основе. Так, если обратиться к СПС «Консультант Плюс», то в ней можно обнаружить около десятка законодательных актов, в самих названиях которых фигурирует термин «государственная поддержка»¹; имеется до сотни федераль-

¹ См., например: Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объедине-

ных законов, в которых мерам государственной поддержки различных сфер общественной жизни и различных групп населения посвящены специальные разделы и статьи. Еще чаще рассматриваемый термин встречается на подзаконном уровне — в указах и распоряжениях Президента Российской Федерации, актах Правительства Российской Федерации, а также в законодательстве субъектов Российской Федерации.

Одной из разновидностей государственной поддержки выступает *социальная поддержка*, являющаяся формой выражения государственной социальной политики, направленной на оказание социальной помощи нуждающимся гражданам. Она реализуется путем выработки и реализации мер социальной поддержки, под которыми понимаются мероприятия, проводимые органами социальной защиты в рамках социальной политики в России, направленные на предоставление отдельным категориям граждан помощи в соответствии с законодательными и иными правовыми актами Российской Федерации.

Социальная поддержка в Российской Федерации регламентируется довольно обширным массивом нормативных документов и предоставляется в виде денежных выплат (субсидий, пособий, компенсаций и т. д.) и в натуральной форме (продукты питания, одежда, обувь, лекарственные препараты, ортопедические изделия и др.). Категориями граждан, имеющими право на социальную поддержку, являются инвалиды, малообеспеченные семьи, семьи с детьми, многодетные семьи, ветераны, семьи погибших военнослужащих, безработные и др.

Основным законодательным актом, регулирующим вопросы социальной поддержки названных граждан, является Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи». Термин «социальная поддерж-

ка» в этом законе отсутствует, но в его ст. 1 имеется следующее определение: *государственная социальная помощь* — предоставление малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан, указанным в данном законе, социальных пособий, социальных доплат к пенсии, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров.

В связи с изложенным представляется вполне обоснованным имеющийся в научных публикациях вывод о том, что термины «социальная помощь» и «социальная поддержка» в целом идентичны¹. Это обусловлено этимологическим происхождением и синонимичностью понятий «поддержка» и «помощь», о чем мы вели речь в начале настоящей публикации.

Отдельного рассмотрения заслуживает понятие «*правовая поддержка*», которое самым прямым и непосредственным образом связано и вытекает из понятия «государственная поддержка». Как показано выше, основные направления государственной поддержки различных сфер внутренней политики государства находят свое выражение в соответствующих законах и иных нормативных правовых актах, т.е. государственная поддержка всегда требует правового обеспечения, правовой поддержки. Политические и управленческие решения, опосредованные правом, воплощенные в правовые нормы, приобретают качество нормативной оформленности, обязательности исполнения. В этом смысле термин «правовая поддержка» во многом совпадает с понятием «правовое обеспечение».

В научной литературе правовое обеспечение трактуется как совокупность правовых средств, используемых субъектами для достижения каких-либо целей. Так, А.Н. Арзамаскин предлагает определять категорию «правовое обеспечение» как

ний»; Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

¹ Усова О.А., Грищук В.А. Социальная поддержка различных категорий населения в Российской Федерации: эффективность, проблемы функционирования системы // Общество, экономика, управление. 2019. Том 4, № 1. С. 19. С. 18—23.

«научно обоснованную, последовательную систему правовых и иных средств, при помощи которых гражданское общество и государство осуществляет воздействие на общественные отношения, исходя из очередности задач, возникающих перед обществом, и целей, которые они преследуют»¹. В другой публикации правовое обеспечение рассматривается как «совокупность правовых средств и правоотношений по их реализации, направленных на создание условий, необходимых для достижения социально полезных целей и удовлетворения законных интересов субъектов права»².

Применительно к специальной военной операции в самом общем виде правовое обеспечение (или правовая поддержка) СВО представляет собой деятельность по созданию и практической реализации норм права, позволяющих сделать достижимыми, реально выполнимыми цели и задачи СВО, поставленные высшими органами государственной власти и управления, путем их закрепления в нормативных правовых актах в виде общеобязательных для исполнения и соблюдения правил поведения. Для того, чтобы субъекты, реализующие задачи СВО, действовали успешно и достигали поставленных целей, их нужно «снабдить» соответствующими законами и иными правовыми актами в необходимом количестве и качестве (точно так же, как они снабжаются, например, вооружением и военной техникой, материальными средствами и т.п.). Наличие нормативной основы боевой деятельности войск и отдельных военнослужащих создает необходимые условия легитимности их действий, порождает в них уверенность в том, что, реализуя правовые предписания, они действуют в право-

вом поле, от имени государства, что они находятся под надежной защитой закона³.

Таким образом, в широком смысле слова содержание понятия «правовая поддержка» во многом совпадает с понятием «правовое обеспечение» и представляет собой использование субъектами совокупности правовых средств для решения стоящих перед ними задач.

Исходя из данного подхода, общий алгоритм (процедура) правовой поддержки участников СВО и их семей включает следующие этапы:

- анализ социального положения и уровня социальной защищенности участников СВО и их семей на конкретный период времени, выявление их потребностей в дополнительных мерах социальной поддержки;

- формулирование целей и задач государственной поддержки указанных категорий граждан и подготовка соответствующих предложений по их реализации;

- перевод политических решений и установок в общеобязательные для исполнения, официально оформленные правовые нормы путем принятия законодательных и иных нормативных правовых актов;

- постоянный мониторинг правоприменения в области правового регулирования общественных отношений, складывающихся в связи с предоставлением мер государственной поддержки участникам СВО и их семьям;

- оперативная корректировка законодательства, нацеленная на устранение пробелов и противоречий, возникающих в правовом регулировании деятельности по предоставлению социальных гарантий названным гражданам.

Таким образом, политические решения высшего государственного и военного руководства, касающиеся поддержки участников СВО и их семей, воплотившись в право, приобретают необходимую

¹ Арзамаскин А.Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы // Наука и школа. 2016. № 6. С. 50.

² Иमेкова М.П. Понятие правового обеспечения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 216.

³ Более подробно см.: Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции и его место в общей системе всестороннего обеспечения боевых действий // Военное право. 2024. № 4. С. 66—67.

юридическую силу, подкрепляемую возможностью применения государственного принуждения к субъектам, отступающим от предписаний правовых норм.

Наряду с представленным выше широким подходом к определению понятия «правовая поддержка» имеет место и более узкая трактовка данной правовой категории. Этот подход базируется на буквальном толковании составляющих данное понятие терминов: правовая поддержка — это правовая (юридическая) помощь.

В теории права имеются различные подходы к определению понятия «юридическая помощь»:

а) согласно одному из определений, сформулированному В.С. Кашковским, под юридической помощью в правовой науке понимается помощь, оказываемая в результате осуществления профессиональной деятельности юриста, основной целью которой является необходимое содействие в предупреждении нарушения прав, свобод и законных интересов субъектов права, устранении или уменьшении неблагоприятных последствий такого нарушения и в восстановлении надлежащего положения субъекта права¹;

б) другой автор, Д.В. Таланов, определяет правовую помощь как организационное, материальное и (или) интеллектуальное содействие в законодательно установленных формах и разумно безопасными средствами, осуществляемое государственными органами, должностными лицами, гражданами и их объединениями в отношении субъектов, утративших либо не имеющих возможности самостоятельного функционирования, предотвращения либо ликвидации социально опасных, кризисных ситуаций²;

в) по мнению О.П. Мелешко и Ю.Г. Кипселиди юридическая помощь — это

осуществляемое средствами юридическо-го характера адресное невластное профессиональное и организованное содействие реализации правовых возможностей субъекта права в целях преобразования проблемной правовой ситуации и максимально благоприятного удовлетворения его индивидуальных интересов³.

Имеются и иные формулировки рассматриваемого понятия. Но всех их объединяет выделение двух основных признаков: во-первых, юридическая помощь является результатом профессиональной деятельности специальных субъектов — юристов, т.е. квалифицированных специалистов, имеющих соответствующее юридическое образование, а также профессиональных юридических сообществ и организаций; во-вторых, объектом этой деятельности являются люди, нуждающиеся в юридической помощи и в силу различных причин не имеющие возможности самостоятельно разрешить возникшие у них проблемы правового характера. Среди таких граждан выделяются лица, которым законодательством предоставлено право на бесплатное получение юридической помощи.

Актуальность вопроса оказания правовой поддержки в виде юридической помощи участникам СВО и членам их семей обусловлена высокой интенсивностью нормотворческой деятельности, направленной на правовое обеспечение мероприятий специальной военной операции. После февраля 2022 г. высшим законодательным органом нашей страны принято весьма значительное число новых законодательных актов, направленных на правовое обеспечение СВО, в том числе в части, касающейся установления дополнительных социальных гарантий для военнослужащих и их семей. Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.М. Матвиенко в интервью российским СМИ 1 августа 2024 г. озвучила данные о том, что за

¹ Кашковский В.С. Юридическая помощь как правовая категория и социально-правовое явление: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 8.

² Таланов Д.В. Правовая помощь как объект общетеоретического анализа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. С. 11.

³ Мелешко О.П., Кипселиди Ю.Г. О понятии юридической помощи // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 76.

период с февраля 2022 г. по настоящее время законодателями принято 238 законов, так или иначе связанных с СВО¹. Этот приоритет законотворческой деятельности сохраняется и сегодня. Председатель Государственной Думы В. Володин, открывая осеннюю сессию, отметил, что на рассмотрении Государственной Думы находятся 20 законопроектов, которые касаются вопроса правового обеспечения СВО. По его оценке, в нашей стране уже создана система мер правовой и социальной поддержки участников СВО и членов их семей².

Если к этим статистическим данным, отражающим законотворческую деятельность государства в области правового регулирования СВО, присовокупить многочисленные подзаконные акты, принятые государственными органами во исполнение и в порядке реализации принятых законов, а также по собственной инициативе в рамках предоставленных им полномочий по осуществлению нормативного регулирования в установленной сфере деятельности, то не остается сомнений в правомерности вывода о необходимости налаживания системной работы по разъяснению норм этого законодательства, консультированию участников СВО и их семей по правовым вопросам, возникающим в связи с реализацией их прав и социальных гарантий.

Следует отметить, что общие нормы о гарантиях военнослужащих в сфере получения юридической помощи содержатся в ст. 22 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», в п. 3 которой установлено, что юридическая помощь оказывается бесплатно:

— органами военного управления и органами военной юстиции в пределах своих функциональных (должностных) обязанностей — всем военнослужащим, гражданам, уволенным с военной службы, и членам их семей по вопросам, связанным с прохождением военной службы;

— органами предварительного следствия и судом, в производстве которых находится уголовное дело;

— адвокатами — военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, по вопросам, связанным с прохождением военной службы, а также по иным основаниям, установленным федеральными законами, в порядке, определенном постановлением Правительства Российской Федерации от 23 июля 2005 г. № 445.

Более конкретно применительно к СВО рассматриваемые вопросы прописаны в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Основными видами бесплатной юридической помощи, оказываемой в соответствии с названным Федеральным законом являются

а) правовое консультирование в устной и письменной форме;

б) составление заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера;

в) представление интересов граждан в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, которые установлены федеральным и региональным законодательством.

В целях создания правовых условий для реализации права участников СВО на получение бесплатной юридической помощи принят Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации"», в соответствии с которым к числу граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, отнесены:

— граждане, проходящие (проходившие) военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, граждане, находящиеся (находившиеся) на военной службе (службе) в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в воинских формированиях и органах, указанных в п. 6 ст. 1 Федерального закона от 31

¹ Российская газета, 2024, 2 августа.

² Российская газета, 2024, 17 сентября.

мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»¹, при условии их участия в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и (или) выполнения ими задач по отражению вооруженного вторжения на территорию Российской Федерации, в ходе вооруженной провокации на Государственной границе Российской Федерации и приграничных территориях субъектов Российской Федерации, прилегающих к районам проведения специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, находящиеся (находившиеся) на указанных территориях служащие (работники) правоохранительных органов Российской Федерации, граждане, выполняющие (выполнявшие) служебные и иные аналогичные функции на указанных территориях, а также члены семей указанных граждан;

— граждане, призванные на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, граждане, заключившие контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации и войска национальной гвардии Российской Федерации, при условии их участия в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и (или) выполнения ими задач по отражению вооруженного вторжения на территорию Российской Федерации, в ходе вооружен-

ной провокации на Государственной границе Российской Федерации и приграничных территориях субъектов Российской Федерации, прилегающих к районам проведения специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, граждане, заключившие контракт (имевшие иные правоотношения) с организацией, содействующей выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации и войска национальной гвардии, при условии их участия в специальной военной операции на указанных территориях, а также члены семей указанных граждан;

— лица, принимавшие в соответствии с решениями органов государственной власти Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Донецкой Народной Республики, Народной милиции Луганской Народной Республики, воинских формирований и органов Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики начиная с 11 мая 2014 года, а также члены семей указанных лиц.

Названным выше Федеральным законом от 13 июня 2023 г. № 225-ФЗ дополнен перечень случаев, при которых государственные юридические бюро и адвокаты, являющиеся участниками государственной системы бесплатной юридической помощи, осуществляют правовое консультирование в устной и письменной форме граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, и составляют для них заявления, жалобы, ходатайства и другие документы правового характера.

К числу таких случаев отнесены:

1) обеспечение денежным довольствием военнослужащих и предоставление им отдельных выплат в соответствии с Федеральным законом от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии воен-

¹ К числу таких воинских формирований и органов отнесены спасательные воинские формирования МЧС России, Служба внешней разведки Российской Федерации, органы федеральной службы безопасности, органы государственной охраны, органы военной прокуратуры, военные следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, федеральный орган обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации.

нослужащих и предоставлении им отдельных выплат»;

2) предоставление льгот, социальных гарантий и компенсаций участникам СВО и их семьям;

3) признание граждан из числа участников СВО безвестно отсутствующими и (или) умершими.

Таким образом, на участников СВО и членов их семей в полной мере распространяются гарантии по получению бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы такой помощи.

Согласно ст. 15 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» участниками государственной системы бесплатной юридической помощи являются:

а) федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения;

б) Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации;

в) органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения;

г) органы управления государственных внебюджетных фондов;

д) государственные юридические бюро;

е) адвокаты, нотариусы, наделенные в установленном порядке правом участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи.

Говоря о перспективах совершенствования государственной системы оказания бесплатной юридической помощи участникам СВО и их семьям, представляется целесообразным проработать вопрос о включении в эту систему Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества», созданного в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 232.

Данное предложение является вполне обоснованным и необходимым, поскольку, во-первых, данный Фонд имеет статус государственного; во-вторых, согласно

подп. «в» п. 16 и подп. «в» п. 17 Устава Фонда¹ одной из общественно значимых целей и видов его деятельности является оказание бесплатной юридической помощи по вопросам оформления и предоставления мер социальной поддержки участникам СВО и их семьям, а также содействие в получении указанными лицами установленных законодательством Российской Федерации мер социальной поддержки. Для реализации данного предложения требуется внесение соответствующего дополнения в ст. 15 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», где представлен перечень участников государственной системы бесплатной юридической помощи гражданам России.

Еще одним проблемным вопросом, связанным с совершенствованием системы оказания правовой поддержки (юридической помощи) участникам СВО, требующим своего разрешения, является кадровое обеспечение этой деятельности. Известно, что качество и действенность правовой помощи в значительной степени зависят от уровня теоретической подготовки и профессионализма юристов, занимающихся этой деятельностью. Законодательство о правах и социальных гарантиях участников СВО носит специальный характер, оно в значительной степени создано заново, после февраля 2022 г. В юридических образовательных организациях его изучение учебными планами и образовательными программами не предусмотрено. Данное обстоятельство обуславливает необходимость разработки и практической реализации программ дополнительного профессионального образования для повышения квалификации лиц, в должностные обязанности которых входит оказание правовой помощи участникам СВО и членам их семей, а также реализация социальных гарантий, уста-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 мая 2023 г. № 1168-р «Об утверждении устава Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества»».

новленных законодательством для указанных граждан.

Для решения этой задачи требуется разработка соответствующих учебных изданий — учебников, учебных и учебно-методических пособий. Такая работа уже ведется в Военном университете Минобороны России, где учеными подготовлены первые издания по данной проблематике¹.

Подводя итог рассмотрению некоторых теоретических и практических аспектов правовой поддержки участников специальной военной операции и их семей, следует прийти к выводу, что наиболее продуктивным для правильного и адекватного понимания данной правовой категории является рассмотрение понятия «правовая поддержка» в широком и узком понимании:

— в широком смысле слова правовая поддержка участников СВО и их семей представляет собой деятельность государственных органов по разработке, принятию и практической реализации законодательных и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы о социальных гарантиях названных категорий граждан;

— в узком смысле слова правовая поддержка участников СВО и их семей — это деятельность по оказанию указанным лицам юридической помощи в рамках государственной и негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи.

Библиография

1. Арзамаскин, А.Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы / А.Н. Арзамаскин // Наука и школа. — 2016. — № 6. — С. 50—57.

2. Имекова, М.П. Понятие правового обеспечения / М.П. Имекова // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 487. — С. 216—221.

3. Кашковский, В.С. Юридическая помощь как правовая категория и социально-правовое

явление: вопросы теории и практики. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кашковский Владимир Сергеевич. — Тамбов, 2009. — 25 с.

4. Корякин, В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции и его место в общей системе всестороннего обеспечения боевых действий / В.М. Корякин // Военное право. — 2024. — № 4. — С. 66—67.

5. Корякин, В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум / В.М. Корякин. — Москва : РУСАЙНС, 2024. — 294 с.

6. Мелешко, О.П. О понятии юридической помощи / О.П. Мелешко, Ю.Г. Кипселиди // Проблемы в российском законодательстве. — 2016. — № 8. — С. 72—77.

7. Социальные гарантии участникам специальной военной операции : учебное пособие со справочником / под ред. О.Г. Безбабнова, А.И. Землина, В.М. Корякина [авт. колл.: О.Г. Безбабнов, Р.А. Закиров, А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Корякин, А.С. Сливков, Т.Ю. Сухондяева, Р.О. Харсиев]. — Москва: Изд. «Красная звезда», 2024. — 229 с.

8. Таланов, Д.В. Правовая помощь как объект общетеоретического анализа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Таланов Дмитрий Владимирович. — Нижний Новгород, 2011. — 34 с.

9. Усова, О.А. Социальная поддержка различных категорий населения в Российской Федерации: эффективность, проблемы функционирования системы / О.А. Усова, В.А. Грищук // Общество, экономика, управление. — 2019. — Том 4, № 1. — С. 18—23.

¹ Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. М.: РУСАЙНС, 2024; Социальные гарантии участникам специальной военной операции : учебное пособие со справочником / под ред. О.Г. Безбабнова, А.И. Землина, В.М. Корякина. М.: Изд. «Красная звезда», 2024.

Legal support for participants in a special military operation: theoretical and legal aspect

© Koryakin V.M.,

Doctor of Law, Professor, Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation; Federal State Educational Institution of Higher Education "Russian University of Transport"

Annotation. The article presents a theoretical and legal analysis of the category of "legal support" and related concepts in relation to participants in a special military operation and their family members. It is shown that the most productive way to adequately understand the essence and content of the concept of "legal support" is to consider it in two senses: broad and narrow. In the broadest sense of the word, legal support is a general system of legal support for any area of activity through the development, adoption and implementation of regulatory legal acts. In a narrow sense, legal support means its interpretation in the literal sense of the word "assistance", i.e. legal support is legal (legal) assistance. The article considers some issues of the realization of the right of participants in a special military operation and their family members to receive free legal aid.

Keywords: state support; legal support; social support; social assistance; special military operation; legal assistance.

Опыт использования наемников в вооруженных конфликтах как предшественников современных частных военных охранных компаний (историко-правовой аспект)

© Окоча Вадим Александрович,
помощник начальника Военного
университета им. князя Александра
Невского Минобороны России

Аннотация. В статье исследуется генезис правового регулирования наемничества, как предшественника современных частных военных охранных компаний (ЧВОК). Прослежен период между XVIII в. до н.э. и современностью, приведены нормативные правовые акты, регламентировавшие использование наемников в вооруженных конфликтах. Особое внимание уделяется вопросам привлечения наемников к ответственности за нарушение своих обязательств перед нанимателем, а также за нарушения законов и обычаев ведения боевых действий. Предложена авторская периодизация развития правового регулирования указанного явления.

Ключевые слова: наемничество, вооруженные конфликты, ответственность наемников, правовое регулирование, международное право, частные военные охранные компании.

При исследовании проблем правового регулирования наемничества целесообразно обратить внимание на имеющийся положительный опыт, накопленный человечеством за свою длительную историю. Обычаи и законы войны, кроме прочего, включали ограничения на использование наемников. Необходимо отметить, что упоминания об использовании наемников мы встречаем всегда, когда речь идет о войне, вооруженном конфликте, начиная с древнейших времён и до нынешнего дня.

Несмотря на высокую эффективность применения наемников на первоначальном этапе их использования, в подавляющем большинстве случаев, наниматель в конечном итоге старался избавиться от них, так как они несли угрозу своему патрону. На ранних этапах, в целом, наемники использовались для внеэкономического перераспределения собственности и эксплуатации посредством грабежа и продажи пленных в рабство¹.

Примечательно, что, если не предпринимались жестокие меры против

наемников, то они исчезали только вместе с тем государством или регионом, которые практиковали их использование в качестве недорогого средства достижения военных и политических целей.

Естественным процессом стала формализация запретов и ограничений на действия наемников.

Одними из первых запреты на использование наемников появляются в XVIII в. до н.э. в Месопотамии в период междоусобных войн. В дошедшем до нас Кодексе Хаммурапи в параграфах 26 и 33 предусматривается смертная казнь для сотника, десятника, принявших в царский поход наемников вместо воинов, а также самих воинов, нанявших и направивших наемников в поход царя вместо себя. При этом имущество казнённого воина могло быть обращено в пользу наемника, по желанию последнего. Жестокость таких мер, очевидно, была вызвана теми угрозами, которые несли войску царя Хаммурапи наемники, отличавшиеся, по всей видимости, ненадёжностью, способностью на предательство в самый ответственный момент битвы². Вместе с тем,

¹ Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М.: Изд. «Наука», 1975. С. 254.

² «(§ 26) Если редум или же баирум, которому было приказано идти в царский поход, не пошел

необходимо подчеркнуть, что дальнейшего развития данные положения не получили.

В IV в. до н.э. одним из военных писателей и знатоков военного дела Энеем Тактиком написан трактат «О защите осажденного города», в котором он изложил ряд рекомендаций и запретов в отношении наёмничества готовящемуся к осаде полису. В частности, запрещается нанимать воинов или наниматься самому без разрешения магистратов; рекомендуется предложить наёмникам покинуть полис до начала боевых действий. При попытке бежать из города после начала осады он продавался в рабство. Также в трактате говорится и том, что за оставление поста во время ночного дежурства наёмник подлежит наказанию. Рекомендовано не допустить недовольства наёмного войска, что, видимо, основано на том, что в случае несвоевременной выплаты жалования, наёмники обычно поднимали бунты и могли покинуть город, что в условиях войны означало бы катастрофу для полиса. Также Эней рекомендует при найме воинов исходить из того, чтобы наниматели превосходили силой наёмников. Говоря о содержании наёмников, Эней ясно проводит мысль об их ненадёжности, необходимости постоянного контроля со стороны полиса. Этому будет способствовать найм и содержание наёмников богатейшими гражданами полиса, которые несут персональную ответственность за действия нанятых ими солдат. Кроме того, по мнению Энея, наёмное войско необходимо разбить на отряды, во главу которых поставить наиболее верных граждан, а сами отряды располагать отдельно друг от друга¹.

или нанял наемника и послал его взамен себя, то этот редум или баирум должен быть казнен, а его наемник может забрать его дом. (§ 33) Если сотник или десятник взял человека, не подлежащего призыву, или же он принял для царского похода наемника и послал его в качестве замены, то этот сотник или десятник должен быть убит». См. подробнее:

<http://www.hist.msu.ru/ER/Text/hammurap.htm>

¹ Маринович Л.П. Социально-политическая борьба и наёмничество в Греции IV в. до н.э. в трактате

Кроме Энея Тактика ряд греческих авторов ярко описывают вред наёмничества. Так, Демосфен, Диодор и ряд других среди отличительных черт наёмников выделяли, например, ненадёжность, нацеленность на грабежи, святотатство². Исократ называл наёмников злом для всего человечества в связи с их тягой к грабёжам, праздности, низким происхождением, нередкими переходами на сторону врага³. В связи с этим авторами предлагались следующие меры для недопущения существенного ущерба стране. Наказание за измену изгнание, т.е. лишение всех прав⁴, запрет помогать мятежному стратегу⁵, для перехода на службу к восточному владыке требовалось согласие полиса⁶. С целью нейтрализации угроз, исходящих от наёмных армий, по окончании войны Исократ предлагал основать отдельные полисы для наёмников или отдать имеющиеся вдаль от центра. Данные рекомендации излагались в различных трактатах, памфлетах и иных литературных произведениях.

В период Римской империи отмечается процесс систематизации военно-уголовного права, преступления фиксируются в воинских уставах. Вместе с тем упоминание наёмничества как самостоятельного преступления у римлян, так же, как и у греков отсутствует⁷. Речь шла об ужесточении наказания за преступления и нарушения дисциплины. Осознавая пагубность найма варваров в римскую армию, некоторые императоры пытались уничтожить порочную практику набора наемников. Так, в 362 г. император Юлиан своим указом запретил сенаторам выкупные платежи и обязал их представлять

те Энея Тактика. [Электронный ресурс]. // URL: <http://xlegio.ru/sources/aeneas-tacticus/greek-sociopolitical-struggle-and-mercenary-soldiering.html>

² Маринович Л.П. Греческое наёмничество IV в. до н.э. и кризис полиса. С. 75—79.

³ См. там же. С. 218—234.

⁴ См. там же. С. 104.

⁵ См. там же. С. 109—110.

⁶ См. там же. С. 110.

⁷ История военно-уголовного права / [соч.] Д. Дангельмайера (D. Dangelmaier) Пер. с нем. А.Д. и Ф.П. Варшава: тип. Окр. штаба, 1892. С. 5—27.

рекрутов. Однако уже при императоре Флавии Юлии Валенте (28 марта 364 — 9 августа 378) стали от этого положения отходить, а к концу IV в. право сенаторов на откуп было закреплено в законах.

В XII в. с развитием ленной системы возрастает роль наёмных рыцарей, актуальной становится их верность присяге сюзерену. Среди германцев, например, нередко вассалы, особенно крупные землевладельцы, отказывались представлять войска императору, т.к. не были заинтересованы участвовать в войнах своих королей. В связи с этим стало практиковаться лишение рыцарей лена, о чём объявлялось перед войском. В некоторых случаях короли вели войну с изменником, чтобы фактически лишить его ранее пожалованных земельных угодий. Данному наказанию, например, Фридрих I в период пятого похода в Италию в 1174 г. подверг Генриха Льва, троекратно отказавшегося прибыть по призыву императора¹.

Кроме того, предпринимаются попытки ограничить бесчинства наёмников путём оставления на службе некоторых командиров наёмных отрядов, положительно себя зарекомендовавших, с небольшим количеством личного состава с выплатой им постоянного жалования, остальных распустить. Однако, по мнению видного военного специалиста профессора Николаевской Академии Генерального штаба А.П. Агапеева, эта мера не спасла положение². Необходимо отметить, что некоторые из вышеуказанных положений закреплялись в частных приказах или законах, издаваемых *ad hoc* до того или иного похода или после него как это было сделано, например, Фридрихом I перед вторым и пятым итальянскими походами в 1158 г.³ В остальном же действовало обычное право.

Существенным этапом стало контрактное деятельности наёмников.

Наиболее ярко этот процесс мы наблюдаем в средневековой Италии, где широкое распространение получили наемнические подразделения, называвшиеся Отряды Удачи (*Compagnii di Ventura*), с командирами которых заключался договор о найме на военную службу — кондотта. Договор представлял по сути своей соглашение о том, что заказчик нанимает подрядчика (*conductor*) за согласованную плату на определенное время и для выполнения определенного задания. В договоре упоминались имя кондоттьера, имена его советников, численность отряда, срок службы, обязательный или возможный размер денежных выплат и их порядок, алгоритмы дележа выкупов и добычи, формы инспектирования, объем власти кондоттьера над своими воинами, его фискальные привилегии, снабжение жильем, дровами, соломой и провизией за справедливую цену, награды за особые результаты. Оплата производилась и кондоттьеру, и его консильери, им вменялось в обязанность выдача денежного довольствия наемникам отряда. В XV в. в кондотте прописывается уже только имя командира, и деньги получает он один⁴. Кроме того, в договоре особо оговаривалась ответственность за неисполнение его условий, переход на сторону противника.

Однако эти меры слабо способствовали укреплению верности нанимателю и уменьшению жестокости наемников.

По окончании Столетней войны (1337—1437 гг.) перед Карлом VII стала задача избавиться от 70-тысячного наёмного войска, которое, оказавшись без дела несли серьёзную угрозу. Проблема была решена следующим образом. Около 50 тысяч были направлены на помощь союзным австрийцам в Швейцарию, где они были истреблены швейцарскими отрядами. Из оставшейся 20-тысячной группы был отобран ряд видных военачальников и солдат, на запятнавших себя грабежами и насилием. Остальные были

¹ История военно-уголовного права. С. 41.

² Агапеев А.П. Опыт истории развития стратегии и тактики наемных и постоянных армий новых государств. СПб.: Столичная скоропечатня, 1902. С. 41.

³ История военно-уголовного права. С. 42—46.

⁴

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%BE%D1%82%D1%82%D0%B0>

отправлены в родные и места, где под страхом смертной казни обязывались вести сельское хозяйство. При этом на пути следования этих наёмников королём выставлялись этапные отряды и ополчение осуществлявших дробление наёмников на более мелкие группы и пресекавших грабежи.

В 1474 г. произошло важное событие — состоялось первое в истории судебное преследование наёмников. Был учреждён Специальный трибунал Священной Римской Империи по делу Петера фон Хагенбаха, который был назначен герцогом бургундским Карлом Смелым наместником в г. Брейсах на Верхнем Рейне. В интересах пресечения любых попыток неповиновения и сопротивления П. Хагенбах стал терроризировать население. В практику были введены убийства, изнасилования, незаконное налогообложение и произвольная конфискация частной собственности. Подобные приёмы применялись и к жителям окружающих территорий, а также в отношении торговых экспедиций. Коалиция войск из Австрии, Франции, а также городов Берн и Верхний Рейн осадили и в 1477 разгромили наёмников П. Хагенбаха в г. Брейсах.

После пленения П. Хагенбаха эрцгерцог Австрии учредил по данному делу специальный трибунал из представителей коалиции в количестве 28 судей, а сам выступил истцом. Наёмникам были предъявлены обвинения в убийствах, изнасилованиях и лжесвидетельстве. Суду были представлены соответствующие доказательства. Суд признал П. Хагенбаха виновным и лишил его звания рыцаря. Вместе с тем это решение является исключением из общего правила того времени, в соответствии с которым данный действия рассматривались как «законное право победителя» и в большинстве случаев оставались безнаказанными.

Важной вехой развития законодательства становится XVI в., в первую очередь, Священная Римская Империя. В период с 1508 по 1570 г. её императорами Максимилианом I, Карлом V, Максимилианом

II был принят ряд Военных артикулов и уголовное уложение (названное Каролина), которыми ограничивалась вседозволенность наёмников. В частности, вводилась присяга соблюдать артикулы и дисциплину. Под страхом смерти, телесных наказаний запрещались разграбления и насилие над священнослужителями, стариками, женщинами и детьми, побег. Суровость наказаний была обусловлена слабой дисциплиной наёмного войска, что отмечалось в вышеуказанных артикулах и уложении¹. В Литовском Статуте 1529 г., например, наказание за преступления, совершенные участниками военного похода в отношении гражданского населения, впервые осуществлялось дифференцированно и зависело от их правового положения. Так, например, преступления, совершенные в отношении мирных жителей наемниками, карались строже, чем преступления других участников военного похода. При этом смертная казнь применялась к ним чаще, даже в том случае, если правонарушение носило только имущественный характер².

Вплоть до окончания тридцатилетней войны всё военно-уголовное право представляло собой право военного времени, т.е. имело силу только на период военных походов, боевых действий. В это же время происходит поворот к формированию

¹ История военно-уголовного права. С. 58.

² Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги "Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права") // Государство и право. 2023. № 9. С. 64—72; Винокуров А.Ю. Международно-правовые, теоретические и организационные основы уголовного преследования за совершение военных преступлений в отношении гражданского населения : Монография. М.: Издательство «Спутник+», 2011. С. 14—15; Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): Научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, А.М. Белялова, Х.И. Гаджиев [и др.]. М.: Проспект, 2022; Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Ю.М. Батулин, В.Е. Батюкова, С.Д. Белоцерковский [и др.]; Институт государства и права РАН. М.: «Юнити-Дана, 2020.

регулярных армий. Вновь войска начинают пополняться рекрутским набором, а с XIX века и конскрипцией.

В XVII—XVIII веках тенденции на обеспечение жесткого соблюдения дисциплины и жестокое наказание за её нарушение сохраняются. С изменением способа комплектования армии и её быта ужесточаются уголовные нормы, направленные против грабежа, добывания добычи, обирания и истязания раненных и пленных и других преступлений против неприятеля и его собственности¹. Так, например, в гл. VII Соборного уложения 1649 г., первого печатного памятника российского права, перечислены воинские преступления и наказания за них, направленные на предотвращение перехода на сторону врага, дезертирства, грабежей, убийств иного насилия. В ст. 9 предусматривались телесные наказания за дезертирство, совершённое иностранцем и иным кормовым человеком (т.е. получающим жалованье)².

В России первым документальным правовым документом, касающимся иностранных наёмников российской армии, можно считать «Артикул краткий, выбранный из древних христианские воинских прав, уже о Богобоязни, и о наказании различных злостей» (1706) — т.н. «Краткий артикул князя А. Меншикова», первоначально предназначался специально для иностранцев.

Таким образом, на данном этапе сформировался и прошёл развитие «договор» на оказание услуг наемников на поле боя, а также шёл процесс ужесточения наказания за злодеяния, причиняемые наёмниками на уровне нанимателя, включая государственный уровень.

Первым международным актом, осуждающим наёмничество, ряд авторов считают Конвенцию о правах и обязанностях нейтральных Держав и лиц в случае сухопутной войны, принятой в г. Гаага 18 октября 1907 г. Согласно Конвенции, не

допускается создание на территории нейтральной Державы в пользу воюющих военных отрядов и открытие учреждений для вербовки. При этом, в соответствии со ст. 17 недопустима ссылка на нейтралитет в случае, если гражданин нейтральной Державы совершает действия в пользу воюющего, т.е. добровольно поступает на службу в ряды военных сил одной из Сторон.

Следующим шагом осуждения наёмничества, как явления, на универсальном уровне стала резолюция Совета Безопасности ООН от 24 ноября 1961 г. по ситуации в Республике Конго. СБ ООН решительно осудил сепаратистскую деятельность, проводимую администрацией провинции Катанга незаконно с помощью ресурсов извне и руками иностранных наемников. Пунктом 4 Резолюции уполномочивал Генерального секретаря ООН принять меры для немедленного задержания до принятия судебных мер и высылки наемников³.

Таким образом, в связи с тем, что наёмничество остаётся востребованным, сформировавшиеся обычаи и издаваемые акты были направлены на ограничение возможностей наёмников безнаказанно убивать, грабить, насилловать, мародёрствовать, переходить на сторону врага. Однако, по наблюдению современников, ни определение широкого круга преступлений, ни суровость наказания за них не привели к желаемому результату⁴.

Хотя практика использования наёмников осуждалась с древнейших времён, в качестве преступления она была определена только в середине XX в. Так, по результатам состоявшегося 20 декабря 1968 г. 1751-го заседания Генеральная Ассамблея ООН впервые заявила, что «практика использования наёмников против движений за национальное освобождение и независимость является уголовно наказуемым деянием, а сами наёмники объявляются преступниками, находящи-

¹ История военно-уголовного права. С. 98

² Соборное уложение 1649 года // http://www.hrono.info/dokum/1600dok/1649_07.php

³ URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0171/96/IMG/NR017196>

⁴ История военно-уголовного права. С. 60

мися вне закона, и призывает правительства всех стран принять законы, объявляющие набор, финансирование и обучение наёмников на их территориях наказуемым преступлением и запрещающие их гражданам поступать на службу в качестве наёмников»¹.

Важным документом стала Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятая ГА ООН 24 октября 1970 г. (резолюция 2625 (XXV)), в соответствии с которой «каждое государство обязано воздерживаться от организации или поощрения организации иррегулярных сил или вооруженных банд, в том числе наемников, для вторжения на территорию другого государства»².

Одобрённые ГА ООН 12 декабря 1973 г. «Основные принципы правового режима комбатантов, борющихся против колониального и иностранного господства и расистских режимов» вновь закрепили использование наемников в качестве уголовно наказуемого деяния³.

Дальнейшим шагом стало определение наёмничества как элемента агрессии на общемировом уровне. Это положение закреплено в «Определении агрессии», которое утверждено резолюцией ГА ООН от 14 декабря 1974 г. № 3314. Так, в соответствии с п. «g» ст. 3, «засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп и регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно

перечисленным выше актам, или его значительное участие в них будет квалифицироваться в качестве акта агрессии»⁴.

В апреле и ноябре 1977 г. Совет Безопасности ООН призвал все государства не допустить использования их территорий или территорий, находящихся под их контролем, а равно и граждан, для планирования подрывной деятельности и набора, обучения и переброски наемников в целях свержения правительства любого государства, внести изменения в национальное законодательство запрет на набор, обучение и переброску наемников на вышеуказанных территориях. Кроме того, Совбез ООН решительно осудил все формы внешнего вмешательства во внутренние дела государств-членов, включая использование международных наемников для дестабилизации положения государств и/или нарушения их территориальной целостности, суверенитета и независимости⁵. В декабре 1981 г. ГА ООН утверждает Декларацию о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств, пунктом «g» ст. II которой государствам предписывается не допускать на своей территории обучения, финансирования и вербовки наемников или засылки таких наемников на территорию другого государства и отказывать в предоставлении средств, включая финансирование для оснащения и транзита наемников⁶.

Очевидно, что принятию данной декларации способствовали события в Намибии, и активность ЮАР по вербовке наемников и организации племенных армий. Более того, п. 41 Программы действий в поддержку самоопределения в

¹ П. 8 Резолюции ГА ООН 2465 (XXIII) от 20 декабря 1968 г. «Осуществление Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам». // <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/246/61/IMG/NR024661.pdf?OpenElement>

² URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/351/54/IMG/NR035154.pdf?OpenElement>

³ URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/284/77/IMG/NR028477.pdf?OpenElement>

⁴ URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/297/42/IMG/NR029742.pdf?OpenElement>

⁵ URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/742/34/IMG/NR074234.pdf?OpenElement>; URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/297/28/IMG/NR029728.pdf?OpenElement>

⁶ URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/412/19/IMG/NR041219.pdf?OpenElement>

национальной независимости Намибии ГА ООН призывала все государства принять эффективные меры по предотвращению вербовки наемников для службы в Намибии или в Южной Африке¹.

В ноябре 1987 г. ГА ООН в рамках п. 6 ст. I Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях вновь обязала государства выполнять возложенные на них в соответствии с международным правом обязательства воздерживаться от организации, подстрекательства, пособничества или участия в полувоенных, террористических или подрывных действиях, включая действия наемников, в других государствах и от потворствования организованной деятельности, направленной на совершение таких действий, в пределах своей территории².

Знаковым этапом в криминализации наёмничества стали события в Анголе во второй половине 1970-х годов, когда наёмники впервые предстали перед судом на африканском континенте, а также вступление 8 июня 1977 г. в силу Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. (ст. 47), а также принятие 3 июля 1977 г. в Либревиле (Габон) Конвенции Организации африканского единства «О ликвидации наёмничества в Африке» (ст. 1), которые определили понятие и статус наёмника. Так, 28 июня 1976 г. ангольским Трибуналом вынесен приговор группе наёмников из 13 британских и американских граждан, воевавших на стороне партии ФНЛА, 3 из которых приговорены к смертной казни, остальные – к лишению свободы на срок от 16 до 30 лет³.

Данное дело наряду с мировой практикой борьбы с наёмничеством, резолюциями ООН, региональным законодательством послужило основой для разработки Международной комиссией, созданной для расследования преступлений наёмников в Анголе, проекта международной конвенции, направленной на запрещение наёмничества⁴. Однако до вступления её в силу в окончательном варианте прошло 25 лет. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников была одобрена Генеральной Ассамблеей ООН в ходе 44 сессии, состоявшейся 4 декабря 1989 г.⁵, а вступила конвенция в силу в 20 октября 2001 г. В конвенции фигурируют взаимодополняющие элементы, необходимые для определения наёмника. Первая часть статьи первой практически буквально повторяет текст ст. 47 Дополнительного протокола I. Вторая часть касается использования наёмников для участия в связанных с применением насилия акциях против внутреннего правопорядка государства и его территориальной целостности. Таким образом в международном праве наемник означает любое лицо, которое:

- а) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы принимать участие в вооруженном конфликте;
- б) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях;
- с) принимает участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду и которому в действительности обещано

¹ URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/101/93/IMG/NR010193.pdf?OpenElement>

² URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/517/12/IMG/NR051712.pdf?OpenElement>

³ «Процесс над наёмниками в Луанде» https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%B5%D1%81%D1%81_%D0%BD%D0%B0%D0%B4_%D0%BD%D0%B0%D1%91%D0%BC%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B

0%D0%BC%D0%B8_%D0%B2_%D0%9B%D1%83%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5

⁴ См. например, Блищенко И.П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М. 1999. С. 280—285; Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / А.Я. Капустин, В.Р. Авхадеев, Г.М. Азнагулова [и др.]. М.: Издательский Дом "Инфра-М", 2023.

⁵ Резолюция ГА ООН от 4 декабря 1989 г. № A/RES/44/34 (принята без голосования) <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/552/75/IMG/NR055275.pdf?OpenElement>

стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение;

д) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

е) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; и

ф) не направлено государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав вооруженных сил упомянутого государства.

Необходимо отметить, чтобы считаться наемником лицо должно удовлетворять всем из шести вышеперечисленных условий.

Многие государства имплементировали в свои национальные законодательства данные подходы. Австралия, Аргентина, Бельгия, Великобритания, Германия, Израиль, Испания, Италия, Камерун, Канада, Кения, Нигерия, Нидерланды, Новая Зеландия, США, Франция, Швейцария, Швеция в наставлениях и уставах вооруженных сил особо подчёркивают, что наёмники не обладают статусом комбатанта и не имеют права на статус военнопленного. Участие наёмника в вооруженном конфликте признано преступлением, например, в Азербайджане, Армении, Беларуси, Вьетнаме, Грузии, Казахстане, Молдове, России, Таджикистане, Узбекистане, Украине¹. Постоянное представительство Уругвая при Отделении ООН в Женеве в вербальной ноте от 11 августа 2003 г. сообщило следующее: «Государство Уругвай в правовых рамках, предусмотренных Уголовным кодексом, наказывает в качестве преступлений высшей степени тяжести деяния, включающие в себя подстрекательства к мятежу или иным действиям, имеющим

своей целью свержение правительства страны либо подрыв в той или иной форме территориальной целостности или суверенитета того или иного государства; в особенности, если такие действия осуществляются с помощью использования национальных или иностранных наёмников».

В ракурсе познания историко-правовых основ и современного этапа развития феномена наемничества, создания и функционирования наемнических организаций (формирований), ответственности за участие в них и осуществление их деятельности изучение функциональной роли частных военных охранных компаний является крайне востребованным. Связано это с тем, что современный этап применения вооруженной силы в военных конфликтах свидетельствует о том, что фактически в качестве наемников могут применяться частные военные и частные охранные компании, действующих как на суше, так и на море². Они же применяются государствами (конечно, без своей эгиды и аффилиации с ними) для решения задач средствами вооруженной борьбы без участия в открытом военном конфликте³.

Исторически для комплексного познания интересны также мотивы и ценности наемников и членов частных военных компаний, являющихся побудителями к

² Холиков И.В., Окоча В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147—158; Холиков И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН. М.: Издательство "Юнити-Дана", 2020. С. 431—459.

³ Холиков И.В., Сайфуллин Э.К., Окоча В.А. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах — военноправовое обозрение. 2019. № 12(269). С. 65—71; Наумов П.Ю. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2(65). С. 207—218.

¹ Хенкерс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Том 1. М.: МККК, 2006. С. 500.

вступлению в них, участию в их деятельности и совершению различных деликтов.

Подводя итог, представляется возможным выделить следующие основные периоды развития наемничества:

— первый этап, характеризующийся возникновением института наемничества, появлением единичных случаев включения запрета в законах, трактатах, осуждающих и предлагающих меры контроля за наёмниками;

— второй этап формализации договора о найме услуг венного подрядчика для участия в боевых действиях, появление и ужесточение ответственности за преступления, совершаемые наёмниками, но не их запрет;

— третий этап появления норм международного права, запрещающих институт наемничества, а также первых судебных решений;

— четвертый этап имплементации норм международного права в национальные законодательства.

Библиография

1. Блищенко, И.П. Прецеденты в международном публичном и частном праве / И.П. Блищенко, Ж. Дориа. — Москва, 1999.
2. Винокуров, А.Ю. Международно-правовые, теоретические и организационные основы уголовного преследования за совершение военных преступлений в отношении гражданского населения : Монография / А.Ю. Винокуров. — Москва: Издательство «Спутник+», 2011.
3. История военно-уголовного права / [соч.] Д. Дангельмайера (D. Dangelmaier). Пер. с нем. А.Д. и Ф.П. — Варшава: тип. Окр. штаба, 1892. — 158 с.
4. Маринович, Л.П. Греческое наёмничество IV в. до н.э. и кризис полиса / Л.П. Маринович. — Москва: «Наука», 1975.
5. Наумов, П.Ю. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка / П.Ю. Наумов // Пути к миру и безопасности. — 2023. — №

2(65). — С. 207— 218. — DOI 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218.

6. Наумов, П.Ю. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги "Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права") / П.Ю. Наумов, С.И. Захарцев, И.В. Холиков, В.М. Большакова // Государство и право. — 2023. — № 9. — С. 64— 72. — DOI 10.31857/S102694520024304-5.

7. Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Ю.М. Батурин, В.Е. Батюкова, С.Д. Белоцерковский [и др.]; Институт государства и права РАН. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2020. — 559 с.

8. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / А.Я. Капустин, В.Р. Авхадеев, Г.М. Азнагулова [и др.]. — Москва: Издательский Дом "Инфра-М", 2023. — 336 с. — DOI 10.12737/1926386.

9. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): Научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, А.М. Белялова, Х.И. Гаджиев [и др.]. — Москва: Издательство Проспект, 2022. — 352 с.

10. Хенкертс, Ж. М. Обычное международное гуманитарное право. Нормы : Перевод с английского / Ж.М. Хенкертс, Л.Д. Бек и др. ; Международный Комитет Красного Креста (Женева). — Москва: МККК, 2006. — 818 с. — ISBN 5-94013-043-8

11. Холиков, И.В. Применение вооруженной силы частными морскими охраняемыми компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире / И.В. Холиков, В.А. Окоча // Журнал российского права. — 2020. — № 12. — С. 147—158. — DOI 10.12737/jrl.2020.154.

12. Холиков, И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность / И.В. Холиков // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2020. С. 431—459.

13. Холиков, И.В. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний / И.В. Холиков, Э.К. Сайфуллин, В.А. Окоча // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 12(269). — С. 65—71.

Experience of using mercenaries in armed conflicts as predecessors of modern private military security companies (historical and legal aspect)

© Okocha V.A.,

assistant to the Chief of the Military University
named after Prince Alexander Nevsky

Abstract. The article examines the genesis of legal regulation of mercenarism as a predecessor of modern private military security companies (PMSCs). The period between the 18th century BC and the present day is traced, normative legal acts regulating the use of mercenaries in armed conflicts are presented. Particular attention is paid to the issues of bringing mercenaries to justice for violating their obligations to the employer, as well as for violating the laws and customs of warfare. The author's periodization of the development of legal regulation of this phenomenon is proposed.

Keywords: mercenarism, armed conflicts, responsibility of mercenaries, legal regulation, international law, private military security companies.

Военно-административное право

Реализация принципа закрытости информации о военнослужащих путем удаления фотографий в военной форме одежды из сети Интернет

© Глухов Евгений Александрович,

кандидат юридических наук, доцент,
Российская таможенная академия (Санкт-Петербургский филиал)

© Погорелов Сергей Александрович,

кандидат юридических наук, старший
преподаватель Санкт-Петербургской военной
ордена Жукова академии войск национальной
гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируется состояние правового регулирования относительно запрета военнослужащим распространять в сети Интернет информацию о себе, о других военнослужащих и об органах военного управления. Авторы при изучении указанной тематики делают акцент на размещение военнослужащими своих фотографий в военной форме одежды, что позволяет идентифицировать их статус, воинское звание, принадлежность к определенному роду войск, определить круг сослуживцев и т.п. Кроме иллюстрации подобных правонарушений и налагаемых за них санкций авторы предлагают типовые алгоритмы удаления фотографий военнослужащих в военной форме из сети Интернет.

Ключевые слова: органы военного управления, закрытая информация, запреты и ограничения военнослужащих, социальные сети, персональные данные, размещение фотографий, военная форма, цензура, поиск в Интернете, право на забвение, разведка по открытым данным.

Одним из важнейших конституционных прав граждан России, включая военнослужащих, является право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации). Однако с учетом того, что военнослужащие в силу возлагаемых на них задач по защите Отечества обладают специальным правовым статусом, предполагающим законодательное ограничение некоторых их общегражданских прав и свобод, Федеральным законом «О статусе военнослужащих» установлены ограничения, в числе прочего, и в сфере информационных прав военнослужащих¹.

¹ Корякин В.М. Об ограничении прав военнослужащих в сфере оборота информации // Право в Вооруженных Силах - военно-правовое обозрение. 2019. № 1. С. 2—6.

Всякое государство издревле защищало свой суверенитет, а государь — свою власть. В этих целях государство создавало военную организацию, оснащало ее средствами вооруженного насилия, создавало условия для будущей победы над любым потенциальным противником. Одним из такого рода условий являлось и является сохранение в тайне от противника сведений о своей армии, ее укомплектованности и вооружении, боеготовности, планах вооруженной борьбы. В этой связи совершенно справедливо указание в юридической литературе о том, что организация безопасности страны невозможна без надлежащего функционирования системы защиты информации, разглашение которой может нанести существенный вред интересам государства, т.е. без обеспечения защиты сведений, составляющих государ-

ственную тайну¹.

Вместе с тем, приведенная позиция не является точной, поскольку в военной сфере кроме собственно информации, составляющей государственную тайну, существует еще и другой вид закрытой информации — это служебная тайна в области обороны². Как указано в п. 1 ст. 3.1 Федерального закона «Об обороне», служебную тайну в области обороны составляют сведения, которые образуются при осуществлении полномочий органами государственной власти Российской Федерации, функций органами публичной власти и организациями по организации и выполнению мероприятий в области обороны, распространение которых может нанести вред при выполнении указанных мероприятий. Сведения, составляющие служебную тайну в области обороны (документы с пометкой «для служебного пользования»), наравне с государственной тайной являются информацией ограниченного доступа и не подлежат разглашению и свободному распространению.

Кроме вышеуказанных запретов военнотружущим запрещается также распространять в СМИ и в сети Интернет и некоторую информацию, не обладающую статусом государственной тайны или служебной тайны в области обороны. Так, относительно недавно, но в тоже время еще в «мирном» 2019 г. в военном законодательстве был установлен очередной запрет³, в соответствии с которым военнотружущим, как и гражданам, призванным на военные

сборы⁴, при исполнении определенных обязанностей военной службы, не разрешается теперь иметь при себе электронные изделия (приборы, технические средства) бытового назначения, в которых могут храниться или которые могут распространять или предоставлять через сеть «Интернет» аудио-, фото-, видеоматериалы и данные геолокации, раскрывающие те или иные сведения о служебной деятельности. Данный запрет вполне можно оправдать необходимостью соблюдения общих требований военной безопасности в широком смысле, так как в боевых условиях, как уже показал опыт специальной военной операции, наличие мобильного телефона с доступом в Интернет может привести к катастрофическим результатам с многочисленными человеческими жертвами или срыву выполнения боевых задач.

Бесспорно, что управление военной организацией наряду с общими и едиными принципами, организационными формами и методами, свойственными для всех государственных органов, имеет свои особенности, порождаемые спецификой их функционального предназначения и особыми воинскими правоотношениями⁵.

Вместе с тем, у новых правил правового регулирования поведения военнотружущих относительно оборота информации есть и иные грани, как положительно, так и отрицательно сказывающиеся на вопросе соблюдения баланса укрепления обороноспособности страны и реализации личных прав граждан во внеслужебное время. И как было описано одним из авторов ранее, специфика военной службы не позволяет провести четкой границы между служебной и неслужебной деятельностью военнотружущих⁶.

Как бы то ни было, тема разграниче-

¹ Кириченко Н.С., Вологжина Ю.В. Правовое регулирование защиты государственной тайны в области обороны государства // Военное право. 2024. № 1. С. 8—14.

² Кроме того, существует еще и режим профессиональной тайны в органах федеральной службы безопасности. Подробнее см. Корякин В.М., Гундилов И.В. Профессиональная тайна: некоторые вопросы ответственности за разглашение относящихся к ней сведений // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 10. С. 22—27.

³ Федеральный закон от 6 марта 2019 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 28-5 Федерального закона «О статусе военнотружущих».

⁴ Далее в настоящей статье, говоря о военнотружущих, будем подразумевать также и граждан, призванных на военные сборы.

⁵ Глухов Е.А. Принципы военного права в сфере военного управления // Военное право. 2022. № 1. С. 71—82.

⁶ См, например, Глухов Е.А. Пределы правового регулирования военно-служебных отношений // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 1. С. 22—38.

ния служебной и личной жизни военнослужащих чрезвычайно широка для рассмотрения в рамках одной статьи, поэтому в данной публикации авторы сконцентрируют свое внимание на одной из сторон запретов, введенных в 2019 г., касающейся персональной информации о военнослужащих и органах военного управления, размещенной в сети Интернет. В частности, предметом настоящей статьи являются правоотношения, связанные с размещением фотографий военнослужащих в различных социальных сетях, а также порядок их удаления.

Итак, в настоящее время согласно п. 1.1 ст. 7 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим запрещается с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет распространять или предоставлять информацию:

— позволяющую определить принадлежность или предназначение военнослужащих к Вооруженным Силам Российской Федерации, другим войскам, воинским формированиям и органам;

— о других военнослужащих, гражданах, уволенных с военной службы, членах их семей или их родителях, в том числе информацию, позволяющую определить место нахождения указанных лиц в определенный период другим лицам;

— о своей деятельности или деятельности других военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, связанной с исполнением обязанностей военной службы;

— о деятельности органов военного управления или органов управления другими войсками, воинскими формированиями и органами, о деятельности объединений, соединений, воинских частей, о деятельности подразделений указанных органов военного управления или органов управления, воинских частей и организаций, в том числе информацию о дислокации или передислокации органов военного управления или органов управления, объединений, соединений, воинских частей, организаций и подразделений, не отнесенную к перечню сведений, составляющих

государственную тайну.

Фотографии в военной форме одежды, размещенные в сети Интернет, в том числе на личных страницах социальных групп позволяют определить принадлежность данных лиц к конкретному военному ведомству, их статус военнослужащего, воинское звание и, возможно, направление деятельности и предыдущие заслуги (по петлицам на форме одежды и наградным знакам), местонахождение, сослуживцев, используемые телефонные номера и пр. данные. По данным в социальных сетях, в свою очередь, можно определить образование, историю занятости и адреса мест службы, привычки и психологические особенности, симпатии и антипатии, круг членов семьи, друзей и сослуживцев. Вся эта информация может быть использована подразделениями иностранной разведки на основе анализа открытых источников информации (Open Source Intelligence — OSINT). В частности, используя алгоритм FindFace, возможно за 0,5 сек отыскать нужного человека среди 1 млрд лиц на фотографиях в социальной сети¹. Примечательно, что подобные алгоритмы поиска используют данные, которые не являются секретными или конфиденциальными, а потому де-юре не запрещены. При этом, по мнению аналитиков ЦРУ, в мирное время до 80 процентов информации, необходимой для принятия решений, доступно из открытых источников².

Анонимность в сети — вещь совершенно иллюзорная, и личные данные граждан в большинстве случаев могут быть получены не только спецслужбами, но и специалистами в области поиска информации³. В российских СМИ не раз появлялась информация о том, что разведки ведущих западных стран занимаются отслеживанием публикаций в российских социальных сетях. Например, ради монито-

¹ Коммерсантъ. 2017. 8 ноября.

² Кондратьев А. На основе открытых источников // Военно-промышленный курьер. 2009. 16 сентября.

³ Дворянкин О.А. Osint, pentest и нетсталкинг — информационные технологии Интернета // Национальная Ассоциация Ученых. 2022. № 84-2. С. 6—13.

ринга российских соцсетей подрядчик Пентагона объявил набор соответствующих специалистов, владеющих русским языком и навыками работы спецслужб¹.

Следовательно, установленный государством законодательный запрет военнослужащим размещать свои фото и фото других военнослужащих (бывших военнослужащих) в военной форме одежды в сети Интернет, в т.ч. на личных страницах в социальных сетях можно рассматривать как контрмеру в борьбе с иностранными разведками. Целесообразность же данного запрета по отношению ко всем военнослужащим вне зависимости от занимаемых ими должностей и мест прохождения ими военной службы в настоящей статье рассматриваться не будет, оставив данный вопрос для отдельного исследования.

Интересно отметить, что из буквального толкования закона следует, что запрет на размещение фотографий военнослужащих распространяется лишь на действующих военнослужащих, не обязывая не производить подобных действий иных лиц. Между тем, общественная опасность нарушения данного правила ничуть не изменяется вне зависимости от того, размещена ли фотография в военной форме одежды в сети Интернет самим военнослужащим или, например, его супругой, гражданским водителем и т.п. В этом случае, несмотря на наличие потенциального вреда интересам боевой готовности воинского формирования никто из разместивших его фото лиц не может быть подвержен дисциплинарной ответственности. Однако следует не забывать, что в материалах отечественной судебной практики имеются дела, где передача гражданскими лицами СМС и фотографий о военной технике была квалифицирована как государственная измена, а их авторы понесли уголовную ответственность².

Возвращаясь к анализу правовых норм о запрете на распространение информации

о принадлежности к военным ведомствам в сети Интернет, отметим, что он установлен с марта 2019 г. Это означает, что и ответственность за нарушение данного запрета распространяется на военнослужащих, нарушивших законодательный запрет лишь после 23 марта 2019 г.³

Вместе с тем, всякий военнослужащий должен соблюдать законы Российской Федерации и требования общевоинских уставов Вооруженных Сил (ст. 26 Федерального закона «О статусе военнослужащих»). Формулировка законодательного для военнослужащих запрета в п. 1.1. ст. 7 вышеупомянутого закона сконструирована через глаголы «распространять и предоставлять информацию». Если предоставление информации осуществляется одномоментно, то распространение информации является длящимся деянием и начинается в момент размещения информации, а заканчивается в момент ее удаления и невозможности посторонних лиц с ней ознакомиться (позиция Кассационного военного суда от 30 марта 2022 г. по делу № 88а-512/2022).

Следовательно, даже если информация, позволяющая идентифицировать принадлежность самого автора или иных лиц к военному ведомству, хоть и была размещена военнослужащим до марта 2019 г., но продолжала распространяться и после указанной даты, а сам ее автор-военнослужащий не принял мер к ее удалению или сокрытию от постороннего с ней ознакомления, он все равно совершает правонарушение, относящееся к грубым дисциплинарным проступкам. Более того, согласно п. 19 ст. 2 Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 231-ФЗ⁴ нарушение данного запрета военнослужащим из числа солдат и сержантов, находящихся в зоне боевых действий или в местности, где вве-

¹ Крутиков Е. Зачем американская разведка занялась российскими соцсетями // Взгляд. 2018. 30 окт.

² Апрельская Е, Панченко Л. Мама Оксаны Севастиди раскрыла содержание СМС, за которое посадили дочь // Московский комсомолец. 2016. 2 дек.

³ Глухов Е.А. О дефектах юридической техники (на примере запрета военнослужащим писать про воинские отношения) // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2019. № 12. С. 82 – 89.

⁴ Федеральный закон от 08.08.2024 № 231-ФЗ "Об особенностях применения и исполнения дисциплинарного ареста в отношении военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции" // СЗ РФ. 2024. № 33 (Ч. I). Ст. 4927.

дено военное положение, влечет для правонарушителя дисциплинарный арест даже без судебного акта.

Проверка информации в социальных сетях и поиск фотографий подчиненных не входит в компетенцию командиров воинских частей и учреждений, однако при получении подобной информации от правоохранительных органов командование вправе провести разбирательство и привлечь правонарушителя к дисциплинарной ответственности при подтверждении факта размещения им своих фотографий в сети Интернет. Поэтому ниже более детально рассмотрим алгоритм удаления фотографий военнослужащих из сети Интернет.

Сами органы военного управления и их должностные лица (в т.ч. командиры воинских частей) не вправе требовать у владельцев социальных сетей и провайдеров удаления персональных данных в отношении своих подчиненных из числа военнослужащих, если указанная информация не распространяется последними с нарушением законодательства.

Как указывает И.Ю. Остапович, гражданин вправе потребовать при определенных условиях удалить свои персональные данные из общего доступа через поисковые системы, т.е. ссылки на те данные, которые, по его мнению, могут нанести ему вред. Это касается устаревших, неуместных, неполных, неточных или избыточных данных или информации, законные основания для хранения которых исчезли с течением времени¹. Однако если обычные граждане принимают меры по удалению информации о себе, в основном, в целях защиты своей чести и достоинства, удаления негативной информации о себе, то военнослужащим это необходимо в целях соблюдения требований законодательства и избежания привлечения к юридической ответственности. То есть даже положительно характеризующая военнослужащего информация в сети Интернет, если она

позволяет его идентифицировать, в том числе по фото, подлежит удалению. На практике сделать это не всегда просто.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» персональные данные — это любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному физическому лицу (субъекту персональных данных). К биометрическим персональным данным относят сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основе которых можно установить его личность и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных, позволяют выделить, индивидуализировать конкретного человека. Стало быть, к биометрическим персональным данным относятся физиологические параметры (дактилоскопические данные, рост, вес и др.) и иные физиологические или биологические характеристики человека, в том числе его изображения (фотография и видеозапись).

Обработка персональных данных допускается только в специально предусмотренных ч. 2 ст. 10 Федерального закона «О персональных данных» случаях, в т.ч. когда субъект персональных данных дал согласие на их обработку. Субъектом персональных данных здесь является физическое лицо, которое свободно, своей волей и в своем интересе принимает решение о предоставлении своих персональных данных операторам.

Согласие на обработку персональных данных может быть дано, если иное не установлено федеральным законом, в любой позволяющей подтвердить факт его получения форме, в том числе акцептирования публичной оферты, получения на мобильный телефон и (или) электронную почту уникальной последовательности символов и иными способами и формами. Именно такие цифровые способы получения согласия новых участников на обработку персональных данных наиболее распространены при регистрации в социальных сетях в Интернете.

Как правило, отношения пользователей различных сервисов в сети Интернет,

¹ Остапович И.Ю. Право на информационное забвение: вопросы теории и практики // Уральский форум конституционалистов : Материалы Восьмого Уральского Форума, 3—8 октября 2022 г. Екатеринбург, 2023. С. 150—156.

включая социальные сети ("ВКонтакте", "Одноклассники", "Мэйл.ру" и другие), носят характер гражданско-правового договора присоединения с администрациями данных сайтов и сетей. Порядок заключения таких договоров регламентирован ст. 428 ГК РФ. В соответствии с данной нормой условия договора устанавливаются в одностороннем порядке Администрацией сайта и содержатся в Пользовательском соглашении (Правилах пользования сайтом). Сам гражданин практически не может повлиять на разработанные Администрацией сайта условия пользования. Поэтому принимая решение о регистрации в социальной сети, пользователь должен внимательно ознакомиться с пользовательским соглашением или иным документом, регламентирующим отношения между ним и конкретным интернет-ресурсом. Как правило, в указанном соглашении оговариваются вопросы, связанные с обработкой персональных данных, в том числе вопрос о возможности обработки персональных данных пользователя после его удаления из социальной сети.

Участие в социальной сети обычно сопровождается получением аккаунта, идентифицирующего пользователя. Создание аккаунта — это своеобразный юридический факт, порождающий правоотношение между пользователем и организатором (владельцем) социальной сети. Социальная сеть здесь предоставляет пользователю право пользования исключительными правами компании, а пользователь передает социальной сети право пользования своими персональными данными, в том числе размещенными им для публичного просмотра фотографиями.

Создавая профиль в социальной сети, пользователь принимает соглашение о конфиденциальности, зачастую даже не читая его, а также оставляет настройки приватности, установленные по умолчанию. Это может привести к тому, что социальные сервисы годами накапливают огромный массив данных, связанных с

конкретным человеком¹.

13 июля 2015 г. в России принят т.н. Закон «о праве на забвение»², согласно которому граждане вправе требовать от владельцев сайтов удаления информации о себе. Точнее, под правом на забвение понимается право требовать прекращения выдачи сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет. Следует обратить внимание, что речь идет именно об удалении ссылок, а не об удалении данных³.

Однако подобные требования должны касаться не любой информации, какой захочет пользователь, а только недостоверной и неактуальной (выделено авторами). Фотографии же военнослужащих в военной форме далеко не всегда можно отнести к недостоверной или неактуальной информации.

К другим трудностям удаления цифрового следа в сети Интернет можно отнести то, что многие персональные данные физических лиц постоянно копируются с одного ресурса на другой. Кроме того, зарубежные операторы информационных систем и мессенджеры зачастую не выполняют требования российского законодательства, тем более в рамках гражданских отношений с пользователем из России.

Согласно ч. 2 ст. 9 Федерального закона «О персональных данных» согласие на обработку персональных данных может быть отозвано субъектом персональных данных в любой момент времени. В этом случае оператор обязан прекратить их обработку, за исключением случаев, указан-

¹ Грачев Д.К. Способы безопасного удаления персональных данных из социальных сетей // Системы управления, сложные системы: моделирование, устойчивость, стабилизация, интеллектуальные технологии : материалы VIII Международной научно-практической конференции, 21—22 апреля 2022 г. Елец, 2022. С. 350—354.

² Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

³ Подрабинок Е.М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 290—300.

ных в ст. 10 и 11 данного закона. Но все эти исключения не касаются деятельности владельцев социальных сетей и их правоотношений с участниками этих социальных сетей.

В соответствии с ч. 12—14 ст. 10.1 Федерального закона «О персональных данных» действие согласия субъекта персональных данных на обработку персональных данных, разрешенных ранее субъектом персональных данных для распространения, прекращается с момента поступления оператору соответствующего требования. После получения указанного требования передача (распространение, предоставление, доступ) персональных данных, в т.ч. и ранее разрешенных для распространения, должна быть прекращена. Данное требование должно включать в себя фамилию, имя, отчество, контактную информацию (номер телефона, адрес электронной почты или почтовый адрес) субъекта персональных данных, а также перечень персональных данных, обработка которых подлежит прекращению. По сложившейся практике здесь же целесообразно указать электронный адрес, на котором размещена информация, подлежащая прекращению обработки, а также согласие заявителя на обработку его персональных данных в рамках заявленных требований.

После отзыва субъектом персональных данных согласия на обработку его персональных данных оператор обязан прекратить их обработку или обеспечить прекращение такой обработки (если обработка персональных данных осуществляется другим лицом, действующим по поручению оператора) и в случае, если сохранение персональных данных более не требуется для целей обработки персональных данных, уничтожить персональные данные или обеспечить их уничтожение в срок, не превышающий 30 дней с даты поступления указанного отзыва (ч. 5 ст. 21 Федерального закона «О персональных данных»).

Контактные данные владельца сайта, куда необходимо направлять требование о прекращении обработки персональных данных, чаще всего размещаются в так называемом подвале сайта (в самом низу)

или на странице "Контакты". Если на самом сайте нет сведений о его владельце, то придется устанавливать лицо, зарегистрировавшее данный сайт, либо обращаться к информационным посредникам (провайдерам и владельцам поисковых систем). Однако для социальных сетей адрес их администраторов, как правило, доступен для ознакомления, администрация социальных сетей отвечает на обращения заявителей.

Пользователь страницы в социальной сети может сам размещать и редактировать размещенную им сами информацию о себе, в том числе удалять размещенные им ранее фотографии. Однако для этого необходимо иметь доступ к своему аккаунту. Как правило, в социальных сетях доступ можно восстановить, если пользователь забыл пароль, путем запроса с указанием своих данных и введением кода из СМС. В некоторых случаях потребуются направлять сканированные страницы своего паспорта для идентификации заявителя как субъекта персональных данных.

В тех случаях, когда фотография военнослужащего размещена в сети Интернет не самим военнослужащим, не на его странице в социальной сети, а также в случае, когда он по какой-либо причине не может войти в свой аккаунт, необходимо принимать меры по удалению размещенных фотографий, взаимодействуя с владельцами сайтов или с провайдерами. В требовании о прекращении выдачи сведений о себе должно быть указано:

- паспортные данные заявителя и контактная информация;
- информация, выдача ссылок на которую подлежит прекращению;
- адрес сайта, на котором размещена информация, подлежащая прекращению;
- основание для прекращения выдачи ссылок поисковой системой;
- согласие заявителя на обработку его персональных данных (ч. 2 ст. 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Проблемным вопросом процесса удаления персональных данных (в т.ч. фотографий) в этом случае может явиться иден-

тификация заявителя с лицом, изображенным на размещенной в сети Интернет фотографии, поскольку требование прекратить обработку персональных данных можно заявить только в отношении своих персональных данных (своих фотографий). Поэтому при обращении к администраторам сайтов (провайдером, владельцам поисковых систем) рекомендуется прикреплять свою фотографию (фотографии) либо иные доказательства, по которым оператор персональных данных сможет установить идентичность заявителя и лица на размещенной в сети Интернет фотографии. Если на размещенной в сети Интернет фотографии имеется подпись с указанием фамилии, имени, отчества запечатленного на фото лица, будет полезным обратиться к оператору персональных данных посредством заказного письма, т. к. на Почте России будет также зафиксированы данные отправителя.

Если владелец сайта игнорирует требование гражданина или отказывается удалить персональные данные, последний может пожаловаться в Роскомнадзор (<http://rkn.gov.ru>), или обратиться в районный суд с иском с требованием удаления персональных данных в связи с незаконной их обработкой. Целесообразно в этих целях хранить всю переписку с оператором персональных данных, в т.ч. его отказ от удаления персональных данных, либо игнорирование оператором обращения гражданина.

Подводя итог, отметим, что найти цифровой след человека в сети Интернет при развитии современных технологий не представляет большого труда, тем более, если он сам ранее оставлял там информацию о себе. Государство же путем введения запретов для военнослужащих пытается противодействовать указанным технологиям и тем самым сохранить в тайне деятельность военнослужащих и органов военного управления. Однако указанный подход возлагает функцию по удалению информации на самих военнослужащих, которые не всегда могут это сделать, да и не все из них обладают необходимым уровнем юридических и технических по-

знаний. Поэтому целесообразно дополнить т.н. «закон о праве на забвение» таким основанием удаления персональных данных из сети Интернет как принадлежность субъекта персональных данных к военной организации, а к числу инициаторов удаления информации о конкретном военнослужащем и об органе военного управления отнести также определенные нормативно воинские структуры (например, органы военной контрразведки или органы военной полиции).

Библиография

1. Глухов, Е.А. Принципы военного права в сфере военного управления / Е.А. Глухов // Военное право. — 2022. — № 1(71). — С. 71—82.
2. Глухов, Е.А. Пределы правового регулирования военно-служебных отношений / Е.А. Глухов // Сибирское юридическое обозрение. — 2024. — № 1. — С. 22—38.
3. Глухов, Е.А. О дефектах юридической техники (на примере запрета военнослужащим писать про воинские отношения) / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 12. — С. 82—89.
4. Грачев, Д.К. Способы безопасного удаления персональных данных из социальных сетей / Д.К. Грачев // Системы управления, сложные системы: моделирование, устойчивость, стабилизация, интеллектуальные технологии : материалы VIII Международной научно-практической конференции, Елец, 21—22 апреля 2022 г. — Елец, 2022. — С. 350—354.
5. Дворянкин, О.А. Osint, pentest и нетсталкинг — информационные технологии Интернета / О.А. Дворянкин // Национальная Ассоциация Ученых. — 2022. — № 84-2. — С. 6—13.
6. Кириченко, Н.С. Правовое регулирование защиты государственной тайны в области обороны государства / Н.С. Кириченко, Ю.В. Воложнина // Военное право. — 2024. — № 1. — С. 8—14.
7. Корякин, В.М. Об ограничении прав военнослужащих в сфере оборота информации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 1. — С. 2—6.
8. Корякин, В.М. Профессиональная тайна: некоторые вопросы ответственности за разглашение относящихся к ней сведений / В.М. Корякин, И.В. Гундзилович // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 10(279). — С. 22—27.
9. Остапович, И.Ю. Право на информационное забвение: вопросы теории и практики / И.Ю. Остапович // Уральский форум конституционалистов : Материалы Восьмого Уральского Форума, Екатеринбург, 03—08 октября 2022 г. — Екатеринбург: Уральский государственный юридический

университет им. В.Ф. Яковлева, 2023. — С. 150—156.

10. Подрабинок, Е.М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Го-

лубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телкина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. — 2019. — № 1. — С. 290—300.

Implementation of the principle of confidentiality of information about military personnel by deleting photos in military uniforms from the Internet

© **Glukhov E.A.**,

Associate Professor, University of the Federal Penitentiary Service of Russia, St. Petersburg Military Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

© **Pogorelov S.A.**,

Senior Lecturer at the St. Petersburg Military Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

Abstract. The article analyzes the state of legal regulation regarding the prohibition of military personnel to distribute information on the Internet about themselves, about other military personnel and about military administration bodies. When studying this topic, the authors focus on the placement by military personnel of their photographs in military uniforms, which allows them to identify their status, military rank, belonging to a certain branch of the

Keywords: military authorities, classified information, prohibitions and restrictions of military personnel, social networks, personal data, posting photos, military uniforms, censorship, Internet search, the right to oblivion, intelligence.

Некоторые особенности привлечения и сохранения кадров организаций оборонно-промышленного комплекса

© Зорин Олег Леонидович,

кандидат юридических наук, доцент, ПАО «ОДК-Кузнецов»

© Кульбашная Елена Валерьевна,

кандидат филологических наук, доцент, ВУНЦ «ВВС ВВА» (г. Воронеж)

Аннотация. Авторами настоящей статьи освещаются некоторые мотивационные инструменты, нацеленные на привлечение, сохранение и развитие специалистов в организации ОПК в условиях проведения специальной военной операции и санкционного давления со стороны недружественных стран. Дана их классификация. Выделены замечания относительно совершенствования кадрового обеспечения предприятий данной сферы.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, государственный оборонный заказ, работник, меры поддержки.

В современный период формирования многовекторной политики вследствие доминирования однополярного мироустройства во главе с США и с учетом факторов неопределённости прогноза складывающейся военно-политической обстановки, обусловленной кризисной конфронтацией Российской Федерации и недружественных стран, очевидно, что стратегический национальный приоритет — оборона страны — становится определяющим, а цели обеспечения национальной безопасности все более смещаются в область военной безопасности. Нельзя обеспечивать условия для мирного социально-экономического развития Российской Федерации, гарантированно не обеспечив военную безопасность. Поэтому данная тенденция предполагает строгую концентрацию проводимых государством мер в интересах обеспечения военной безопасности¹.

В этой связи значимую функцию в поддержании и развитии военного потенциала страны выполняет оборонно-промышленный комплекс (ОПК), как

наиболее высокотехнологичный сегмент отечественной экономики и понимаемый исследователями как элемент (институт) военной организации государства, деятельность которого непосредственно направлена на подготовку к защите Российской Федерации. ОПК представляет собой совокупность организаций (юридических лиц), осуществляющих разработку, производство, ремонт и утилизацию вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), а также производство отдельных видов материальных средств, головных организаций (организаций, владеющих контрольным пакетом акций предприятий), а также иных организаций, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа (ГОЗ) или обеспечивающих его выполнение².

Из этого вытекает, что российский ОПК включает в себя научно-исследовательские, проектно-конструкторские, испытательные органи-

¹ Заруднический В.Б. Тенденции изменения системы обеспечения военной безопасности государства в условиях новой геополитической карты мира // Военная мысль. 2024. № 2.

² Кудашкин А.В., Потапов А.В. К вопросу о соотношении понятий «оборонно-промышленный комплекс» и «военно-промышленный комплекс» // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 7. С. 121.

зации и производственные предприятия¹, созданные в различных организационно-правовых формах. Среди них львиная доля, по сведениям Минпромторга России, принадлежит производственным предприятиям ОПК (около 74 %)².

Согласно ч. 2 ст. 21 Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» состав ОПК определяется сводным реестром организаций оборонно-промышленного комплекса, формируемым в порядке, установленном Правительством Российской Федерации³. Ведение реестра осуществляется Министерством промышленности и торговли Российской Федерации, утвержденным приказом Минпромторга России от 3 июля 2015 г. № 1828⁴. На основе данных из открытых источников, по состоянию на конец 2021 г. в сводный реестр организаций ОПК были включены более 1,3 тыс. организаций, обеспечивающих занятость около 2 млн. специалистов различного профиля почти во всех субъектах Российской Федерации (безусловно, сейчас эти цифры значительно увеличены исходя из существующих реалий)⁵, усили-

ям которых, по словам Президента Российской Федерации Владимира Путина⁶, выполнение государственного оборонного заказа сегодня осуществляется практически на уровне 100 процентов⁷. Существенное влияние на его увеличение оказало проведение специальной военной операции на территории России и Украины⁸, несмотря на санкционные ограничения и благодаря грамотно выстроенной проводимой государственной политике в области развития ОПК, реализуемой в рамках Государственной программы вооружения на 2018—2027 годы, государственной программы Российской Федерации «Развитие оборонно-промышленного комплекса» (2016—2034 гг.), утверждённой постановлением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2016 г. № 425-8⁹, иных документов стратегического планирования, среди которых Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400; Основы Государственной политики в области развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 23 февраля 2017 г. № 91 и др.

¹ Добровольский Л.В. Основные направления и особенности функционирования и развития оборонно-промышленного комплекса российской федерации в условиях возрастания глобальных рисков // Московский экономический журнал. № 2. 2024. С. 366; Хрусталёв Е.Ю. Оборонно-промышленный комплекс России: предназначение, состояние и перспективы развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 35. 2011. С. 61.

² Военное право: моногр.: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. III. Кн. 2: Основные итоги исследования. Курс военного права. М., 2023. С. 772—774.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2004 г. № 96 «О сводном реестре организаций оборонно-промышленного комплекса».

⁴ Перечень организаций, включенных в реестр, а также информация об их кадровом потенциале, финансовом и имущественном положении являются сведениями ограниченного доступа и подлежат защите в соответствии с законодательством Российской Федерации.

⁵ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 10 ноября 2021 г. № 476-СФ «Оперспективных направлениях развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации».

⁶ Пленарное заседание форума «Всё для победы!». 2024. 2 февраля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/73369> (дата обращения 11.10.2024).

⁷ Показательно, что ожидается Россия занимает первую строчку в рейтинге самых сильных армий мира на 2024 г. (Комолов А. В США признали российскую армию сильнейшей в мире // Российская газета. 2024. 27 октября).

⁸ Здесь можно согласиться с позицией профессора В.М. Корякина, который считает более юридически правильным и соответствующим действительности указывать именно «специальная военная операция на территории России и Украины» с точки зрения территории, где она осуществляется (См. подробнее: Корякин В.М. Территориальная локализация специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооружённых Силах — военное правовое обозрение. 2024. № 7. С. 11).

⁹ Ранее периодом её реализации были заявлены 2016—2027 годы. Теперь они заменены на 2016—2034 годы. Соответствующее распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2024 г. № 321-р вступает в силу с 1 января 2025 г.

В указанных программных документах, учитывая внедрение в производство инновационных технологий и достижений научно-технического прогресса, особое внимание уделяется решению задач по устранению диспропорций на рынке труда, преодолению дефицита не только в квалифицированных рабочих, но и конструкторов, техников, инженеров¹, повышению уровня их профессиональной подготовки через мотивационно действующие организационно-экономические, правовые и иные механизмы создания и распространения нововведений в целях совершенствования кадрового обеспечения предприятий данной сферы.

Итак, рассмотрим некоторые мотивационные инструменты, нацеленные на сохранение, развитие и привлечение специалистов в организации ОПК.

1. *Стимулирующие стипендии.* Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1380 «О повышении эффективности мер государственной поддержки работников организаций оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации» (далее — Указ № 1380) и постановления Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2012 г. № 1381 «О стипендиях работникам организаций оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации» осуществляется предоставление стипендий учёным, конструкторам, технологам и другим инженерно-техническим работникам организаций-исполнителей государственного оборонного заказа за выдающиеся достижения в создании прорывных технологий и разработке современных образцов ВВиСТ в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства (в размере 800 тыс. руб.), а также специалистам

и молодым работникам (не старше 35 лет) организаций-исполнителей государственного оборонного заказа за значительный вклад в создание прорывных технологий и разработку современных образцов ВВиСТ в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства (в сумме 500 тыс. руб.).

При этом результаты выполненных научно-исследовательских, опытно-конструкторских и экспериментальных работ, созданные технологии и стратегические материалы, иные результаты, рассматриваемые в качестве выдающихся достижений и (или) значительного вклада, должны быть использованы для разработки ВВиСТ, образцы которых по своим тактико-техническим характеристикам соответствуют или превосходят зарубежные аналоги, или должны быть внедрены в производство современных образцов ВВиСТ, прошедших государственные испытания или принятых на вооружение, или поставляемых в рамках военно-технического сотрудничества.

Таким образом, установлен главный принцип назначения президентских стипендий — за достигнутый результат.

2. *Повышение уровня дохода сотрудников.* В соответствии с государственной программой Российской Федерации «Развитие оборонно-промышленного комплекса», утверждённой постановлением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2016 г. № 425-8, наряду с показателем темпа роста выработки на одного работника оборонно-промышленного комплекса включен показатель индекса роста среднемесячной заработной платы к 2027 г. работников организаций данной сферы профессиональной деятельности, а именно: рост среднемесячной заработной платы работников промышленных организаций ОПК должен составить 73 тыс. руб. До 93 тыс. руб. в среднем должны вырасти ежемесячные заработки людей, занятых в научной работе оборонных НИИ².

¹ Так, несмотря на сильный переток кадров из гражданских отраслей в предприятия оборонно-промышленного комплекса, сохраняется потребность примерно в 160 тыс. специалистов, заявил первый вице-премьер Денис Мантуров на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2024). URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/06/2024/6662c05f9a7947b6bcad6605> (дата обращения 11.10.2024).

² Так если в 2019 г. средняя заработная плата работников промышленных предприятий ОПК превысила среднепромышленный уровень и составила 50,9 тыс. рублей, то в 2021 г. она уже приблизилась

3. *Дополнительное профессиональное образование.* В ОПК активно развивается корпоративная система дополнительного профессионального образования (ДПО), вдобавок к вузовской системе в части повышения технологических компетенций и получения соответствующих профессиональных навыков работниками организаций ОПК¹. Ежегодно в 133 учебных центрах, созданных на предприятиях ОПК, проходят обучение более 80 тыс. работников. Минпромтогом России, начиная с 2017 г., в соответствии с государственной программой «Развитие оборонно-промышленного комплекса» предоставляются субсидии на создание и развитие системы повышения квалификации и переподготовки работников по наиболее востребованным направлениям профессиональной подготовки на условиях софинансирования, в рамках реализации которой в созданных центрах ДПО за период 2017—2022 гг. подготовлено более 15 тыс. человек².

4. *Возможности для карьерного и профессионального развития.* Во исполнение поручения Президента Российской Федера-

ции по решению коллегии Военно-промышленной комиссии Российской Федерации (протокол от 19 июля 2019 г. № СК-П7-8пр) создаётся федеральный кадровый резерв руководящего состава оборонно-промышленного комплекса (ФКР ОПК), формируемый по заданным критериям из числа лиц, обладающих высоким потенциалом для карьерного и профессионального развития и претендующих на замещение целевых должностей в организациях оборонно-промышленного комплекса³.

Программа обучения резервистов рассчитана на 8 месяцев и включает набор курсов и лекций по оборонным тематикам, управлению проектами, диверсификации и цифровизации производства, управлению финансами и развитию кадрового потенциала предприятия. В ходе обучения предусмотрено: взаимодействие обучающихся с наставниками, стажировки на предприятиях, а также групповая работа над отраслевыми и общесистемными проектами, имеющими практическую значимость. В настоящее время (с апреля 2024 г.) продолжается обучение V набора слушателей.

5. *Предоставление жилищного займа с господдержкой.* В конце прошлого года озвучивалась инициатива о введении льготной ипотеки для сотрудников всех предприятий ОПК, которую поддержал Президент России В. Путин⁴. Документ данного содержания находится на стадии подготовки и ведомственного согласования.

6. *Военная служба в научно-производственных ротах.* Согласно Указу Президента Российской Федерации от 10 февраля 2018 г. № 66 «О научно-производственных подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации» создана принципиально новая модель взаимодействия Вооруженных Сил с предприятиями оборонно-промышленного комплек-

к 60 тыс. рублям, в научных организациях сотрудники зарабатывали 81,3 тыс. рублей, соответственно (О реализации государственной политики в ОПК // Презентационный материал Минпромторга России. URL: <https://www.yarregion.ru> (дата обращения: 12.10.2024). На 2023 г. увеличение оплаты труда, в условиях СВО, прогнозировался на 30–50% (Китаев А. Проблему дефицита специалистов в ОПК решат новые управленческие технологии // Российская газета. 2022. 15 декабря). В то же время, что касается цифр, условия на каждом заводе, разумеется, отличаются. Это сильно зависит не только от возможностей предприятия оборонки, но и от графика, опыта, квалификации, количества переработок конкретного специалиста и др.

¹ На основании государственной программы «Развитие оборонно-промышленного комплекса» к 2027 г. количество работников, прошедших профессиональную переподготовку и (или) обучение в системе повышения квалификации (нарастающим итогом) составит 432 тыс. человек.

² Так, за период 2017—2022 гг. предоставлены субсидии в объёме 380 млн. руб. (О реализации государственной политики в ОПК // Презентационный материал Минпромторга России. URL: <https://www.yarregion.ru> (дата обращения: 12.10.2024).

³ О реализации государственной политики в ОПК // Презентационный материал Минпромторга России. URL: <https://www.yarregion.ru> (дата обращения: 12.10.2024).

⁴ Манукиян Е. Право на льготную ипотеку до конца года могут получить работники ОПК // Российская газета. 2023. 10 октября.

са. Суть её заключается в том, чтобы после срочной службы молодые люди, получившие опыт и соответствующую квалификацию, оставались в рабочем коллективе оборонного предприятия.

В настоящее время в Вооружённых Силах Российской Федерации с целью сохранения кадрового потенциала предприятий оборонно-промышленного комплекса и темпов выполнения государственного оборонного заказа Минобороны России по наиболее востребованным направлениям успешно функционируют 11 научно-производственных подразделений, созданных в интересах предприятий, выполняющих задания государственного оборонного заказа, в том числе в таких городах, как Анапа, Тамбов, Тула, Калининград, Омск, Челябинск, Ковров Владимирской области и Северодвинск, посёлках Горелово (Санкт-Петербург), Песчанка (Забайкальский край), Свободный (Свердловская область).

Всего с начала создания научно-производственных подразделений более 80 процентов призывников после окончания в них службы продолжают работу на предприятиях ОПК¹.

Власти субъектов Российской Федерации также применяют различные виды поддержки работников региональной «оборонки».

Например, ПАО «ОДК-Кузнецов» (входит в Госкорпорацию Ростех) стало одним из первых участников областной программы по строительству арендного жилья для сотрудников. В рамках ее реализации между предприятием и Самарским областным фондом жилья и ипотеки в 2014 г. было подписано соглашение о возведении жилого дома для последующей сдачи внаем моторостроителям². При этом, поло-

вину арендной платы за своих сотрудников компенсирует само предприятие.

В Тульском регионе предусмотрены соответствующие премии в сфере науки и техники согласно одноимённому Закону от 5 января 2003 г. № 362-ЗТО, в том числе за значительный вклад в разработку и внедрение в производство высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения в организациях оборонно-промышленного комплекса области в сумме 200 тыс. руб.

Также в Тульской области общественной организацией «Ассоциация научных и технических общественных объединений Тульской области им. С.И. Мосина» учреждена премия им. С.И. Мосина (протокол от 31 августа 2020 г. № 25),³ ежегодно вручаемая гражданам Российской Федерации за научно-технические исследования и разработки в интересах обороны и безопасности страны, результаты которых использованы при создании новой и модернизации военной и специальной техники и оборудования. Размер её за I место составляет 500 тыс. руб.

Таким образом, рассмотренные премии, на наш взгляд, стимулируют ученых на создание высокотехнологичной оборонной продукции, крайне востребованной в нынешних условиях.

Считаем необходимым, вкратце отдельно рассмотреть программы поддержки сотрудников по инициативе самих оборонных предприятий, благодаря которым они смотрятся более конкурентноспособными на рынке труда.

Одним из важных факторов закрепления перспективных кадров на предприятиях ОПК является получение жилья. В данном направлении разрабатываются соответствующие корпоративные программы, реализуемые более 220 организациями ОПК, в связи с чем материальная поддерж-

¹ Козак Ю. Исполнить конституционный долг и обязанность по защите Отечества // Красная звезда. 2024. 29 марта.

² Строительство арендного дома осуществлялось в свете исполнения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг».

³ Официальный сайт премии им. С.И. Мосина URL: https://mosin.tsu.tula.ru/index.php?id=normative_documents (дата обращения: 25.10.2024).

ка ежегодно оказывается более 20 тысячам сотрудникам¹.

Например, работники предприятий Государственной корпорации «Ростех» смогут приобрести жилье в рамках программы «Квадратные метры Ростеха», которую Госкорпорация реализует совместно с Промсвязьбанком (ПСБ). Она позволяет снизить стоимость квартир, приобретаемых работниками организаций Госкорпорации, на 20—35% относительно рыночной цены. В указанной программе участвуют такие структуры Ростеха как: Объединенная двигателестроительная корпорация, Объединенная приборостроительная корпорация, Объединенная авиастроительная корпорация, «Уралвагонзавод» и др.². Предполагается, что такая возможность решения жилищного вопроса даст дополнительный стимул работать на предприятиях Госкорпорации, участвующих в выполнении гособоронзаказа и важных производственных задач.

В ОДК-Кузнецов предоставляется корпоративная поддержка в форме компенсации процентов по ипотеке (согласно условиям жилищной программы предприятия), разработанная совместно с Новикомбанком.

Помимо этого, в целях повышения заинтересованности работников, имеющих ученую степень, в применении научных знаний в своей профессиональной деятельности предусмотрено их материальное стимулирование в виде ежемесячной надбавки к должностному окладу, в связи с чем в компании по данному вопросу действует соответствующее Положение. Согласно данному Положению работникам, имеющим ученую степень, установлены следующие размеры: 16 000 руб. за ученую

степень кандидата наук; 25 000 руб. за ученую степень доктора наук. А работнику, получившему ученую степень в период работы в ОДК-Кузнецов, выплачивается единовременное вознаграждение в сумме 35 000 руб. — за присуждение ученой степени кандидата наук и 55 000 руб. — за присуждение учёной степени доктора наук.

Ежемесячная надбавка за ученую степень устанавливается при условии публикации научных статей по профилю профессиональной деятельности работника в изданиях, включенных в перечень рецензируемых научных изданий, РИНЦ или Web of Science, в сборниках статей по итогам конференций различных уровней. Допускается заменить публикацию статей: патентом на изобретение (полезную модель); свидетельством о регистрации произведения науки; отзывом на автореферат диссертации; отзывом ведущей организации на диссертационные работы; изданием монографии по профилю деятельности в качестве автора или соавтора.

В ГК «Росатом» используется грейдинговая единая унифицированная система оплаты труда «ЕУСОТ». Данная система действует в корпорации с 2010 г. Системой грейдирования предполагается формирование тарификатора (классификатора) должностей. В настоящее время система грейдов является наилучшей и единственно оправданной системой начисления должностного оклада на основе матрично-математической модели и балльно-факторного метода. Смысл её состоит в том, что для стимулирования сотрудников на предприятии предусмотрены бонусы (вознаграждение по итогам года) и выплата интегрированной стимулирующей надбавки (ИНС). Размеры ИНС зависят от: профессионализма работника; занимаемой должности; качества выполняемой работы; достижения плановых показателей; оклада работника³.

Следовательно, такая система уводит от «уравниловки» и позволяет выявить и

¹ URL: https://minpromtorg.gov.ru/activities/industries/siszada_chi/oboronprom (дата обращения: 28.10.2024).

² Ростех совместно с ПСБ обеспечит льготным жильем работников промышленных предприятий Корпорации // Пресс-релиз. 2023. 22 августа URL: <https://rostec.ru> (дата обращения: 28.10.2024). О реализации государственной политики в ОПК // Презентационный материал Минпромторга России. URL: <https://www.yarregion.ru> (дата обращения: 12.10.2024).

³ Кохно П.А. Перспективная промышленная политика России в системе «предприятие — государство» // Экономика высокотехнологичных производств. 2022. № 1. С. 11—12.

заинтересовать наиболее компетентных сотрудников, способных обеспечить высокий научно-производственный результат.

К нематериальным видам мотивации в Росатоме относятся: церемонии награждения лучших сотрудников; доски почета; отличительные знаки; повышение статуса сотрудников, активно применяющих принципы достигающих показателей, соблюдающих предписанные правила; мероприятия командообразования для лучших участков по показателям и т.п.¹

В акционерном обществе «Концерн воздушно-космической обороны «Алмаз-Антей» с целью повышения мотивации трудовой деятельности и признания заслуг работников Концерна в повышении эффективности производства, как и на остальных предприятиях российского оборонного комплекса, активно используются различные формы поощрения.

В соответствии с Порядком представления к поощрению работники награждаются: грамотами и благодарностями генерального директора Концерна; нагрудным знаком Концерна «За достижения в труде и профессиональное мастерство» (награждение сопровождается денежной выплатой).

В целях расширения форм поддержки и закрепления высокопрофессиональных специалистов Концерна, занятых разработкой новой техники, технологий учреждены корпоративные специальные стипендии эквивалентные стипендии Президента Российской Федерации².

Подытоживая вышесказанное отметим, что сегодня на государственном, региональном, отраслевом и локальном уровнях в части привлечения, развития и сохранения работников ОПК делается много комплексных шагов, включая усилия по мотивации и стимулированию их труда, что в совокупности обеспечивает повышение ежегодного вклада отечественного оборонно-промышленного комплекса в ВВП страны.

Тем не менее есть несколько замечаний.

Во-первых, научным сообществом обсуждается (и всецело нами поддерживается) вопрос «сдвига» в сторону увеличения возрастного параметра признания лица молодым ученым (т.е. более 35 лет)³ ввиду медленной, но устойчивой тенденции роста продолжительности жизни российского населения. Этим же фактором обусловлено увеличение возрастных рамок трудоспособности и пенсионного возраста российского населения⁴. Тем самым, в контексте нашего исследования, идея видится перспективной, потому что будет расширен охват претендентов из числа работников ОПК на различные инструменты поддержки, что усилит их мотивацию на разработку и создание новых научно-технологических решений в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Во-вторых, приведённые выше размеры надбавок за учёную степень в ОДК-Кузнецов считаем необходимым привязать к минимальному размеру оплаты труда (МРОТ)⁵ и распространить указанную выплату на федеральном уровне на все предприятия ОПК, что значительно повысит

³ Возрастная планка для молодых ученых установлена, в основном, 35 лет и при этом, как правило, речь идет о кандидатах наук (см., например, постановление Правительства Российской Федерации от 7 июня 2012 г. № 563 «О назначении и выплате стипендии Президента Российской Федерации молодым ученым и аспирантам, осуществляющим перспективные научные исследования и разработки по приоритетным направлениям модернизации российской экономики»). Данный ценз применён также к молодым специалистам и работникам в рассмотренном выше Указе № 1380.

⁴ См. подробнее: Волкова Н.С., Путило Н.В., Аксун Э. О правовом положении молодых ученых и начинающих исследователей: российский и зарубежный опыт // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 6 (СПС «Консультант Плюс»). Согласно классификации возрастов Всемирной организации здравоохранения от 2016 г. молодым возрастом признается возраст от 18 до 44 лет. URL: <https://www.who.int/ru/> (дата обращения: 28.10.2024).

⁵ На данный момент составляет 19 242 рубля (Федеральный закон от 27 ноября 2023 г. № 548-ФЗ).

¹ Там же. С. 14.

² URL: [https:// http://www.almaz-antey.ru/](https://http://www.almaz-antey.ru/) (дата обращения: 28.10.2024).

престижность научной деятельности и спровоцирует приток новых кадров.

В заключение следует отметить, что в деле продолжения формирования научно-производственных рот назрела потребность в расширении географии этого процесса, как одного из наиболее эффективных путей решения проблемы с нехваткой кадров.

Библиография

1. Военное право / А.В. Кудашкин, О.Г. Безбабнов, В.М. Корякин [и др.]. Том III. Кн. 2. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2023. — 952 с.
2. Волкова, Н.С. О правовом положении молодых ученых и начинающих исследователей: российский и зарубежный опыт / Н.С. Волкова, Н.В. Путило, Э. Аксу // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2022. — № 6 (СПС «Консультант Плюс»).
3. Добровольский, Л.В. Основные направления и особенности функционирования и развития оборонно-промышленного комплекса российской

федерации в условиях возрастания глобальных рисков / Л.В. Добровольский // Московский экономический журнал. — 2024. — № 2. — С. 366—390.

4. Корякин, В.М. Территориальная локализация специальной военной операции: проблемные вопросы / В.М. Корякин // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 7. — С. 10—15.

5. Кохно, П.А. Перспективная промышленная политика России в системе «предприятие — государство» / П.М. Кохно // Экономика высокотехнологичных производств. — 2022. — № 1. — С. 9—26.

6. Кудашкин, А.В. К вопросу о соотношении понятий «оборонно-промышленный комплекс» и «военно-промышленный комплекс» / А.В. Кудашкин, А.В. Потапов // Право в Вооружённых Силах — Военно-правовое обозрение. — 2024. — № 7. — С. 121—121.

7. Хрусталёв, Е.Ю. Оборонно-промышленный комплекс России: предназначение, состояние и перспективы развития / Е.Ю. Хрусталёв // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2011. — № 35. — С. 61—71.

Some features of attracting and retaining personnel of organizations of the military-industrial complex

© **Zorin O.L.**,
candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, PJSC UEC-
KUZNETSOV
© **Kulbashnaya E.V.**,
candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, MESC AF «N.E.
Zhukovsky and Y.A. Gagarin» Air
Force Academy (Voronezh)

Annotation. The authors of this article highlight some motivational tools aimed at preserving, developing and attracting specialists in the organization of the defense industry, in the context of a special military operation and sanctions pressure from unfriendly countries. Their classification is given. The comments on improving the staffing of enterprises in this field are highlighted.

Keywords: military-industrial complex, state defense order, employee, support measures

Документационное сопровождение государственной регистрации нормативных правовых актов Министерства обороны в период специальной военной операции

© Малышева Лала Назимовна,
соискатель 20 кафедры (военного права)
ФГКВООУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Минобороны
России

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы направления Министерством обороны Российской Федерации изданного нормативного правового акта на государственную регистрацию в Министерство юстиции Российской Федерации. Сформулирован вывод о том, что в период специальной военной операции целесообразно создание отдельного ведомственного раздела в Государственном реестре нормативных правовых актов, предназначенного для актов, издаваемых в сфере обороны, с возложением функции по государственной регистрации таких актов на Министерство обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: Вооруженные Силы; Министерство обороны; Министерство юстиции; нормативный правовой акт; государственная регистрация; ведомственный раздел реестра.

В 1992 г. в России началась работа по упорядочению разработки, издания, государственной регистрации и вступления в силу нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти. Правительством Российской Федерации было утверждено Положение о порядке государственной регистрации ведомственных нормативных актов¹. Затем, в 1997 г., на смену Положению Правительство Российской Федерации утвердило Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации² (далее — Правила), которые действуют по сей день.

Институт государственной регистрации нормативных правовых актов получил в России свое развитие и укрепление, играя ключевую роль в обеспечении законности при осуществлении федеральными органа-

ми исполнительной власти нормативно-правового регулирования различных сфер деятельности.

Можно проследить, как в Правилах отражается генезис современных правоотношений. Законодатель ввел новеллы, упрощающие и ускоряющие процедуру государственной регистрации нормативных правовых актов, принятых в связи с распространением коронавирусной инфекции (2020 г.)³, актов, принятых для повышения устойчивости российской экономики в условиях санкций (2022 г.)⁴. Также стоит отметить значительные изменения, внесенные в Правила в связи с появлением в нашей стране цифровых нормативных правовых актов (2021 г.)⁵.

³ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2020 г. № 359.

⁴ О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2022 г. № 342.

⁵ Об утверждении Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства

¹ О государственной регистрации ведомственных нормативных правовых актов: постановление Правительства Российской Федерации от 8 мая 1992 г. № 305.

² Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009.

Вместе с тем с сожалением приходится констатировать, что проводимая с февраля 2022 г. специальная военная операция (СВО), детерминировавшая существенное преобразование отечественного законодательства¹, до настоящего времени так и не стала катализатором оптимизации процессов, сопровождающих государственную регистрацию нормативных правовых актов в области обороны.

Процедурные вопросы, связанные с документационным сопровождением направления акта на государственную регистрацию, исследованы в доктрине российского права применительно к различным видам актов: нормативным актам Центрального Банка России², нормативным правовым актам МЧС России³, нормативным правовым актам Донецкой Народной Республики⁴.

Сложность процедур, сопровождающих государственную регистрацию, ранее уже отмечалась отдельными учеными⁵, однако в доктрине российского права остается малоисследованным вопрос влияния документационного сопровождения государственной регистрации нормативных правовых актов на осуществление федеральными органами исполнительной власти регулирования в соответствующих сферах деятельности, в том числе такой первоочередной как оборона.

Представляется, что для науки военного права обозначенный в качестве предмета исследования настоящей работы вопрос представляет определенный интерес с точки зрения формирования направлений оптимизации деятельности Министерства обороны Российской Федерации в усложненных условиях, связанных с проведением специальной военной операции.

Если в других сферах деятельности регулирование может осуществляться так же, как и до начала СВО, то выполнение задач, возложенных на Министерство обороны, в данных условиях значительно усложняется, поскольку от этого напрямую зависит не только ведение Вооруженными Силами Российской Федерации боевых действий, но также жизнь и здоровье военнослужащих, защищающих суверенитет Российской Федерации от внешней вооруженной агрессии.

Представляется, что в период СВО в целях обеспечения обороны должна быть создана оптимальная обстановка, позволяющая оборонному ведомству решать поставленные задачи и принимать необходимые решения оперативно, а когда этого требует ситуация на поле боя, — безотлагательно.

Таким образом, можно говорить о наличии в период СВО определенного противоречия между законодательством, регулирующим вопросы государственной регистрации нормативных правовых актов в сфере обороны, и нуждами страны.

Понимание этого обуславливает научный интерес к исследованию возрастающего с каждым годом объема документооборота, осуществляемого при направлении нормативных правовых актов на государственную регистрацию в Министерство юстиции Российской Федерации, и влияния этого аспекта на деятельность Вооруженных Сил.

Заметно увеличившийся документооборот детерминировал увеличение максимального срока, отведенного Министерству юстиции на рассмотрение представленного на регистрацию акта — с 17 календарных до 40 рабочих дней.

Однако в попытке определить срок вступления изданного акта в силу не стоит

Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 20 июля 2021 г. № 1228.

¹ Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 7(300). С. 32—44.

² Шаназарова Е.В. Правила подготовки и государственная регистрация нормативных актов Центрального банка России // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С. 171—173.

³ Одиноква Е.Ю., Дола Н.С. Государственная регистрация нормативных правовых актов МЧС России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2019. № 2(43). С. 57—62.

⁴ Радомская Е.В. Административно-правовое регулирование государственной регистрации нормативных правовых актов в Донецкой Народной Республике // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7, № 9А. С. 25—39.

⁵ Там же.

рассчитывать, что акт можно будет применять в практике максимум через 40 рабочих дней после его подписания.

Время, необходимое для проведения государственной регистрации, состоит не только из тех самых 40 рабочих дней, отведенных на его рассмотрение в Министерстве юстиции. В этот период надо дополнительно включить временной промежуток, который потребуется на оформление всех документов и направление их в Министерство юстиции¹.

Федеральному органу исполнительной власти отводится на направление в Министерство юстиции изданного нормативного правового акта 10 дней со дня его подписания, что, конечно, немало, однако при детальном рассмотрении процесса документационного сопровождения этой деятельности можно понять, почему законодатель отвел столь солидный срок.

Процедура направления изданного нормативного правового акта на государственную регистрацию состоит из трех этапов:

— первый этап проходит «внутри» федерального органа исполнительной власти-разработчика акта, в этот период осуществляются разработка и подписание документов, которые требуется приложить к изданному нормативному правовому акту;

— второй этап составляет путь из ведомства-разработчика в Министерство юстиции;

— третий исчисляется с момента поступления документов в Министерство юстиции до присвоения ему там входящего номера. Именно с этой даты и начинается отсчет срока, отведенного для принятия решения о государственной регистрации поступившего нормативного правового акта.

Федеральный орган исполнительной власти обязан направить в Министерство юстиции не только изданный нормативный

правовой акт, но и существенный комплект документов, а именно:

— сопроводительное письмо за подписью министра либо его заместителя;

— оригинал изданного акта, каждый лист которого уже после его подписания должен быть завизирован руководителем юридической службы ведомства-разработчика;

— копию акта (в том числе содержащего сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера) со всеми визами;

— развернутую справку к акту, подписанную собственноручно руководителем юридической службы федерального органа исполнительной власти.

Сопоставив эти требования с ранее действовавшим Положением, можно сделать вывод о том, что в отношении состава комплекта документов Правила ввели существенные новеллы. Такие нововведения касаются как отдельно оговоренных случаев (в отношении конкретных видов нормативных правовых актов), так и содержания некоторых документов, прилагаемых к изданному акту.

Правила определяют специальные требования для комплектования следующих видов нормативных правовых актов.

1. В отношении актов, по которым имеются не урегулированные по результатам проведенных согласительных совещаний разногласия и окончательное решение по ним принято Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации, должно прилагаться такое решение.

2. В отношении актов, содержащих положения, которыми устанавливаются, изменяются или признаются утратившими силу обязательные требования в соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», должны прилагаться протокол заседания рабочей группы в сфере деятельности федерального органа исполнительной власти при подкомиссии Правительственной комиссии по проведению административной реформы (при наличии рабочей группы) или протокол заседания указанной подкомиссии или Правительственной комиссии

¹ Здесь требуется сделать оговорку о том, что если по результатам рассмотрения будет принято положительное решение о государственной регистрации, акт вступит в силу спустя еще 10 дней после его опубликования (речь идет о нормативных правовых актах, не содержащих информации ограниченного распространения).

по проведению административной реформы.

3. В отношении нормативного правового акта, на проект которого дано заключение об оценке регулирующего воздействия, содержащее вывод о наличии положений, способствующих возникновению дополнительных расходов или снижению расходов бюджетов субъектов Российской Федерации и (или) местных бюджетов, необходимо приложить протокол заседания Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации и (или) ее президиума (штаба), на котором рассматривался проект этого акта.

4. В отношении акта, по которому имеются не урегулированные по результатам проведенных согласительных совещаний разногласия, необходимо представить копии протоколов согласительных совещаний с приложением позиции, содержащей замечания и сведения о получении протокола федеральным органом исполнительной власти, замечания которого не учтены (даты поступления и входящего номера), а также уведомление этого органа о направлении акта на государственную регистрацию в Министерство юстиции.

Кроме того, согласно Правилам, в случае издания нормативного правового акта, предполагающего внесение изменений в ранее изданный акт, необходимо приложить сравнительную таблицу положений этого акта в действующей редакции и в редакции предлагаемых изменений, где разработчик обязан обосновать каждое изменение.

Теперь рассмотрим изменения, коснувшиеся содержания направляемых в Министерство юстиции документов. Первая новелла касается требования о сопроводительном письме за подписью министра либо его заместителя. Ранее в Положении такая норма отсутствовала.

Вторая новелла касается сведений, включаемых в справку, которая теперь совершенно справедливо именуется развернутой. Предусмотренная ранее Положением справка к нормативному правовому акту состояла всего из двух пунктов:

1) основания для издания нормативного акта (компетенция министерства, ведом-

ства; решение вышестоящего органа, которым поручено или предоставлено право решать вопросы, вошедшие в нормативный акт; иные обстоятельства, послужившие основанием издания акта);

2) сведения о ранее принятых нормативных актах по данному вопросу и подготовке предложений об их изменении или признании утратившими силу в связи с принятием акта, представленного на государственную регистрацию.

В настоящее время предусмотренная Правилами развернутая справка должна включать в себя уже четырнадцать обязательных пунктов:

1. Основания, цели и мотивы издания нормативного правового акта и (или) внесения в него изменений.

2. Сведения о результатах изучения относящихся к теме проекта акта законодательства Российской Федерации, договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, практики применения соответствующих нормативных правовых актов, научной литературы и материалов периодической печати по рассматриваемому вопросу, а также данных социологических и иных исследований, если таковые проводились.

3. Сведения о всех действующих нормативных правовых актах по данному вопросу и информацию о сроках их приведения в соответствие с принятым актом.

4. Сведения о наличии или отсутствии в акте обязательных требований, соответствующих виде государственного контроля (надзора), муниципального контроля, виде разрешительной деятельности и предполагаемая ответственность за их нарушение или последствия несоблюдения.

5. Сведения о согласовании нормативного правового акта с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и другими государственными органами (с приложением копий писем в случае, если согласование осуществлялось письмами), или сведения о получении проекта нормативного правового акта федеральным органом исполнительной власти

или другим государственным органом (дата поступления и входящий номер) в случае несогласования нормативного правового акта в установленные сроки.

6. Сведения о проведении независимой антикоррупционной экспертизы с приложением копий заключений по результатам независимой антикоррупционной экспертизы.

7. Сведения о направлении проекта акта на заключение об оценке регулирующего воздействия с приложением копии заключения либо об отсутствии оснований для направления проекта акта на заключение об оценке регулирующего воздействия.

8. Сведения о раскрытии федеральным органом исполнительной власти информации о разработке нормативного правового акта в соответствии с Правилами раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения¹;

9. Сведения о предварительном обсуждении на заседаниях общественного совета при федеральном органе исполнительной власти с приложением копии заключения соответствующего общественного совета или об отсутствии основания для проведения такого обсуждения.

10. Сведения о результатах проведения педагогической экспертизы нормативного правового акта (в случае ее проведения).

11. Сведения о проведении согласительного совещания в случае наличия разногласий по проекту нормативного правового акта, выявленных по результатам проведения оценки регулирующего воздействия, по результатам которого разногласия были урегулированы, с приложением копии протокола согласительного совещания.

12. Сведения о результатах обязательной метрологической экспертизы требований к измерениям, стандартным образцам и средствам измерений, содержащихся в

проектах нормативных правовых актов Российской Федерации.

13. Сведения о результатах экспертизы, проводимой Минэкономразвития России, и о проведении согласительного совещания в случае наличия разногласий по проекту нормативного правового акта (с приложением оригинала протокола согласительного совещания и оригинала заключения).

14. Сведения о том, что расходные обязательства публично-правовых образований, возникшие на основании нормативного правового акта, будут исполняться в пределах соответствующих бюджетных ассигнований, предусмотренных в соответствующем бюджете бюджетной системы России, и их увеличение не потребуется, либо сведения о наличии заключения Минфина России, в котором дается оценка финансовых последствий принятия соответствующих решений, с приложением копии такого заключения.

Как видно, неизменным остается то обстоятельство, что и Положением, и Правилами первоочередное значение при принятии решения о государственной регистрации нормативного правового акта отводится проверке оснований его издания (эти сведения вносятся в п. 1 справки, прилагаемой к нормативному правовому акту).

Вместе с тем Правилами не предусмотрены случаи, когда нормативный правовой акт издан на основании актов более высокой юридической силы, имеющих ограничительную пометку «для служебного пользования» либо гриф секретности. В целях проверки полномочий на издание нормативного правового акта Министерству юстиции потребуется ознакомиться с основанием его разработки (по понятным причинам в открытом доступе такой документ отсутствует, и в Министерство юстиции он не рассылался).

На практике это упущение может привести к тому, что Министерство юстиции не будет иметь возможности провести полноценную правовую экспертизу акта, представленного на государственную регистрацию, ввиду чего данное обстоятельство образует пробел правового регулирования.

¹ О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения : постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2012 г. № 851.

Далее предлагается рассмотреть значимость вышеизложенных новелл в контексте их влияния на нормативно-правовое регулирование сферы обороны в период специальной военной операции.

Сделать это возможно, обратившись к практике Министерства обороны, официального регулятора сферы обороны и органа управления Вооруженными Силами. Издаваемые Министерством обороны нормативные правовые акты, направленные на регулирование сферы обороны, должны быть применимы в жизнедеятельности Вооруженных Сил, это является одним из важнейших факторов наряду с воинской дисциплиной, материальным обеспечением и духовным развитием военнослужащих¹.

Рассмотрим нововведение, касающееся направления на государственную регистрацию нормативных правовых актов о внесении изменений в ранее изданные акты. В этих случаях необходимо оформить сравнительную таблицу двух редакций акта: действующей и новой. В той же таблице Министерство обороны обязано обосновать Министерству юстиции каждое вносимое изменение.

Фактически это означает, что окончательное решение по вопросам обороны, оформленное в виде нормативного правового акта о внесении изменений в ранее изданный акт, принимается не Министерством обороны, а Министерством юстиции по результатам рассмотрения представленных Министерством обороны обоснований.

Здесь также необходимо учитывать специфику Вооруженных Сил: изменение даже «открытого» нормативного правового акта может быть обусловлено мероприятиями, сведения о проведении которых составляют государственную тайну либо служебную тайну в области обороны (например, формирование, переформирование или расформирование той или иной воинской части). По понятным причинам предоставление доступа к подобного рода информации ведомству, не причастному к Вооруженным Силам и не имеющему отношения к разработке и (или) исполнению

данного нормативного правового акта, вряд ли возможно.

Рассмотрим еще одну новеллу — необходимость направления на государственную регистрацию нормативного правового акта с сопроводительным письмом за подписью министра либо его заместителя. Ранее такого требования не было, и это давало возможность направлять уже подписанный Министром обороны Российской Федерации акт с сопроводительным письмом за подписью руководителя органа военного управления — непосредственного разработчика акта, что значительно упрощало и ускоряло процесс.

Для полноты понимания целесообразно проиллюстрировать алгоритм действий по оформлению сопроводительного письма, требования к которому установлены Правилами:

(1) орган военного управления — разработчик акта (ОВУ) получает в Аппарате Министерства обороны оригинал подписанного Министром обороны нормативного правового акта;

(2) ОВУ разрабатывает проект сопроводительного письма Министра обороны (его заместителя) в Министерство юстиции;

(3) ОВУ направляет проект сопроводительного письма в Правовой департамент Министерства обороны для проведения правовой экспертизы перед представлением на подписание Министру обороны (его заместителю);

(4) после проведения правовой экспертизы ОВУ разрабатывает доклад Министру обороны (его заместителю) о необходимости подписания сопроводительного письма;

(5) ОВУ представляет через Аппарат Министерства обороны (секретариат заместителя Министра обороны) доклад с приложением проекта сопроводительного письма на подписание Министру обороны (его заместителю);

(6) после подписания сопроводительного письма Министром обороны (его заместителем) комплект документов направляется в Министерство юстиции.

Как видно, требование Правил о сопроводительном письме за подписью руко-

¹ Корякин В.М. Военная администрация : учебник. М.: «За права военнослужащих», 2015. С. 11.

водящих должностных лиц значительно увеличивает документооборот.

Заключительная новелла Правил касается существенного расширения перечня сведений, включаемых в развернутую справку. Такой большой объем данных необходим для проведения Министерством юстиции экспертизы представленного на государственную регистрацию акта. Поскольку юридическое ведомство не участвовало в его разработке, необходимые сведения у него отсутствуют. Все эти данные имеются у Министерства обороны и уже проверены его Правовым департаментом при проведении правовой экспертизы проекта акта перед его представлением на подписание Министру обороны. Таким образом, нормативный правовой акт подвергается проведению правовой экспертизы дважды: перед подписанием (юристами Министерства обороны) и еще раз — после подписания (юристами Министерства юстиции).

В заключение сформулируем следующие выводы.

1. Документационное сопровождение процесса направления федеральными органами исполнительной власти нормативных правовых актов на государственную регистрацию в Министерство юстиции в последние годы существенно усложнилось. Изменения коснулись как состава направляемых в Министерство юстиции документов, так и их содержания. Расширение объема информации, необходимой Министерству юстиции для принятия решения о государственной регистрации нормативного правового акта, повлекло, в свою очередь, увеличение максимального срока государственной регистрации: с 17 календарных до 40 рабочих дней.

2. Констатируя значительное увеличение объема представляемых в Министерство юстиции документов, тем не менее, необходимо указать на их недостаточность. Так, до настоящего времени не нашел своего законодательного разрешения вопрос проверки оснований издания представленного для государственной регистрации нормативного правового акта, разработанного во исполнение акта более высокой юридической силы, имеющего гриф сек-

ретности либо ограничительную пометку, отсутствующий у Министерства юстиции.

3. Представляется неоднозначным положение, касающееся необходимости обоснования каждого изменения, вносимого Министерством обороны в ранее изданные нормативные правовые акты.

Фактически это означает, что:

— Министерство обороны воюющей страны обязано обосновывать решения, принимаемые по вопросам обороны, «гражданскому» ведомству (в том числе предоставляя доступ к сведениям, составляющим государственную тайну либо служебную тайну в области обороны);

— окончательное решение по предмету регулирования в области обороны принадлежит не Министерству обороны, а Министерству юстиции, выносящему вердикт о государственной регистрации нормативного правового акта оборонного ведомства.

Такое положение вещей ставит под вопрос законодательно установленный принцип единоначалия как один из основных принципов строительства Вооруженных Сил¹ и механизм управления Вооруженными Силами, которые должны непосредственно подчиняться Министру обороны, наделенному полномочиями управлять ими через Министерство обороны.

4. Процесс документационного сопровождения направления на государственную регистрацию подписанного Министром обороны нормативного правового акта весьма непростой. Его локальная «зарегулированность» объясняется, в том числе тем, что Министерству юстиции необходимо ознакомиться с данными, отсутствующими у него, поскольку ведомство не имеет отношения к разработке акта. По этой причине ему приходится заново проводить правовую экспертизу подписанного Министром обороны нормативного правового акта (ранее уже прошедшего аналогичную экспертизу в Министерстве обороны).

¹ Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495.

5. Сложность представляет отсутствие в законодательстве, регулирующем государственную регистрацию нормативных правовых актов, положений, учитывающих проведение специальной военной операции и (или) специфику деятельности Вооруженных Сил в этот период.

Эффективность деятельности Вооруженных Сил зависит от различных условий, в том числе от оперативности вступления в силу нормативных правовых актов Министерства обороны. Отсутствие своевременности в принятии решений делает управление Вооруженными Силами недостаточно эффективным.

Оптимальным решением сложившейся ситуации, по нашему мнению, является создание в Государственном реестре нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти отдельного ведомственного раздела для нормативных правовых актов в области обороны с возложением функций по их регистрации на Министерство обороны. Прецеденты законодательного закрепления подобного рода решений имеются и они на практике доказали свою эффективность. В качестве примера можно привести создание в Государственном реестре опасных производственных объектов (который ведется Ростехнадзором) отдельного ведомственного раздела для объектов Министерства обороны. Такие объекты регистрируются самим оборонным ведомством уже не один год в порядке, предусмотренном постановлением

Правительства Российской Федерации от 24 ноября 1998 г. № 1371.

В условиях проведения специальной военной операции сокращение документооборота и временных затрат Министерства обороны на процедуры, сопровождающие государственную регистрацию актов, будет способствовать эффективному управлению Вооруженными Силами, реализации в полном объеме механизма управления армией с реализацией принципа единоначалия, а также исключит риск допуска к государственной тайне и служебной тайне в области обороны сторонних лиц.

Библиография

1. Корякин, В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции / В. М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 7(300). — С. 32—44.
2. Одиноква, Е.Ю. Государственная регистрация нормативных правовых актов МЧС России / Е.Ю. Одиноква, Н.С. Дола // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. — 2019. — № 2(43). — С. 57—62.
3. Радомская, Е.В. Административно-правовое регулирование государственной регистрации нормативных правовых актов в Донецкой Народной Республике / Е.В. Радомская // Вопросы российского и международного права. — 2017. — Т. 7, № 9А. — С. 25—39.
4. Шаназарова, Е.В. Правила подготовки и государственная регистрация нормативных актов Центрального банка России / Е.В. Шаназарова // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 94-4. — С. 171—173.
5. Корякин, В.М. Военная администрация : учебник / В.М. Корякин. — Москва: За права военнослужащих, 2015. — 416 с.

Documentation support of the state registration of normative legal acts of the Ministry of Defense during a special military operation

© Malysheva L.N.,
Researcher Military University Ministry of
Defense of the Russian Federation

Annotation. The article discusses the problematic issues of sending the Ministry of Defense of the Russian Federation issued a regulatory legal act for state registration to the Ministry of Justice of the Russian Federation. The conclusion is formulated that during the period of a special military operation, it is advisable to create a separate departmental section in the State Register of Normative Legal Acts intended for acts issued in the field of defense, with the assignment of the function of state registration of such acts to the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Key words: Armed Forces; Ministry of Defense; Ministry of Justice; regulatory legal act; state registration; departmental section of the register.

Военная служба, социальные гарантии военнослужащих и иных лиц

**Дополнительное материальное стимулирование
работников воинских частей: подлежит ли учету при
расчете среднего заработка?**

© Зайков Денис Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры «Теория права, гражданское право,
гражданский процесс» Юридического
института ФГАОУ ВО «Российский
университет транспорта»

Аннотация: В статье рассматривается вопрос правовой квалификации дополнительного материального стимулирования работников воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, выплачиваемого в соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010, и неоднозначность его толкования в правоприменительной и судебной практике. Автор также анализирует Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2024 г. № 47-П, которым разрешена указанная проблема.

Ключевые слова: работники воинских частей, дополнительное материальное стимулирование, средний заработок, ежегодный отпуск, система оплаты труда.

Общие положения системы оплаты труда работников воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — работники воинских частей) определены приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2024 г. № 595 «О системе оплаты труда гражданского персонала (работников) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации» (далее — приказ Минобороны России № 595). Однако указанным правовым актом не исчерпывается ведомственное правовое регулирование указанных отношений.

Одним из значимых и имеющих наиболее широкое применение является Порядок определения и расходования объемов бюджетных средств, направляемых на дополнительные выплаты военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и премии лицам гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010 (далее — Порядок), который не изменяет действующую систему оплаты труда, а определяет использова-

ние средств в виде выплат, не предусмотренных ею¹.

Указанный правовой акт, изданный во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 26 декабря 2006 г. № 1459 «О дополнительных мерах по повышению эффективности использования средств на оплату труда работников федеральных органов исполнительной власти», предусматривает выплату работникам военных организаций дополнительного материального стимулирования в виде премий (далее — материальное стимулирование) за счет экономии бюджетных средств в результате сокращения численности личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации в пределах доводимых Министерству обороны Российской Федерации на соответствующий финансовый год лимитов бюджетных обязательств на выплату денежного довольствия военнослужащим и оплату труда лиц гражданского персонала.

Вместе с тем, Порядок содержит пробельно-фрагментарное правовое регулиро-

¹ Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 15 января 2020 г. № 88а-579/2020.

вание отношений по выплате работникам воинских частей материального стимулирования, что приводит к неоднозначному толкованию правовых норм Порядка и создает предпосылки для нарушения трудовых прав указанных субъектов, а противоречивая судебная практика не добавляет определенности указанным правоотношениям¹.

При этом актуальным вопросом, оказывающим влияние на возможность полноценной реализации работниками воинских частей своих трудовых прав, является проблема квалификации материального стимулирования — входит ли оно в состав заработной платы и подлежит ли учету при расчете средней заработной платы.

Стоит отметить, что рассматриваемая проблема на практике имеет двойственную сферу своего применения с учетом противоположных и вместе с тем имеющих сходство позиций работников воинских частей и их работодателей:

— материальное стимулирование не должно включаться в состав заработной платы, не превышающей минимального размера оплаты труда, и одновременно с этим должно учитываться при исчислении среднего заработка для оплаты ежегодного отпуска;

— материальное стимулирование является частью оплаты труда работников воинских частей и учитывается в составе заработной платы, не превышающей минимального размера оплаты труда, однако не входит в установленную для них систему оплаты труда (в настоящее время — приказ Минобороны России № 595, ранее — приказ Минобороны России № 545), в связи с чем, не должно приниматься во внимание при расчете предоставляемого работникам воинских частей ежегодного отпуска².

Подобная неоднозначность указанных подходов представляется внутренне противоречивой и обусловленной, прежде всего, экономическими интересами каждой из сторон трудовых отношений.

При этом наибольшую практическую актуальность получил вопрос о том, подлежит ли материальное стимулирование учету при исчислении среднего заработка для оплаты ежегодного отпуска работникам воинских частей и, соответственно, выплаты им компенсации за неиспользованные отпуска.

Анализ пунктов 2 и 3 Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2007 г. № 922 (далее — постановление Правительства РФ № 922), позволял прийти к выводу о том, что материальное стимулирование все-таки должно учитываться при расчете среднего заработка³.

Безусловных правовых оснований для отнесения материального стимулирования к выплатам социального характера и иным выплатам, не относящимся к оплате труда⁴, не имелось:

— критерием, определяющим размеры материального стимулирования, являются результаты исполнения работниками воинских частей должностных обязанностей в соответствующий период (п. 7 Порядка);

— одним из оснований лишения материального стимулирования работников воинских частей определено наличие дисциплинарного взыскания за неисполнение или ненадлежащее исполнение по их вине возложенных на них трудовых обязанностей (п. 11 Порядка).

На ведомственном уровне указанная проблема была решена в органах военной

¹ Подр. см.: Зайков Д.Е. Дополнительное материальное стимулирование гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации: проблемы правоприменительной и судебной практики // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 6. С. 47—52.

² См., напр.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 августа 2023 г. по делу № 8Г-14063/2023[88-15444/2023], определение Судебной коллегии по гражданским делам Девятого

кассационного суда общей юрисдикции от 29 августа 2024 г. по делу № 8Г-6847/2024[88-7246/2024].

³ См., напр.: Бутаева Е.М. Премияльные выплаты: единые нормы, разный подход (по материалам выплаты премиального вознаграждения в Министерстве обороны РФ) // Гражданин и право. 2017. № 2. С. 68—72.

⁴ См.: п. 3 постановления Правительства РФ № 922 — материальная помощь, оплата стоимости питания, проезда, обучения, коммунальных услуг, отдыха и другие.

прокуратуры — в п. 9 Инструкции о порядке использования фондов денежного довольствия военнослужащих и оплаты труда лиц гражданского персонала органов военной прокуратуры для дополнительного материального стимулирования, утвержденной приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 3 июля 2017 г. № 124-10, согласно которому при расчетах среднего заработка и сохраняемого денежного содержания гражданскому персоналу органов военной прокуратуры в предусмотренных законодательством случаях (отпуск, командировка и т.д.) денежные средства, выплаченные в качестве дополнительного материального стимулирования, не учитываются.

Вместе с тем, как в правоприменительной, так и в судебной практике по этому вопросу сформировалось два противоположных подхода:

1) материальное стимулирование не может быть включено в состав средней заработной платы, так как оно не является гарантированной выплатой обязательного характера, предусмотренной системой оплаты труда, и осуществляется только за счет средств, высвободившихся в результате сокращения численности работников, то есть за счет экономии бюджетных средств в пределах доводимых на указанные цели Министерством обороны Российской Федерации лимитов¹;

2) материальное стимулирование входит в состав заработной платы, соответствующие выплаты носят систематический характер, в связи с чем, они подлежат учету при расчете среднего заработка².

¹ См., напр.: определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2014 г. № 18-КГ14-157, Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2020 г. № 65-АД20-1, определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 августа 2020 г. по делу № 8Г-13676/2020[88-13447/2020], определение Судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14 августа 2024 г. по делу № 8Г-17309/2024[88-18056/2024].

² См., напр.: апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Хабаровского краевого суда от 18 сентября 2013 г. по делу № 33-5259/2013, определение Судебной коллегии по

Несмотря на неоднозначность своего обоснования, распространение получил именно первый подход. Вместе с тем, само по себе отсутствие единообразия судебной практики исключало возможность реализации принципа правовой определенности и создавало предпосылки для нарушения трудовых прав работников воинских частей.

Указанная проблема была решена Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2024 г. № 47-П «По делу о проверке конституционности статьи 349 и части второй статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 2, 4 и 10 Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы в связи с жалобой гражданки О.И. Мицкевич» (далее — Постановление № 47-П).

Так, суды общей юрисдикции, следуя устоявшейся судебной практике, отказали гражданке Мицкевич О.И., являющейся работником воинской части, во взыскании с работодателя недополученной суммы оплаты ежегодного отпуска и процентов за несвоевременную выплату указанной денежной суммы в связи с тем, что выплаченные ей суммы материального стимулирования не подлежат учету при расчете среднего заработка для оплаты предоставляемого ежегодного отпуска.

Конституционный Суд Российской Федерации с таким подходом не согласился, следующим образом обосновав свою позицию.

Оплата ежегодного отпуска является гарантией полноценной реализации конституционного права на отдых, обеспечивая работнику в период этого отпуска возможность отдыха и восстановления работоспособности. Соответственно, при установлении правового регулирования, определяющего порядок исчисления оплаты ежегодного отпуска, законодатель обязан исходить из того, что такая оплата должна быть сопоставима с тем заработком работника, который он обычно получает в каче-

гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 ноября 2023 г. по делу № 8Г-24640/2023[88-24617/2023].

стве оплаты его труда (заработной платы) и который он мог бы получить за период отпуска, если бы не был освобожден от выполнения своих трудовых обязанностей.

В соответствии с Порядком материальное стимулирование представляет собой периодическую выплату, предоставляемую работникам воинских частей за счет экономии бюджетных средств, выделенных на оплату их труда, и непосредственно обусловленной надлежащим исполнением указанными лицами своих трудовых обязанностей. При этом, несмотря на то, что действующее правовое регулирование не относит материальное стимулирование к входящим в систему оплаты труда стимулирующим выплатам, материальное стимулирование производится за счет бюджетных средств, имеющих строго целевое назначение (оплата труда), из фонда оплаты труда и к тому же с учетом результатов труда конкретных работников воинских частей и их отношения к исполнению трудовых обязанностей, т.е. фактически направлено на усиление мотивации работников к труду и повышение их материальной заинтересованности в результатах своего труда (стимулирование их труда).

Единственным отличием материального стимулирования от премий, учитываемых при формировании фонда оплаты труда, выступает обусловленность возможности его выплаты и размера наличием в том или ином периоде соответствующих бюджетных средств, образующихся в результате их экономии. Однако это обстоятельство имеет значение главным образом для сферы финансовых отношений между воинской частью и Министерством обороны Российской Федерации, осуществляющим распределение ей бюджетных ассигнований.

Вместе с тем, правоприменительная и судебная практика с учетом положений статей 114 и 139 ТК РФ исходит из того, что если выплата формально не предусмотрена действующей у работодателя системой оплаты труда, то она не может быть

включена в расчет среднего заработка для оплаты ежегодного отпуска.

Между тем при применении правил исчисления среднего заработка необходимо целевое и конституционно значимое назначение гарантии в виде оплаты ежегодного отпуска. С этой точки зрения регулярно выплачиваемые работникам воинских частей суммы материального стимулирования как составная часть их заработной платы не должны исключаться из расчета среднего заработка для оплаты ежегодного отпуска лишь на том основании, что материальное стимулирование не предусмотрено действующей системой оплаты труда.

Учитывая изложенное, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении № 47-П пришел к выводу о том, что работодатель обязан обеспечить работникам воинских частей оплату ежегодного отпуска исходя из среднего заработка, исчисленного с учетом фактически начисленных им за расчетный период сумм материального стимулирования, за исключением случаев, когда такие выплаты производятся работникам воинских частей за период их пребывания в ежегодном отпуске сверх выплаченного ему за время этого отпуска среднего заработка, рассчитанного без их учета.

Таким образом, вопрос о правовой квалификации материального стимулирования и, соответственно, включения его сумм в расчет среднего заработка для определения размера оплаты ежегодного отпуска разрешен, что, безусловно, положительно скажется на реализации работниками воинских частей своих трудовых прав.

Библиография

Бутаева, Е.М. Премияльные выплаты: единые нормы, разный подход (по материалам выплаты премиального вознаграждения в Министерстве обороны РФ) / Е.М. Бутаева // Гражданин и право. — 2017. — № 2. — С. 60—76.

Зайков, Д.Е. Дополнительное материальное стимулирование гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации: проблемы правоприменительной и судебной практики / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2021. — № 6. — С. 47—52.

Additional financial incentives for employees of military units: is it subject to accounting when calculating average earnings?

© **Zaikov D.E.**,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department "Theory of Law, Civil Law, Civil Procedure" of the Law Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution "Russian University of Transport"

Annotation. The article examines the issue of legal qualification of additional financial incentives for employees of military units and organizations of the Armed Forces of the Russian Federation, paid in accordance with the order of the Minister of Defense of the Russian Federation No. 1010 dated July 26, 2010, and the ambiguity of its interpretation in law enforcement and judicial practice. The author also analyzes the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 47-P dated October 17, 2024, which resolved this problem.

Keywords: employees of military units, additional financial incentives, average earnings, annual leave, wage system.

О некоторых вопросах медико-психологической реабилитации военнослужащих и граждан Российской Федерации, пребывающих в добровольческих формированиях

© Иноземцев Антон Сергеевич,
адъюнкт Военного университета им. князя
Александра Невского

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые правовые вопросы регулирования и правоприменения медико-психологической реабилитации военнослужащих и граждан Российской Федерации, пребывающих в добровольческих формированиях. Осуществлен анализ нормативных правовых актов, регламентирующих проведение данного вида реабилитации, сформулированы авторские предложения по их совершенствованию.

Ключевые слова: медико-психологическая реабилитация; военнослужащие; граждане Российской Федерации, пребывающие в добровольческих формированиях; медицинская реабилитация; лицензирование медицинской деятельности.

В соответствии с п. 4 ст. 22.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (далее — ФЗ № 61-ФЗ) гражданин Российской Федерации может поступить в добровольческое формирование путем заключения соответствующего контракта (о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации).

В соответствии с п. 6 ст. 22.1 ФЗ № 61-ФЗ контракт о пребывании в добровольческом формировании заключается между гражданином Российской Федерации и Министерством обороны Российской Федерации (Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации) письменно по типовой форме и в порядке, которые определяются Министерством обороны Российской Федерации (Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации).

По основаниям, предусмотренным п. 2.1 ст. 16 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие и граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, после выполнения ими задач, неблагоприятно отражающихся на состоянии здоровья, при наличии соответствующих показаний подлежат медико-психологической

реабилитации продолжительностью до 30 суток. Медико-психологическая реабилитация проводится для военнослужащих и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, бесплатно.

Перечень показаний к медико-психологической реабилитации и соответствующую им продолжительность медико-психологической реабилитации, перечень категорий военнослужащих и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, подлежащих при наличии указанных показаний медико-психологической реабилитации, порядок и места проведения медико-психологической реабилитации определяет Министерство обороны Российской Федерации (иной федеральный орган исполнительной власти и федеральный государственный орган, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба)¹.

Вместе с тем, анализ указанного нормативного правового акта свидетельствует, что соответствующие перечни утверждены для военнослужащих, без учета граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, что создает сложности в правоприменении для данной категории. Кроме

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 27 января 2017 г. № 60 «О медико-психологической реабилитации военнослужащих».

того, указанные перечни не конкретизируют специалистов, которые допускаются к оказанию медико-психологической реабилитации, следовательно, участвовать в оказании медико-психологической реабилитации могут специалисты, как с медицинским, так и с немедицинским образованием, например, психологи.

Стоит заметить, что медико-психологическая реабилитация является компонентом комплекса мероприятий организационного и медицинского характера, осуществляемых командованием воинских частей, органами управления медицинской службой, военно-медицинскими организациями, медицинскими частями и медицинскими пунктами в целях сохранения и укрепления здоровья военнослужащих, своевременного оказания им медицинской помощи, восстановления их трудоспособности и боеспособности¹.

Учитывая, что граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (войска национальной гвардии Российской Федерации) в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (войск национальной гвардии Российской Федерации) за пределами территории Российской Федерации, подлежат обязательному медицинскому страхованию, можно сделать вывод, что они имеют право кроме военно-медицинской реабилитации и на прохождение медицинской реабилитации².

¹ Холиков И.В., Бабайцева Е.С. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2(60). С. 78—86.

² Бухтияров И.В., Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника "Медицинское право России", отв. ред. А.А. Мохов, изд-во "Проспект", 2022, материалы дискуссии) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63, № 1. С. 67—73.

Отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан Российской Федерации, регулируется Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 323-ФЗ).

В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 40 указанного Федерального закона определено понятие медицинской реабилитации: это комплекс мероприятий медицинского и психологического характера, направленных на полное или частичное восстановление нарушенных и (или) компенсацию утраченных функций пораженного органа либо системы организма, поддержание функций организма в процессе завершения остро развившегося патологического процесса или обострения хронического патологического процесса в организме, а также на предупреждение, раннюю диагностику и коррекцию возможных нарушений функций поврежденных органов либо систем организма, предупреждение и снижение степени возможной инвалидности, улучшение качества жизни, сохранение работоспособности пациента и его социальную интеграцию в общество³. Медицинская реабилитация осуществляется в медицинских организациях и включает в себя комплексное применение природных лечебных факторов, лекарственной, немедикаментозной терапии и других методов.

В целях правового развития указанных положений и в соответствии с ч. 5 ст. 40-ФЗ № 323-ФЗ приказом Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 788н утвержден Порядок организации медицинской реабилитации взрослых⁴ (далее — Порядок № 788н).

³ Bukhtiyarov I.V., Rubtsova N.B., Kholikov I.V. Occupational health in Russia // Occupational Medicine and Work Ability. 2018. № 3. P. 46—57; Холиков И. В. Международно-правовые аспекты реализации транспортной стратегии Российской Федерации в сфере медицинского обеспечения на транспорте // Транспортное право и безопасность. 2018. № 4(28). С. 93—99.

⁴ Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 788н «Об утверждении Порядка организации медицинской реабилитации взрослых».

В соответствии с п. 2 положения о мультидисциплинарной реабилитационной команде, определенного приложением № 2 к Порядку № 788н, мультидисциплинарная реабилитационная команда является структурно-функциональной единицей структурного подразделения медицинской организации или иной организации, осуществляющей медицинскую реабилитацию на всех этапах (отделения ранней медицинской реабилитации, стационарного отделения медицинской реабилитации пациентов с нарушением функции периферической нервной системы и костно-мышечной системы, стационарного отделения медицинской реабилитации пациентов с нарушением функции центральной нервной системы, стационарного отделения медицинской реабилитации пациентов с соматическими заболеваниями, амбулаторного отделения медицинской реабилитации, отделения медицинской реабилитации дневного стационара), организованной на функциональной основе из работников указанных отделений.

В соответствии с п. 5 положения о мультидисциплинарной реабилитационной команде, в состав ее могут входить: врач по физической и реабилитационной медицине / врач по медицинской реабилитации, специалист по физической реабилитации, специалист по эргореабилитации, медицинский психолог / врач-психотерапевт, медицинский логопед, медицинская сестра по медицинской реабилитации, медицинская сестра палатная. При этом, медицинским психологом / врачом-психотерапевтом в составе мультидисциплинарной реабилитационной команды оказывается помощь по медицинской реабилитации.

Вместе с тем стоит обратить внимание, что как медицинский психолог, так и врач-психотерапевт являются медицинскими работниками согласно номенклатуре должностей медицинских работников и фармацевтических работников¹.

¹ Приказ Минздрава России от 2 мая 2023 г. № 205н «Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников».

Необходимо принять во внимание, что отношения, возникающие между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, юридическими и индивидуальными предпринимателями в связи с осуществлением лицензирования отдельных видов деятельности, регулируются Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее — ФЗ № 99-ФЗ).

В соответствии с подп. 46 п. 1 ст. 12 ФЗ № 99-ФЗ лицензированию подлежит медицинская деятельность (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»).

Порядок лицензирования медицинской деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации медицинскими и иными организациями, а также индивидуальными предпринимателями (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»), определяется положением, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июня 2021 г. № 852 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (вместе с «Положением о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»))» (далее — Положение).

Приложением к Положению определяется перечень работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность, который, в

свою очередь не содержит работ (услуг) по медико-психологической реабилитации, а определяет медицинскую реабилитацию.

Отсутствие дефиниции «медико-психологическая реабилитация» в перечне работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность, представляет понимание, что медико-психологическая реабилитация не относится к таковой, и дополнительно не позволяет определить, относится ли медико-психологическая реабилитация к медицинской, а не к психологической деятельности, оценить предмет мероприятий по медико-психологической реабилитации, перечень проводимых лечебно-диагностических мероприятий, медицинский и (или) иной персонал, участвующий в оказании медико-психологической реабилитации.

Кроме того, также требует решения вопрос принятия правовых норм, регулирующих порядок осуществления медицинского обследования и освидетельствования добровольцев в рамках проведения военно-врачебной экспертизы, в том числе после прохождения медико-психологической реабилитации. Несмотря на внесение соответствующих изменений в Положение о военно-врачебной экспертизе¹, на ведомственном уровне многие нормы требуют детализации, что обусловливается социальной значимостью вопросов, решаемых в рамках проведения военно-врачебной экспертизы². При этом особую актуальность

приобретают вопросы медико-психологической реабилитации военнослужащих и добровольцев, у которых вследствие участия в боевых действиях развились психические расстройства³.

Резюмируя, по мнению автора, в целях устранения описанной проблематики необходимо урегулировать следующие вопросы:

1) дополнить нормативный правовой акт федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики в области обороны, положениями, касающимися медико-психологической реабилитации граждан Российской Федерации, пребывающих в добровольческих формированиях;

2) порядок медико-психологической реабилитации, утвержденный федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба и порядок проведения медицинской реабилитации, утвержденный федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере здравоохранения, доработать с точки зрения соотношения понятий и их единого понима-

сии // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3(162). С. 10—13; Холиков И.В., Наумов П.Ю. Функции военно-врачебной экспертизы при организации работы по предоставлению гарантий и компенсаций участникам специальной военной операции // Вестник военного права. 2024. № 2. С. 40—46.

³ Белоусова М.С. Международно-правовые требования уважения и защиты раненых и больных в вооруженных конфликтах: содержание и соблюдение в отношении лиц с психическими расстройствами // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. Т. 20, № 4. С. 133—143; Холиков И.В. Белоусова М.С. Развитие идей международно-правовой защиты лиц, нуждающихся в медицинской помощи вследствие психического расстройства // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 4(321). С. 99—107; Белоусова М.С. Особенности соблюдения требований медицинской этики в военное время в отношении лиц с психическими расстройствами // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 8(325). С. 90—98.

¹ Изменения, касающиеся добровольцев, внесены в Положение о военно-врачебной экспертизе постановлением Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2023 г. № 157.

² Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы / П. Ю. Наумов, // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13, № 6. С. 283—306; Вовкодав В.С., Холиков И.В. Человеческий фактор безопасности полётов: военно-правовые аспекты // Военное право. 2017. № 6(46). С. 177—179; Наумов П.Ю., Холиков И.В., Солдатов С.К. Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2024. Т. 16, № 1. С. 422—445; Холиков И.В., Дамаскин О.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-лётной экспертизы в Рос-

ния, что позволит избежать проблемы правоприменения, а равно правопонимания.

Библиография

1. Бабайцева, Е.С. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации / Е.С. Бабайцева, И.В. Холиков // Военное право. — 2020. — № 2(60). — С. 78—86.
2. Белоусова, М.С. Особенности соблюдения требований медицинской этики в военное время в отношении лиц с психическими расстройствами / М.С. Белоусова // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 8(325). — С. 90—98.
3. Белоусова, М.С. Международно-правовые требования уважения и защиты раненых и больных в вооруженных конфликтах: содержание и соблюдение в отношении лиц с психическими расстройствами / М.С. Белоусова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2024. — Т. 20, № 4. — С. 133—143. — DOI 10.61205/S199132220029824-2.
4. Бухтияров И.В. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника "Медицинское право России", отв. ред. А.А. Мохов, изд-во "Проспект", 2022, — материалы дискуссии) / И.В. Бухтияров, И.В. Холиков, В.М. Большакова, П.Ю. Наумов // Медицина труда и промышленная экология. — 2023. — Т. 63, № 1. — С. 67—73. — DOI 10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73.
5. Вовкодав, В.С. Человеческий фактор безопасности полётов: военно-правовые аспекты / В.С. Вовкодав, И.В. Холиков // Военное право. — 2017. — № 6(46). — С. 177—179.
6. Дамаскин О.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летней экспертизы в России / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Представи-
- тельная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2018. — № 3(162). — С. 10—13.
7. Наумов П.Ю. Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте / П.Ю. Наумов, И.В. Холиков, С.К. Солдатов // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2024. — Т. 16, № 1. — С. 422-445. — DOI 10.12731/2658-6649-2024-16-1-1071.
8. Наумов П.Ю. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы / П.Ю. Наумов, В.М. Большакова, А.И. Землин, И.В. Холиков // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2021. — Т. 13, № 6. — С. 283—306. — DOI 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306.
9. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты реализации транспортной стратегии Российской Федерации в сфере медицинского обеспечения на транспорте / И.В. Холиков // Транспортное право и безопасность. — 2018. — № 4(28). — С. 93—99.
10. Холиков И.В. Развитие идей международно-правовой защиты лиц, нуждающихся в медицинской помощи вследствие психического расстройства / И.В. Холиков, М.С. Белоусова // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 4(321). — С. 99—107.
11. Холиков, И.В. Функции военно-врачебной экспертизы при организации работы по предоставлению гарантий и компенсаций участникам специальной военной операции / И.В. Холиков, П.Ю. Наумов // Вестник военного права. — 2024. — № 2. — С. 40—46.
12. Bukhtiyarov I.V. Occupational health in Russia / I.V. Bukhtiyarov, N.B. Rubtsova, I.V. Kholikov // Occupational Medicine and Work Ability. — 2018. — No. 3. — P. 46-57.

On some issues of medical and psychological rehabilitation of military personnel and citizens of the Russian Federation staying in volunteer formations

© Inozemtsev A.S.,

Adjunct at the Prince Alexander Nevsky Military University

Abstract. The article considers some legal issues of regulation and law enforcement of medical and psychological rehabilitation of military personnel and citizens staying in volunteer formations. The analyzes of normative legal acts that regulate such type of rehabilitation has been performed, the author's proposals on their improvement have been formulated.

Keywords: medical and psychological rehabilitation, military personnel, citizens of the Russian Federation staying in volunteer formations, medical rehabilitation, licensing of medical activities.

Правовые аспекты предоставления отпусков военнослужащим, находящимся по состоянию здоровья в беспомощном состоянии (в том числе в результате участия в боевых действиях) или признанным в установленном порядке недееспособными

© Холиков Иван Владимирович,

доктор юридических наук, профессор,
главный сотрудник центра международного
права и сравнительно-правовых
исследований Института законодательства и
сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации,
профессор 25 кафедры Военного
университета им. князя Александра
Невского

© Наумов Петр Юрьевич,

кандидат педагогических наук, помощник
начальника Главного военного
клинического госпиталя войск
национальной гвардии Российской
Федерации по правовой работе – начальник
отделения правового обеспечения

Аннотация. В статье рассматривается понятие отпуска в контексте прохождения военной службы, а также изучаются правовые аспекты предоставления отпусков военнослужащим, находящимся по состоянию здоровья в беспомощном состоянии (в том числе в результате участия в боевых действиях) или признанным в установленном порядке недееспособными. Проводится сравнительно-правовой анализ законодательства о военной службе и иных видах федеральной государственной службы (службы в органах внутренних дел, войсках национальной гвардии, органах принудительного исполнения) и отмечается отсутствие их гармоничности в отношении оснований увольнения военнослужащих, признанных недееспособными. Установлено, что при совокупности условий (признание военнослужащего в установленном порядке недееспособным; признании его инвалидом; наличия заключения судебно-психиатрической экспертизы о психической неспособности отвечать за свои действия; наличия заключения военно-врачебной комиссии о признании его негодным к военной службе с заключением о необходимости предоставления освобождения на срок до дня исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части) военнослужащий не может выразить свою волю на проведение отпуска, который ему и не требуется, поскольку он освобожден от исполнения должностных обязанностей до дня исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части.

Ключевые слова: статус военнослужащих; медицинская помощь; медицинское вмешательство; основной и дополнительный отпуск; определение понятия; существенные признаки; правовая определенность; освобождение от исполнения служебных обязанностей.

В условиях открытого политического, социально-экономического и военного (вооруженного) противостояния со странами коллективного Запада вопросы обеспечения Вооруженных Сил и иных войск, а также предоставления социальных гаран-

тий и компенсаций военнослужащим приобретают первостепенное значение ¹.

¹ Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : Учебник и практикум. М.: Русайнс, 2024; Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова

Предоставление гарантий и компенсаций военнослужащим можно эффективно организовать лишь в условиях правовой определенности, предполагающей как соответствующее законодательное усмотрение, так и построение однозначной правоприменительной практики¹. Одним из важнейших условий прохождения военной службы является предоставление различных видов отпусков военнослужащим в целях обеспечения их отдыха и подготовки к исполнению обязанностей военной службы².

В практике деятельности военно-медицинских организаций и (или) воинских должностных лиц воинских частей (соединений) могут возникнуть вопросы предоставления отпуска военнослужащим, которые в силу повреждения своего здоровья находятся в беспомощном состоянии и (или) признаны недееспособными и при этом длительное время проходят стационарное лечение и нуждаются в его продолжении (или в оказании паллиативной медицинской помощи). Денежной компенсации за отпуска военнослужащим (как, например, сотрудникам внутренних дел) законодательством о денежном довольствии не установлено, следовательно, речь может идти лишь о порядке предоставления отпуска такому военнослужащему.

В настоящей статье осуществлено обоснование одного из вариантов разрешения вопроса предоставления (непредоставления) отпусков названной категории военнослужащих. Развитие института различных видов отпусков военнослужащим,

правовая регламентация и организационные основы их предоставления уже были предметом проведения специальных военно-правовых исследований (О.Л. Вербина³, Д.Е. Зайков⁴, В.М. Корякин⁵, А.В. Кудашкин⁶, А.Я. Неверов⁷, Ю.А. Саранкина⁸ и другие⁹). В ракурсе предоставления гаран-

³ Вербина О.Л. Проблема реализации социальных гарантий военнослужащих при предоставлении отдельных видов отпусков в свете решений Европейского суда по правам человека // Военно-юридический журнал. 2014. № 7. С. 7—10.

⁴ Зайков Д.Е. К вопросу о предоставлении военнослужащим мужского пола отпуска по уходу за ребенком // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2009. № 8(146). С. 15 —20; Зайков Д.Е. Отпуск по уходу за ребенком, предоставляемый военнослужащим, не являющимся его родителями // Военное право. 2021. № 5(69). С. 87 —93.

⁵ Корякин В.М. Право ветеранов боевых действий на дополнительный отпуск никто не отменял (или о том, как стремление законодателя к юридической точности может иногда ввести людей в заблуждение) // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2007. № 6(120). С. 7 —8; Корякин В.М. Вопросы социальных гарантий военнослужащих, участвующих в борьбе с международным терроризмом // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2016. № 2(224). С. 14—19; Корякин В.М., Певень Л.В. Стратегия социального развития Вооруженных Сил России — путь к качественному змеению военно-гражданских отношений // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2008. № 1. С. 2—11.

⁶ Кудашкин А.В. О соотношении государственной «гражданской» и военной службы // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 1997. № 1. С. 59 —64; Кудашкин А.В. Отпуска военнослужащих (комментарий законодательства) // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2001. № 3(45). С. 31—46.

⁷ Неверов А.Я. О праве офицеров на обучение в гражданской образовательной организации // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2021. № 6(287). С. 42—47.

⁸ Саранкина Ю.А. Актуальные вопросы нормативно-правового регулирования и практики предоставления некоторых видов отпусков в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2019. № 10(137). С. 148—150.

⁹ Большакова В.М., Наумов П.Ю., Енгибарян Г.В., Додонов К.В. Кто такие соискатели? К проблеме предоставления творческих отпусков военнослужащим, проходящим военную службу по контракту // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2020. № 9(278). С. 69—77; Ковтков Д.И. Право на обучение и предоставление учебных отпусков военнослужащим, проходящим военную службу по контракту: вопросы практики // Право в

В.М. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64—72; Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30—38.

¹ Холиков И.В., Наумов П.Ю. Трансляция знаний и критерии научности: концепты современной теории военного права // Государство и право. 2024. № 1. С. 100 —116.

² Холиков И.В., Наумов П.Ю. Развитие военного права как образ жизни: ценности, проблемы, перспективы // Государство и право. 2024. № 5. С. 130 —141.

тий и компенсаций военнослужащим, признанными негодными или находящимся в беспомощном состоянии, теоретико-методологическое и информационно-ориентационное значение имеют научные труды в области проведения военно-врачебной экспертизы и оказания медицинской помощи (О.В. Дамаскин¹, В.С. Вовкодав², И.В. Холиков³ и иные (в том числе авторские) разработки⁴).

Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 8(218). С. 2—6; Роцин С.Р., Наумов П.Ю. Проблемные аспекты осуществления правовой экспертизы проектов правовых актов о предоставлении военнослужащим учебных отпусков в деятельности юридических служб органов военного управления (воинских частей) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 2(295). С. 66—78.

¹ Дамаскин О.В., Корякин В.М., Холопова Е.Н. Современные проблемы военного права как учебной дисциплины, науки и научной специальности // Современное право. 2016. № 7. С. 16—23; Дамаскин О.В., Холиков И.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-лётной экспертизы в России // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3(162). С. 10—13.

² Вовкодав В.С., Холиков И.В. Человеческий фактор безопасности полётов: военно-правовые аспекты // Военное право. 2017. № 6(46). С. 177—179; Вовкодав В.С., Холиков И.В. Перспективы совершенствования правовой регламентации врачебно-лётной экспертизы в государственной авиации // Военное право. 2022. № 2(72). С. 154—158.

³ Холиков И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 547—555; Холиков И.В., Дахин А.В., Куманьков А.Д. Катехизис нормативности: синкретические размышления о философских основаниях военного права // Государство и право. 2024. № 6. С. 76—92.

⁴ Бабайцева Е.С., Большакова В.М., Наумов П.Ю. Вопросы исполнения обязанностей военной службы при оказании военнослужащим медицинской помощи или прохождения ими медицинского освидетельствования // Военное право. 2021. № 5(69). С. 78—86; Сазонова К.Л., Холиков И.В. Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336, № 8. С. 51—57. Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13, № 6. С. 283—306; Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характери-

Легального определения понятия «отпуск» с правовой точки зрения именно в отношении военнослужащих, законодательство о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих не содержит. Также не содержат соответствующего понятия и разъяснения высших судов Российской Федерации в области конституционного правосудия или обобщения судебной практики судов общей юрисдикции (в т.ч. военных судов).

Понимание существенных признаков и смысла отпуска как формально-логического понятия позволяет познать совокупность его характеризующих признаков по отношению к ст. 114 ТК РФ, что и приводится в официальных комментариях к трудовому законодательству. Так в комментируемом понимании этой нормы ежегодный оплачиваемый отпуск — это непрерывный отдых в течение нескольких рабочих дней подряд с сохранением места работы и среднего заработка⁵.

При этом в предписаниях ст. 55 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определено, что время отдыха — время, в течение которого сотрудник органов внутренних дел свободен от выполнения служебных обязанностей (ч. 1). Для сотрудника органов внутренних дел устанавливаются следующие виды времени отдыха: перерыв в течение служебного дня, ежедневный отдых, выходные дни (еженедельный непрерывный отдых), нерабочие праздничные дни и отпуска (ч. 2). Аналогичные нормы установлены в предписаниях, нормативно регулирующих прохождение иных видов федеральной государственной службы в Рос-

стика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15, № 1. С. 474—493; Чучулаева А.И. Правовое регулирование военной безопасности как фактора обеспечения национальной безопасности // Военное право. 2024. № 4(86). С. 41—48.

⁵ Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) (6-е издание) / Под редакцией О.А. Шевченко. М.: Проспект, 2022.

сийской Федерации (службы в органах принудительного исполнения, службы в органах уголовно-исполнительной системы, службы в таможенных органах, службы в федеральной государственной противопожарной службе)¹.

В силу абз. шестого п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» одним из основных принципов построения и функционирования системы государственной службы является единство правовых и организационных основ государственной службы, предполагающее законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы.

Поскольку в Федеральном законе от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» имеется ст. 11 с наименованием «Служебное время и право на отдых», то можно сделать вывод, что время отдыха военнослужащих — время, в течение которого военнослужащий свободен от исполнения обязанностей военной службы (отпуск, выходной день, праздничный день — свободный от службы). Повторимся, что подобное определение нормативно не закреплено, но такое понимание отпуска следует из анализа сущности приведенных документов.

В соответствии с п. 5 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, ежегодно предоставляется основной отпуск различной продолжительности, в зависимости от общей

продолжительности военной службы, в том числе в льготном исчислении.

В силу п. 66 Положения о военно-врачебной экспертизе², в случае если военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, признан не годным к военной службе, военно-врачебная комиссия одновременно с заключением о его негодности к военной службе выносит заключение о необходимости предоставления освобождения на срок до дня исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части.

Согласно п. 15 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы³ исключение из списков личного состава воинской части военнослужащего, признанного военно-врачебной комиссией негодным к военной службе и нуждающимся в освобождении от исполнения служебных обязанностей и уволенного с военной службы, производится не позднее чем через месяц со дня получения воинской частью заключения военно-врачебной комиссии, не считая времени нахождения военнослужащего в отпуске (отпусках).

Кроме того, в соответствии с п. 18 ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы дополнительные отпуска, предусмотренные этой статьей (отпуск военнослужащим-ветеранам боевых действий, учебные, творческие, по болезни, по личным обстоятельствам), предоставляются военнослужащему, проходящему военную службу по контракту, по его рапорту на основании приказа командира воинской части. А в соответствии с подп. «б» п. 1 ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, предоставляются учебные отпуска для подготовки к вступительным экзаменам (экзаменам) и сдачи вступительных экзаменов (экзаменов) в профессиональные образовательные организации, образовательные организации высшего образования с обучением без отрыва от исполнения служебных обязанностей (по заочной и очно-заочной форме

¹ Статьей 44 Федерального закона от 3 июля 2016 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О войсках национальной гвардии Российской Федерации"» действие большинства норм Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в том числе регулирующих предоставление отпусков) распространено на лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии и имеющих специальные звание полиции (на военнослужащих войск национальной гвардии не распространено).

² Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565.

³ Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

обучения) и в период обучения в них. Исходя из указанных норм, право на дополнительный отпуск военнослужащий, признанный судом недееспособным, реализовать не может, поскольку он неспособен изъявить свое желание на реализацию права на дополнительный отпуск и не может его осуществить без отрыва от исполнения обязанностей военной службы.

Статьей 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» установлено, что инвалид — лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. Ограничение жизнедеятельности — полная или частичная утрата лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью. В зависимости от степени расстройства функций организма лицам, признанным инвалидами, устанавливается группа инвалидности, а лицам в возрасте до 18 лет устанавливается категория «ребенок-инвалид».

Недееспособным гражданин (в том числе военнослужащий) признается в соответствии с нормами ГК РФ (ст. 29 и 30). Над недееспособным устанавливается опека согласно ст. 31—40 ГК РФ и Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» и на опекуна возлагаются обязанности по обеспечению подопечного уходом и содействием в своевременном получении им медицинской помощи.

Также следует отметить, что согласно п. 1 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» государственный гражданский служащий не может находиться на гражданской службе в случае признания его недееспособным или ограниченно дееспособным

решением суда, вступившим в законную силу.

Пунктом 1 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлено, что сотрудник органов внутренних дел не может находиться на службе в органах внутренних дел, в том числе в случае признания его недееспособным или ограниченно дееспособным по решению суда, вступившему в законную силу. При этом ст. 82 названного закона содержит соответствующее основание для увольнения сотрудника со службы и расторжения с ним служебного контракта (п. 2 ч. 3 ст. 82).

Аналогичные нормы (о запрете проходить службу недееспособному или увольнении со службы в случае признания недееспособным) установлены Федеральным законом от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 14), Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» (ст. 7), Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (ст. 14 и п. 2 ч. 3 ст. 84), Федеральным законом от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 14 и п. 2 ч. 3 ст. 83).

На военнослужащих данное законоположение не распространено, однако, подобная норма могла бы разрешить проблему исключения таких военнослужащих из списков личного состава воинской части (организации, учреждения) и выписки их из военно-медицинских организаций при непрерывном их нахождении на лечении в стационарных условиях.

Кроме того, в соответствии со ст. 22 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» основаниями для отказа должностному лицу или гражданину в допуске к государственной тайне могут являться, в том числе признание его недееспособным или ограниченно дееспособным на основании решения суда, вступившего в законную силу.

Таким образом, при совокупности определенных условий (признание военнослужащего в установленном порядке недееспособным; признании его инвалидом; наличии заключения судебно-психиатрической экспертизы о психической неспособности отвечать за свои действия; наличии заключения военно-врачебной комиссии о признании его негодным к военной службе с заключением о необходимости предоставления освобождения на срок до дня исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части) военнослужащий по объективным причинам не может реализовать свое право на отдых, поскольку, во-первых, он не может изъявить желание о месте, продолжительности и порядке проведения отпуска, а во-вторых ведь он уже и так освобожден от исполнения всех обязанностей военной службы на срок до дня исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части и в дополнительном отдыхе не нуждается в силу указанного освобождения, а также в силу болезненного состояния своего физического и (или) психического здоровья.

Библиография

1. Бабайцева, Е.С. Вопросы исполнения обязанностей военной службы при оказании военнослужащим медицинской помощи или прохождения ими медицинского освидетельствования / Е.С. Бабайцева, В.М. Большакова, П.Ю. Наумов // Военное право. — 2021. — № 5(69). — С. 78—86.
2. Большакова, В.М. Кто такие соискатели? К проблеме предоставления творческих отпусков военнослужащим, проходящим военную службу по контракту / В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, Г.В. Енгибарян, К.В. Додонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 9(278). — С. 69—77.
3. Вовкодав, В.С. Перспективы совершенствования правовой регламентации врачебно-лётной экспертизы в государственной авиации / В.С. Вовкодав, И.В. Холиков // Военное право. — 2022. — № 2(72). — С. 154—158.
4. Вербина, О.Л. Проблема реализации социальных гарантий военнослужащих при предоставлении отдельных видов отпусков в свете решений Европейского суда по правам человека / О.Л. Вербина // Военно-юридический журнал. — 2014. — № 7. — С. 7—10.
5. Вовкодав, В.С. Человеческий фактор безопасности полётов: военно-правовые аспекты / В.С. Вовкодав, И.В. Холиков // Военное право. — 2017. — № 6(46). — С. 177—179.
6. Дамаскин О.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-лётной экспертизы в России / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2018. — № 3(162). — С. 10—13.
7. Дамаскин, О.В. Современные проблемы военного права как учебной дисциплины, науки и научной специальности / О.В. Дамаскин, В.М. Корякин, Е.Н. Холопова // Современное право. — 2016. — № 7. — С. 16—23.
8. Дахин, А.В. Катехизис нормативности: синкретические размышления о философских основаниях военного права / А.В. Дахин, И.В. Холиков, А.Д. Куманьков [и др.] // Государство и право. — 2024. — № 6. — С. 76—92. DOI 10.31857/S1026945224060067.
9. Зайков, Д.Е. К вопросу о предоставлении военнослужащим мужского пола отпуска по уходу за ребенком / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2009. — № 8(146). — С. 15—20.
10. Зайков, Д.Е. Отпуск по уходу за ребенком, предоставляемый военнослужащим, не являющимся его родителями / Д.Е. Зайков // Военное право. 2021. № 5(69). С. 87—93.
11. Ковтков, Д.И. Право на обучение и предоставление учебных отпусков военнослужащим, проходящим военную службу по контракту: вопросы практики / Д.И. Ковтков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2015. — № 8(218). — С. 2—6.
12. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). (6-е издание) / Под редакцией О.А. Шевченко. — Москва: Издательство «Проспект», 2022. — 832 с.
13. Корякин, В.М. Вопросы социальных гарантий военнослужащих, участвующих в борьбе с международным терроризмом / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 2(224). — С. 14—19.
14. Корякин, В.М. Право ветеранов боевых действий на дополнительный отпуск никто не отменял (или о том, как стремление законодателя к юридической точности может иногда ввести людей в заблуждение) / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2007. — № 6(120). — С. 7—8.
15. Корякин, В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной

операции : Учебник и практикум / В.М. Корякин. — Москва: Русайнс, 2024. — 294 с.

16. Корякин, В.М. Стратегия социального развития Вооруженных Сил России — путь к качественному измерению военно-гражданских отношений / В.М. Корякин, Л.В. Певень // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2008. — № 1. — С. 2—11.

17. Кудашкин, А.В. О соотношении государственной «гражданской» и военной службы / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 1997. — № 1. — С. 59—64.

18. Кудашкин А.В. Отпуска военнослужащих (комментарий законодательства) / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2001. — № 3(45). — С. 31—46.

19. Наумов, П.Ю. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы / П.Ю. Наумов, В.М. Большакова, А.И. Землин, И.В. Холиков // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2021. — Т. 13, № 6. — С. 283—306. DOI 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306.

20. Наумов, П.Ю. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации / П.Ю. Наумов, И.В. Холиков // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2023. — Т. 15, № 1. — С. 474—493. DOI 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493.

21. Наумов, П.Ю. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги "Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права") / П.Ю. Наумов, С.И. Захарцев, И.В. Холиков, В.М. Большакова // Государство и право. — 2023. — № 9. — С. 64—72. DOI 10.31857/S102694520024304-5.

22. Неверов, А.А. О праве офицеров на обучение в гражданской образовательной организации / А.А. Неверов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 6(287). — С. 42—47.

23. Рошин, С.Р. Проблемные аспекты осуществления правовой экспертизы проектов правовых актов о предоставлении военным служащим учебных отпусков в деятельности юридических служб органов военного управления (воинских частей) / С.Р. Рошин, П.Ю. Наумов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 2(295). — С. 66—78.

24. Сазонова, К.Л. Международно-правовые аспекты ответственности государств и международных организаций за распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний / К.Л. Сазонова, И.В. Холиков // Военно-медицинский журнал. — 2015. — Т. 336, № 8. — С. 51—57.

25. Саранкина, Ю.А. Актуальные вопросы нормативно-правового регулирования и практики предоставления некоторых видов отпусков в Российской Федерации / Ю.А. Саранкина // Евразийский юридический журнал. — 2019. — № 10(137). — С. 148—150.

26. Холиков, И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка / И.В. Холиков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 11(304). — С. 30—38.

27. Холиков, И.В. Развитие военного права как образ жизни: ценности, проблемы, перспективы / И.В. Холиков, П.Ю. Наумов // Государство и право. — 2024. — № 5. — С. 130—141. DOI 10.31857/S1026945224050141.

28. Холиков, И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения / И.В. Холиков // Актуальные проблемы государства и права. — 2022. — Т. 6, № 4(24). — С. 547—555. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555.

29. Холиков, И.В. Трансляция знаний и критерии научности: концепты современной теории военного права / И.В. Холиков, П.Ю. Наумов // Государство и право. — 2024. — № 1. — С. 100—116. DOI 10.31857/S1026945224010101.

30. Чучулаева, А.И. Правовое регулирование военной безопасности как фактора обеспечения национальной безопасности / А.И. Чучулаева // Военное право. — 2024. — № 4(86). — С. 41—48.

Legal aspects of granting leave to military personnel who are in a helpless state due to health reasons (including as a result of participation in military operations) or who are recognized as legally incompetent in the established manner

© Kholikov I.V.,

Chief Researcher of the Center of International Law and Comparative-Legal Studies at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian

Federation, Professor of 25 Chair at Military University, Doctor of Law, Professor

© Naumov P.Yu.,

assistant to the head of the Main Military Clinical Hospital of the National Guard Troops of the Russian Federation for legal work – head of the legal support department, candidate of pedagogical sciences

Abstract. The article examines the concept of leave in the context of military service, and also studies the legal aspects of granting leave to military personnel who are in a helpless state due to health reasons (including as a result of participation in military operations) or who are recognized as incapacitated in accordance with the established procedure. A comparative legal analysis of the legislation on military service and other types of federal civil service (service in internal affairs agencies, national guard troops, enforcement agencies) is carried out, and the lack of harmony between them in relation to the grounds for dismissal of military personnel recognized as incapacitated is noted. It has been established that under a combination of conditions (recognition of a serviceman as incapacitated in the established manner; recognition of him as disabled; availability of a conclusion of a forensic psychiatric examination on mental incapacity to be responsible for his actions; availability of a conclusion of a military medical commission on recognizing him as unfit for military service with a conclusion on the need to provide an exemption for a period until the day of exclusion of the serviceman from the lists of personnel of the military unit), a serviceman cannot express his will to spend a vacation that he does not need, since he is exempted until the day of exclusion of the serviceman from the lists of personnel of the military unit.

Keywords: status of military personnel; medical care; medical intervention; main and additional vacations; definition of the concept; essential features; legal certainty; exemption from the performance of official duties.

Военные аспекты гражданского права

Коррупционные риски закупок у единственного поставщика для нужд военных организаций в период проведения специальной военной операции

© **Иванов Роман Валерьевич**,
соискатель 25 кафедры ФГКВОУ ВО
«Военный университет имени князя
Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье анализируются новации законодательства о закупках товаров работ и услуг для нужд военных организаций в условиях проведения специальной военной операции. Одним из таких новшеств является существенное расширение возможностей применения такого способа закупок, как закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), который позволяет существенно сократить сроки проведения закупочных процедур и обеспечить своевременно поставлять в войска потребные материальные средства. В то же время при применении данного способа закупок существенно возрастают риски возникновения коррупционных отношений, что требует принятия комплекса мер организационного и правотворческого характера.

Ключевые слова: закупочная деятельность; контрактная система в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд; государственный оборонный заказ; противодействие коррупции; специальная военная операция.

При привлечении соединений, воинских частей и подразделений Вооруженных Сил и других войск для выполнения задач по их прямому предназначению (оборона страны и защита ее территориальной целостности), как это происходит сегодня в период проведения специальной военной операции (СВО), существенно возрастают потребности войск (сил) в материальных средствах для успешного ведения боевых действий. Это обусловлено повышенным расходом таких средств в целях решения поставленных боевых задач, необходимостью наращивания сил и средств на решающих направлениях для разгрома врага, а также для восполнения потерь вооружения и военной техники, иных средств ведения боя, что является практически неизбежным следствием любой войны.

Основным способом получения материальных средств для снабжения ими войск (сил) является закупочная деятельность, представляющая собой процесс приобретения определённых товаров, работ и услуг нужного качества в требуемом

количестве и по оптимальной цене. Применительно к удовлетворению потребностей Вооруженных Сил как в мирное время, так и в условиях действия специальных правовых режимов (военное и чрезвычайное положение, вооруженный конфликт, специальная военная операция, контртеррористическая операция и др.) эта деятельность наряду с Гражданским кодексом Российской Федерации регулируется тремя базовыми законодательными актами:

— Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»;

— Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»;

— Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе).

В мирных, повседневных условиях жизнедеятельности Вооруженных Сил заключение государственных контрактов на поставку товаров, работ, услуг для нужд военных организаций осуществляется преимущественно с поставщиками (подрядчиками, исполнителями), определенными с применением конкурентных способов закупок¹. Под конкурентной закупкой понимается процесс, при котором за право заключить контракт борются несколько участников, соперничая при этом между собой. Главными результатами проведения конкурентной процедуры являются (в идеале): снижение цены заключаемого контракта, заключение контракта с лицом, в наибольшей степени отвечающим требованиям документации о закупке; надлежащее качество поставляемого товара (работы, услуги). Кроме того, конкурентные закупки самым существенным образом снижают коррупционные риски в сфере закупочной деятельности, а также являются серьезным барьером для недобросовестной конкуренции.

Несмотря на названные явные преимущества конкурентных закупок, им присущи такие отрицательные черты, как определенная забюрократизированность процедур, длительность по времени процесса определения победителя и др. Однако если для обычных условий экономической деятельности применение протяженных по времени конкурентных процедур вполне приемлемо и нашло широкое применение в практике осуществления закупок для нужд обороны и безопасности, то в ряде случаев неординарного характера необходим уход от бюрократических процедур. Поэтому Законом о контрактной системе наряду с конкурентными способами закупок предусмотрена возможность осуществления закупок у единственного поставщика, при применении которого процедура осуществ-

ления закупок значительно упрощается и ускоряется по времени. Перечень случаев, когда может применяться данный способ, довольно обширен: согласно п. 1 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе данный перечень содержит 62 позиции.

В концентрированной форме смысл и содержание обстоятельств, при которых может применяться закупка у единственного поставщика, сформулировал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 4 июля 2024 г. № 35-П². Высший орган конституционного контроля в названном Постановлении отметил, что Закон о контрактной системе допускает определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей) неконкурентным способом — посредством осуществления закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) по широкому спектру государственных (муниципальных) нужд, выражающих особо значимый публичный интерес в различных сферах общественных отношений (естественные монополии, оборона, безопасность, социальная защита, международные отношения и т.д.) либо связанных с необходимостью оперативного принятия решений при эффективном использовании бюджетных средств.

Приведенная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации имеет прецедентный характер. Как отмечается в научных исследованиях, «...правовые позиции характеризуют решения Конституционного Суда как акты, значение которых распространяется далеко за пределы тех узких интересов, которые имеются у сторон в конкретном деле. Правовые позиции приобретают характер источника права и становятся при этом основой для будущего правового регулирования, служа ориентиром для правотворческих и правоприменительных органов»³.

¹ Конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) являются: а) конкурсы (открытый конкурс, конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс, закрытый конкурс, закрытый конкурс с ограниченным участием, закрытый двухэтапный конкурс); б) аукционы (аукцион в электронной форме, закрытый аукцион); в) запрос котировок; г) запрос предложений (ч. 2 ст. 24 Закона о контрактной системе).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июля 2024 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 15 Федерального закона "О защите конкуренции" в связи с жалобой администрации города Ростова-на-Дону».

³ Корякин, В.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам военного права. М.: За права военнослужащих, 2006. С. 24.

Обеспечение обороны страны и безопасности государства является, таким образом, сферой того самого «особо значимого публичного интереса», в которой законодатель допускает возможность проведения закупок неконкурентным способом — у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Следует отметить, что в первоначальных редакциях Закона о контрактной системе обеспечение обороны страны в широком смысле этого слова не было включено в число сфер, где допускаются закупки у единственного поставщика. Такая возможность была предусмотрена только в отношении образцов вооружения и военной техники, не имеющих российских аналогов, а также в целях обеспечения органов внешней разведки средствами разведывательной деятельности и органов федеральной службы безопасности средствами контрразведывательной деятельности и борьбы с терроризмом.

Е.А. Свиных, отмечая данный изъян законодательства о закупочной деятельности для государственных нужд, указывал, что любая задержка в снабжении материальными средствами в период чрезвычайной ситуации создает угрозу территориальной целостности, независимости и безопасности государства для устранения подобных рисков требует помимо прочего, сокращение временных затрат на осуществление закупок необходимых товаров, работ, услуг. Учитывая, что наименее «времязатратным» способом определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) является закупка у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), названный автор обосновал необходимость применения данного способа закупки вооружения и военной техники в целях предотвращения агрессии против Российской Федерации¹.

Данная идея нашла свое законодательное решение в 2020 г., когда Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ ст. 93

Закона о контрактной системе была дополнена нормой о предоставлении Минобороны России и подведомственным ему государственным учреждениям и государственным унитарными предприятиями права осуществлять закупки у единственного поставщика в целях выполнения специальных задач по обеспечению обороны и безопасности государства, в том числе противодействия терроризму. При этом Минобороны России было наделено полномочиями утверждать перечни товаров, работ, услуг, закупки которых могут осуществляться у единственного поставщика.

С началом в феврале 2022 г. специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины перед экономической страной и ее военно-промышленным комплексом встал комплекс новых проблем и вызовов, связанных как с наращиванием объемов производства продукции военного и двойного назначения, так и с совершенствованием способов закупки и оперативной поставки в войска материальных средств. Именно в целях ускорения процедур проведения закупок для нужд СВО уже через 4 месяца после ее начала Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 31-ФЗ «Об обороне» был дополнен очень значимой по регулируемому кругу вопросов статьей 26.1, определяющей правовые основы обеспечения проведения Вооруженными Силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации². Указанной статьей в целях обеспечения проведения Вооруженными Силами, другими войсками, воинскими формированиями и органами контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации Правительству Российской Федерации предоставлены полномочия по принятию решений о введении специальных мер в сфере экономики.

Одной из таких мер явилось уточнение и расширение перечня случаев, когда закупки для нужд обороны и безопасности

¹ Свиных Е.А. Чрезвычайная ситуация военного характера как основание для закупки товаров (работ, услуг) у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 4. С. 103—109.

² Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

могут осуществляться у единственного поставщика. Так, осенью 2022 г. (через 9 месяцев после начала СВО) Федеральным законом от 4 ноября 2022 г. № 420-ФЗ в п. 56 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе внесены два очень важных изменения:

— во-первых, появилось прямое указание на специальную военную операцию, для достижения целей которой могут производиться закупки у единственного поставщика (в прежней редакции данного подпункта шла речь только о неких «специальных задачах по обеспечению обороны и безопасности государства»);

— во-вторых, право осуществлять закупки у единственного поставщика для решения задач СВО, а также по обеспечению обороны и безопасности государства предоставлено федеральным органам исполнительной власти, перечень которых определяется Правительством Российской Федерации¹ (согласно прежней редакции рассматриваемой нормы такое право имело только Минобороны России).

Как отмечают аналитики, указанные нововведения позволили сократить срок закупки и заключения государственных контрактов с 60 дней до 5—10 дней, что в условиях СВО крайне актуально².

Законодательство о закупках в целях удовлетворения нужд военных организаций в условиях действия особых правовых режимов продолжает совершенствоваться. При этом как теоретиками и практиками, так и государственными деятелями высказываются самые разные, порой весьма радикальные предложения на этот счет. В частности, Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко на заседании т.н. «верхней» палаты парламента 1 февраля 2023 г. предложила с учетом сложившейся ситуации наложить временный мо-

раторий на применение Закона о контрактной системе. Она подчеркнула, что такой мораторий на период проведения специальной военной операции позволит регионам быстро осваивать выделенные средства, что, в свою очередь, поспособствует развитию региональной инфраструктуры и экономики. По ее словам, этот закон принимался в свое время для борьбы с коррупцией и наведения порядка, однако недобросовестные лица все равно находят способы его обойти. «Те, кто воровал, как говорится, кто нечистоплотно себя вел, кто отдавал подряды своим карманным компаниям, они и в рамках 44-го закона находят пути. А добросовестные компании и подрядчики страдают», — сказала В.И. Матвиенко³.

Как представляется, хотя в данном предложении и есть определенная логика, однако в целом оно является излишне категоричным, поскольку его реализация может привести к неконтролируемому росту коррупционных проявлений в области государственных закупок. Более продуктивным является оперативное внесение соответствующих корректировок в базовый Закон о контрактной системе, учитывающих динамику новых общественных отношений, складывающихся в условиях СВО и иных особых правовых режимов.

Собственно, именно по этому пути и идет на практике нормотворческая деятельность в рассматриваемой сфере. Так, в развитие рассмотренного выше вопроса о расширении числа случаев, когда могут применяться закупки у единственного поставщика, федеральными законами от 4 августа 2023 г. № 443-ФЗ и от 2 ноября 2023 г. № 510-ФЗ внесены изменения в ст. 34 Закона о контрактной системе в части, касающейся оформления договорных отношений заказчика с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

¹ Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2022 г. № 3514-р к числу таких органов наряду с Минобороны России отнесены: МВД России; МЧС России; СВР России; ФСБ России; Росгвардия; ФСО России; ФСИН России; ГУСП; Росрезерв; ФССП России; ФСТЭК России.

² Степовик В.И. Совершенствование правового механизма государственного оборонного заказа в условиях специальной военной операции // Журнал прикладных исследований. 2023. № 6. С. 104.

³ См.: <https://www.rbc.ru/economics/01/02/2023/63da658e9a7947f741055328>, а также: Тарасов М.Ю., Ступаченко Е.В. Закупка у единственного поставщика: вопросы правоприменительной практики и совершенствования законодательства // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10. С. 220—224.

Согласно разъяснениям Минфина России¹ особенности отношений заказчика с единственным поставщиком при закупках товаров, работ и услуг у единственного поставщика состоят в следующем:

1. Частью 15 ст. 34 Закона о контрактной системе установлены случаи заключения контрактов, к которым заказчик может не применять требования частей 4—9 (касающиеся ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом; направления требований об уплате неустоек (штрафов, пеней), размеров таких неустоек и порядка их определения, освобождения от их уплаты) и 11—13 (касающиеся применения заказчиками типовых условий контрактов, включения в контракт графика его исполнения, иных отдельных условий) ст. 34 Закона о контрактной системе. Неприменение к таким контрактам иных требований, предъявляемых законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, не предусмотрено.

В этой связи в контракты, заключаемые с единственным поставщиком, включаются в том числе:

- идентификационный код закупки (ч. 1 ст. 23 Закона о контрактной системе);
- цена контракта (ч. 2 ст. 34 Закона о контрактной системе);
- информация о поставщике (подрядчике, исполнителе), включающая наименование юридического лица (если поставщиком (подрядчиком, исполнителем) является юридическое лицо), фамилию, имя, отчество (если поставщиком (подрядчиком, исполнителем) является физическое лицо, в том числе зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя) (п. 1 ст. 432, п. 1 ст. 160, п. 1 ст. 19, п. 1 ст. 54 ГК РФ);

— наименование и количество товара, срок поставки товара (в частности, п. 3 ст. 455 ГК РФ и п. 1 ст. 457 ГК РФ);

— объем и срок выполнения работы, оказания услуги (в частности, ст. 708, 766 и 783 ГК РФ).

2. Согласно положениям ч. 15 ст. 34 Закона о контрактной системе к контрактам, заключаемым в предусмотренных в указанной части случаях закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) для нужд СВО, могут не применяться требования, установленные в п. 2 ч. 13 ст. 34 Закона о контрактной системе. Названным пунктом 2 ч. 13 ст. 34 Закона о контрактной системе предусмотрено условие контракта об уменьшении суммы, подлежащей уплате заказчиком юридическому лицу или физическому лицу, в том числе зарегистрированному в качестве индивидуального предпринимателя, на размер налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации, связанных с оплатой контракта, если в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах такие налоги, сборы и иные обязательные платежи подлежат уплате в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации заказчиком.

3. Если указанная в ч. 15 ст. 34 Закона о контрактной системе закупка у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) осуществляется в рамках государственного оборонного заказа, информация о такой закупке не включается в план-график закупок.

Таким образом, в условиях СВО закупки для нужд обороны и безопасности осуществляются преимущественно путем размещения заказов у единственного поставщика. Тем самым обеспечивается оперативность и быстрота в получении войсками потребных материальных средств для ведения боевых действий.

Однако у данного способа определения поставщика имеется весьма существенная опасная отрицательная сторона: повышенный риск возникновения коррупционных

¹ Информационное письмо Минфина России от 20 октября 2023 г. № 24-01-07/99890 «О применении положений части 15 статьи 34 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ».

отношений, на что неизменно указывается в специальной литературе¹.

Отказ от конкурсных процедур официально закреплен в качестве коррупциогенного фактора в Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96².

Риск возникновения коррупционных ситуаций в данном случае определяется тем, что заказчик на внешне вполне законных основаниях получает возможность по собственному усмотрению определять контрагента, с которым заключается государственный контракт (договор) на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд военных организаций. В связи с этим повышается вероятность того, что в роли такого контрагента окажется организация, с которой у заказчика имеется договоренность об «откате», т.е. получении должностным лицом организации-заказчика незаконного вознаграждения за содействие во включении поставщика в число единственных поставщиков. В.М. Корякин в одной из своих публикаций приводит характерный пример с ОАО «Оборонсервис», которое, пользуясь высоким покровительством со стороны бывшего Министра обороны Российской Федерации А.Э. Сердюкова, сумело добиться издания ряда решений Правительства Российской Федерации об определении дочерних компаний данного общества единственными поставщиками продукции и услуг, которые никак нельзя отнести к разряду не имеющих аналогов. В число таких товаров и услуг соответствующими правительствен-

ными распоряжениями были включены сельскохозяйственная продукция и продовольственные товары; электрическая и тепловая энергия; услуги по питанию, хлебопечению, поставке хлеба, банно-прачечному обслуживанию и индивидуальному пошиву предметов военной формы одежды; подача холодной воды; услуги по отведению и очистке сточных вод. Монопольное положение ОАО «Оборонсервис» на рынке поставок указанной продукции и услуг для воинских частей и учреждений Минобороны России привело к значительному перерасходу средств федерального бюджета, их хищению, снижению качества поставляемых товаров и оказываемых услуг, многочисленным коррупционным правонарушениям. Итогом стала ликвидация этой печально известной коммерческой структуры³.

В публикациях отмечается (см. Степовик В.И. Указ. соч. С. 104), что Минобороны России рассматривает применение неконкурентных способов закупок для нужд СВО как вынужденные меры, так как «исключение конкурентных процедур не позволяет экономить бюджетные средства, товары, работы, услуги закупаются по цене, которую представил головной исполнитель, а вопрос расчета, утверждения цены и последующего контроля за расходованием денежных средств возложен на заказчика». Как показывает анализ многочисленных публикаций о коррупции в сфере закупок товаров, работ услуг для нужд обороны, в большинстве уголовных дел фигурируют факты завышения цен на закупаемую продукцию.

Подводя итог, следует констатировать тот факт, что в условиях СВО обострилось противоречие между, с одной стороны, необходимостью максимального упрощения и ускорения процедур закупок товаров, работ и услуг для обеспечения боевых действий соединений и воинских частей, в связи с чем существенно расширена практика закупок у единственного поставщика; а, с другой стороны, расширением условий для

¹ См., например: Землин А.И., Землина О.М., Корякин В.М., Козлов В.В. Правовые основы противодействия коррупции : учебник и практикум / под общ. ред. А.И. Землина. М.: Юрайт, 2019; Осипова Е.С., Демко Ю.А. Институт государственных закупок у единственного поставщика // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 2. С. 123—135; Тарасов М.Ю., Ступаченко Е.В. Указ. соч.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

³ Корякин В.М. Правовые аспекты применения специальных экономических мер в целях обеспечения проведения специальной военной операции // Военное право. 2024. № 5. С. 74—83

возникновения коррупционных отношений в связи с отказом от конкурентных процедур. Данное обстоятельство требует дополнительных исследований для выработки научно обоснованных предложений по минимизации коррупционных рисков.

Библиография

1. Землин, А.И. Правовые основы противодействия коррупции : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Корякин, В.В. Козлов; под общ. ред. А.И. Землина. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 197 с. — ISBN 978-5-534-09254-7
2. Корякин, В.М. Правовые аспекты применения специальных экономических мер в целях обеспечения проведения специальной военной операции / В.М. Корякин // Военное право. — 2024. — № 5. — С. 74—83.
3. Корякин, В.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по про-

блемам военного права / В.М. Корякин. — Москва: За права военнослужащих, 2006. — 207 с.

4. Свиных, Е.А. Чрезвычайная ситуация военного характера как основание для закупки товаров (работ, услуг) у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) / Е.А. Свиных // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2015. — № 4. — С. 103—109.

5. Степовик, В.И. Совершенствование правового механизма государственного оборонного заказа в условиях специальной военной операции / В.И. Степовик // Журнал прикладных исследований. — 2023. — № 6. — С. 102—108.

6. Осипова, Е.С. Институт государственных закупок у единственного поставщика / Е.С. Осипова, Ю.А. Демко // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2019. — № 2. — С. 123—135.

7. Тарасов, М.Ю. Закупка у единственного поставщика: вопросы правоприменительной практики и совершенствования законодательства / М.Ю. Тарасов, Е.В. Ступаченко // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 10. — С. 220—224.

Corruption risks of procurement from a single supplier for the needs of military organizations during a special military operation

© Ivanov R.V.,

candidate of the 25th Chair of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article analyzes the innovations in legislation on the procurement of goods, works and services for the needs of military organizations in the context of a special military operation. One of these innovations is a significant expansion of the possibilities of using such a procurement method as procurement from a single supplier (contractor, contractor), which allows you to significantly reduce the time required for procurement procedures and ensure timely delivery of the required material to the troops. At the same time, when applying this procurement method, the risks of anti-corruption relations significantly increase, which requires the adoption of a set of organizational and law-making measures.

Keywords: procurement activities; contract system in the field of procurement of goods, works and services for public needs; state defense order; anti-corruption; special military operation.

Особенности возмещения морального вреда за некачественно оказанную медицинскую помощь в военно-медицинских организациях и неверно вынесенные заключения при проведении военно-врачебной экспертизы

© Наумов Петр Юрьевич,

кандидат педагогических наук, помощник начальника ФГКУЗ «Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации» по правовой работе — начальник отделения правового обеспечения

Аннотация. Возмещение морального вреда за некачественно оказанную медицинскую помощь — острый социальный вопрос, порождающий массу судебных споров и научных дискуссий. Поскольку в военно-медицинских организациях также оказывается медицинская помощь, объективно существуют риски как ее некачественного оказания, так и предъявления требований о возмещении морального вреда за названные действия (бездействия), особенно если они привели к тяжким или резонансным последствиям. В законодательстве Российской Федерации и правоприменительной практике сформулированы особенности возмещения морального вреда за некачественно оказанную медицинскую помощь в военно-медицинских организациях и неверно вынесенные заключения военно-врачебной экспертизы. В статье даются их нормативно-правовые и информационно-содержательные характеристики, даются рекомендации по осуществлению судебной защиты. Исследование проведено на основании разъяснений, данных в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» и от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» и соответствующей научной литературы. По итогам изучения даны рекомендации юридическим службам военно-медицинских учреждений по организации и осуществлению судебной защиты.

Ключевые слова: медицинская помощь; лечение; медицинское вмешательство; судебно-медицинская экспертиза; военно-врачебная экспертиза; врачебная комиссия; медицинская документация; диагностика; медицинское освидетельствование; судопроизводство; судебное разбирательство.

Общие основы привлечения к ответственности за некачественно оказанную медицинскую помощь установлены ст. 98 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в ч. 2 которой определено, что медицинские организации, медицинские и фармацевтические работники несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи. Часть 3 названной статьи устанавливает, что вред, причинен-

ный жизни и (или) здоровью граждан при оказании им медицинской помощи, возмещается медицинскими организациями в объеме и порядке, установленных законодательством Российской Федерации.

При этом, в соответствии с ч. 4 ст. 98 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», возмещение вреда, причиненного жизни и (или) здоровью граждан, не освобождает медицинских работников и фармацевтических работников от привлечения их к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Право на жизнь и охрану здоровья относится к числу общепризнанных, основных, неотчуждаемых прав и свобод человека, социально-значимых ценностей, подлежащих государственной защите (ст. 2 и 7, ч. 1 ст. 20, ст. 41 Конституции Российской Федерации).

В развитие положений Конституции Российской Федерации приняты соответствующие законодательные акты, направленные на защиту здоровья граждан и возмещение им вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья. Общие положения, регламентирующие условия, порядок, размер возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) (гл. 59) и ст. 19 и 98 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Право на охрану здоровья и получение качественной медицинской помощи в соответствующих условиях и утвержденном объеме военнослужащими и членами их семей (приравненными к военнослужащим по медицинскому обеспечению лицам и членам их семей) установлено ст. 16 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», ст. 25 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 17.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», ст. 28 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», ст. 15 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

Нормы названных федеральных законов о праве, порядке и сроках получения медицинской помощи военнослужащими и членами их семей конкретизированы в постановлениях Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2020 г. № 1980¹, от

31 декабря 2004 г. № 911², от 26 сентября 1994 г. № 1093³, от 27 марта 2015 г. № 282⁴.

формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, в медицинских (военно-медицинских) подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации, воинских формированиях и органов в местах их постоянной дислокации и в военно-медицинских частях и организациях.

² О порядке оказания медицинской помощи, возмещения расходов на ее оказание, проведение медицинских осмотров, диспансеризации, санаторно-курортного обеспечения и осуществления отдельных выплат некоторым категориям военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и членам их семей, отдельным категориям граждан, уволенных с военной службы, а также оказания медицинской помощи гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании войск национальной гвардии Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации.

³ О порядке возмещения расходов, связанных с оказанием медицинской помощи, санаторно-курортным лечением и отдыхом военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, санаторно-курортным лечением членов их семей, прохождением военнослужащими медицинских осмотров, диспансеризации, медико-психологической реабилитацией военнослужащих, а также оказанием медицинской помощи гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации.

⁴ Об утверждении Правил обеспечения военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы, лекарственными препаратами для медицинского применения, медицинскими изделиями в фармацевтических организациях при отсутствии по месту военной службы или месту жительства военнослужащих либо по месту прохождения военных сборов гражданами, призванными на военные сборы, медицинских, военно-медицинских подразделений, ча-

¹ Об утверждении Правил организации медицинской помощи военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, воинских формирований и органов, гражданам, призванным на военные сборы, и гражданам, пребывающим в добровольческих

Для проведения изучения особенностей возмещения морального вреда за некачественно оказанную медицинскую помощь в военно-медицинских организациях и неверно вынесенные заключения при проведении военно-врачебной экспертизы и достижения целей исследования в качестве методологических ориентиров использованы работы в области правовых основ осуществления медицинской деятельности¹, нормативного правового регулирования оказания медицинской помощи военнослужащим (сотрудникам) и членам их семей², медицинского права и его военных аспектов³, осуществления доказывания при

стей и организаций федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

¹ Дуйсембаева Д.А., Савошкова Е.В., Асташкина М.А., Андрианова В.В. Проблемы правового регулирования медицинской деятельности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2(230). С. 308—309; Игонина Е.О. Установление причинной связи при неосторожном сопричинении смерти пациенту медицинскими работниками // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2(102). С. 155—164; Леонов Т.М., Землина О.М. Правовое регулирование контроля (надзора) за качеством и безопасностью медицинской деятельности на транспорте // Мир транспорта. 2023. Т. 21, № 2(105). С. 95—100; Малюгин С.В., Винокурова А.А. Клинические рекомендации в системе регламентации оказания медицинской помощи в современной России: теоретическое представление и практические аспекты // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 7(200). С. 28—47; Масловская М.В., Шамсутдинов Н.Н. Эволюция законодательства об охране здоровья в российском государстве // Проблемы права. 2024. № 1(93). С. 70—73..

² Баранников М.М., Харитонов С.С. О медицинском обеспечении при призыве на военную службу по мобилизации: правовой аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 8(325). С. 50—55; Бухтияров И.В., Холиков И.В. Военная медицина как призвание (к 70-летию юбилею И.Ю. Быкова) // Медицина труда и промышленная экология. 2024. Т. 64, № 1. С. 63—65; Назарова И.С. Специфика реализации права сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации и членов их семей на охрану здоровья и предоставление им медицинской помощи // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 8(313). С. 113—121.

³ Мохов А.А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 4(149). С. 93—104; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. О конфликте интересов при исполнении судьями военных судов

производстве по делам, связанным с рассмотрением исков о компенсации морального вреда⁴, проведения медико-психологической реабилитации и военно-врачебной экспертизе⁵.

Оказание медицинской помощи в военно-медицинских организациях — это процесс, в котором присутствует объективный риск, именуемый медицинским риском, который может привести как к вы-

своих полномочий // Военно-юридический журнал. 2020. № 8. С. 25—28.

⁴ Летута Т.В. Компенсация морального вреда: развитие права и правоприменительной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 4. С. 27—32; Наумова Т.Ю. Особенности доказывания по гражданским делам в период ограничений, введенных для борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 3(23). С. 423—428; Наумова Т.Ю. Развитие института доказывания по спорам, связанным с трудовыми правоотношениями в условиях международно-правового и экономического давления на Российскую Федерацию // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 12-1. С. 263—269; Свередюк М.Г., Ступак В.С., Кадыров Ф.Н. Новая методология медико-юридических аспектов компенсации морального вреда по спорам с пациентами // Менеджер здравоохранения. 2023. № 2. С. 12—17; Свередюк М.Г. Компенсация морального вреда в медицине: обзор региональной ситуации и анализ новых разъяснений Верховного Суда РФ / М.Г. Свередюк // Здравоохранение Дальнего Востока. 2023. № 1(95). С. 47—52; Тутарищева С.М., Дзыбова С.Г., Цеева С.К. Гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность медицинских работников // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. Т. 32, № S1. С. 670—675; Хазизулин В.Б. Субъект ненадлежащей медицинской помощи и его криминалистическое значение // Криминалистика. 2024. № 1(46). С. 109—114.

⁵ Холиков, И.В., Вовкодав В.С. Человеческий фактор безопасности полётов: военно-правовые аспекты // Военное право. 2017. № 6(46). С. 177—179; Холиков И.В., Дамаскин О.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-лётной экспертизы в России // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3(162). С. 10—13; Холиков И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 547—555; Холиков И.В., Наумов П.Ю. Функции военно-врачебной экспертизы при организации работы по предоставлению гарантий и компенсаций участникам специальной военной операции // Вестник военного права. 2024. № 2. С. 40—46.

здоровлению пациентов и восстановлению здоровья, так и к ухудшению состояния здоровья, причинению травм и увечий, утяжелению течения заболеваний или даже смерти. Некачественно оказанная медицинская помощь может привести к обращению в контрольно-надзорные органы или в суд с требованиями о компенсации причиненного ущерба и взыскании морального вреда, поскольку здоровье подлежит особой охране как нематериальная ценность.

В ракурсе взыскания морального вреда за некачественно оказанную медицинскую помощь с точки зрения практического применения хотелось бы обратить внимание на судебную практику Верховного Суда Российской Федерации, который в соответствии со ст. 126 Конституции Российской Федерации и ст. 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» имеет право обобщать судебную практику и давать по ней разъяснения, обязательные для применения всеми нижестоящими судами.

Так, важнейшими документами в области возмещения морального вреда за некачественно оказанную медицинскую помощь, с точки зрения обобщений правоприменительной практики, являются:

— постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 25-П;

— постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2020 г. № 36-П;

— постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»;

— постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»¹;

— постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 25 «О некоторых вопросах, связанных с началом деятельности кассацион-

ных и апелляционных судов общей юрисдикции»;

— постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»;

— постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»;

— постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»².

Остановимся более подробно на содержании и специфике разъяснений самых важных из названных судебных документов.

В п. 11 постановления Пленума ВС РФ № 1 разъяснено, что по общему правилу, установленному п. 1 и 2 ст. 1064 ГК РФ, ответственность за причинение вреда возлагается на лицо, причинившее вред, если оно не докажет отсутствие своей вины. В случаях, специально предусмотренных законом, вред возмещается независимо от вины причинителя вреда (п. 1 ст. 1070, ст. 1079, п. 1 ст. 1095, ст. 1100 ГК РФ). Обязанность по возмещению вреда может быть возложена на лиц, не являющихся причинителями вреда (ст. 1069, 1070, 1073, 1074, 1079 и 1095 ГК РФ).

Установленная статьей 1064 ГК РФ презумпция вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам ответчик. Потерпевший представляет доказательства, подтверждающие факт увечья или иного повреждения здоровья, размер причиненного вреда, а также доказательства того, что ответчик является причинителем вреда или лицом, в силу закона обязанным возместить вред³.

² Далее — «постановление Пленума ВС РФ № 33».

³ Цыганков А.Ю. Медицинский риск и уголовная ответственность медицинских работников // Право в

¹ Далее — «постановление Пленума ВС РФ № 1».

Пунктом 32 постановления Пленума ВС РФ № 1 установлено, что причинение вреда жизни или здоровью гражданина умаляет его личные нематериальные блага, влечет физические или нравственные страдания, потерпевший, наряду с возмещением причиненного ему имущественного вреда, имеет право на компенсацию морального вреда при условии наличия вины причинителя вреда. Независимо от вины причинителя вреда, осуществляется компенсация морального вреда, если вред жизни или здоровью причинен источником повышенной опасности (ст. 1100 ГК РФ).

При этом следует иметь в виду, что, поскольку потерпевший в связи с причинением вреда его здоровью во всех случаях испытывает физические или нравственные страдания, факт причинения ему морального вреда предполагается. Установлению в данном случае подлежит лишь размер компенсации морального вреда.

При рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего иным лицам, в частности членам его семьи, иждивенцам, необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий. Указанные обстоятельства влияют также и на определение размера компенсации этого вреда. Наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда.

При определении размера компенсации морального вреда с учетом требований разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных или физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, степени вины нарушителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств.

В п. 1 постановления Пленума ВС РФ № 33 дано определение понятия морального вреда, где под моральным вредом пони-

маются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права (например, жизнь, здоровье, достоинство личности, личную, семейную, врачебную тайну, право на охрану здоровья и медицинскую помощь и др.) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Обязанность компенсации морального вреда может быть возложена судом на причинителя вреда при наличии предусмотренных законом оснований и условий применения данной меры гражданско-правовой ответственности, а именно: физических или нравственных страданий потерпевшего; неправомерных действий (бездействия) причинителя вреда; причинной связи между неправомерными действиями (бездействием) и моральным вредом; вины причинителя вреда (п. 12 постановления Пленума ВС РФ № 33).

При организации судебной защиты военно-медицинских организаций следует иметь в виду, что вина в причинении морального вреда предполагается, пока не будет доказано обратное. Отсутствие вины в причинении вреда доказывается лицом, причинившим вред (п. 2 ст. 1064 ГК РФ).

В случаях, предусмотренных законом, компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда (п. 1 ст. 1070, ст. 1079, ст. 1095 и 1100 ГК РФ).

Важно, что пунктом 13 указанного постановления Пленума разъяснено: следует учитывать, что моральный вред, причиненный правомерными действиями, компенсации не подлежит.

Под физическими страданиями следует понимать физическую боль, связанную с причинением увечья, иным повреждением здоровья, либо заболевание, в том числе перенесенное в результате нравственных страданий, ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья, неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы, а под нравственными страданиями — страдания, относящиеся к душевному неблагополучию

Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 4(309). С. 87—92; Ястремский, И.А. Порядок разрешения споров между клиникой пластической хирургии и пациентом // Евразийский юридический журнал. 2024. № 4(191). С. 173—175.

(нарушению душевного спокойствия) человека (чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, переживания в связи с утратой родственников, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и другие негативные эмоции) (п. 14 постановления Пленума ВС РФ № 33).

Отсутствие заболевания или иного повреждения здоровья, находящегося в причинно-следственной связи с физическими или нравственными страданиями потерпевшего, само по себе не является основанием для отказа в иске о компенсации морального вреда.

Разрешая требования о компенсации морального вреда, причиненного вследствие некачественного оказания медицинской помощи, надлежит установить, были ли приняты при оказании медицинской помощи пациенту все необходимые и возможные меры для его своевременного и квалифицированного обследования в целях установления правильного диагноза, соответствовала ли организация обследования и лечебного процесса установленным порядкам оказания медицинской помощи, стандартам оказания медицинской помощи, клиническим рекомендациям (протоколам лечения), повлияли ли выявленные дефекты оказания медицинской помощи на правильность проведения диагностики и назначения лечения, повлияли ли выявленные нарушения на течение заболевания пациента (способствовали ухудшению состояния здоровья) и, как следствие, привели к нарушению его прав в сфере охраны здоровья (п. 48 постановления Пленума ВС РФ № 33).

При этом на военно-медицинскую организацию возлагается обязанность доказать наличие оснований для освобождения от ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи, в частности

отсутствие вины в оказании медицинской помощи, не отвечающей установленным требованиям, отсутствие вины в дефектах такой помощи, способствовавших наступлению неблагоприятного исхода, а также отсутствие возможности при надлежащей квалификации врачей, правильной организации лечебного процесса оказать пациенту необходимую и своевременную помощь, избежать неблагоприятного исхода.

На военно-медицинскую организацию возлагается не только бремя доказывания отсутствия своей вины, но и бремя доказывания правомерности тех или иных действий (бездействия), которые повлекли возникновение морального вреда.

В п. 49 постановления Пленума ВС РФ № 33 судам разъяснено, что требования о компенсации морального вреда в случае нарушения прав граждан в сфере охраны здоровья, причинения вреда жизни и (или) здоровью гражданина при оказании ему медицинской помощи, при оказании ему ненадлежащей медицинской помощи могут быть заявлены членами семьи такого гражданина, если ненадлежащим оказанием медицинской помощи этому гражданину лично им (то есть членам семьи) причинены нравственные или физические страдания вследствие нарушения принадлежащих лично им неимущественных прав и нематериальных благ. Моральный вред в указанных случаях может выражаться, в частности, в заболевании, перенесенном в результате нравственных страданий в связи с утратой родственника вследствие некачественного оказания медицинской помощи, переживаниях по поводу недооценки со стороны медицинских работников тяжести его состояния, неправильного установления диагноза заболевания, непринятия всех возможных мер для оказания пациенту необходимой и своевременной помощи, которая могла бы позволить избежать неблагоприятного исхода, переживаниях, обусловленных наблюдением за его страданиями или осознанием того обстоятельства, что близкого человека можно было бы спасти оказанием надлежащей медицинской помощи.

При организации и осуществлении судебной защиты интересов военно-

медицинских организаций необходимо уяснить, что проведение судебных экспертиз по «медицинским делам» не является единственным способом доказывания. При рассмотрении подобной категории дел письменных доказательств и документов, позволяющих обосновать позицию в судебном споре часто вполне достаточно, их надо просто представить в суд и пояснить их сущность и значение для дела¹.

Так, следует обратить внимание, на разъяснения, содержащиеся в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», где указано, что заключение эксперта, равно как и другие доказательства по делу, не являются исключительными средствами доказывания и должны оцениваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами (ст. 67, ч. 3 ст. 86 ГПК РФ). Оценка судом заключения должна быть полно отражена в решении. При этом суду следует указывать, на чем основаны выводы эксперта, приняты ли им во внимание все материалы, представленные на экспертизу, и сделан ли им соответствующий анализ этих документов.

Статьи 58 и 61 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также Положение о военно-врачебной экспертизе² определяют порядок и процессуально-деятельностные основы проведения военно-врачебной экспертизы военно-врачебными (врачебно-летными) комисси-

ями в отношении военнослужащих и приравненных к ним по медицинскому обеспечению лиц (в отдельных случаях члены семей военнослужащих и иных лиц). Результаты военно-врачебной экспертизы могут быть обжалованы в вышестоящую военно-врачебную комиссию или в суд, а также оспорены путем проведения независимой военно-врачебной экспертизы³.

Вынесенные заключения (решения) по итогам проведения военно-врачебной экспертизы, которые признаны незаконными и необоснованными, могут повлечь за собой и взыскание морального вреда в судебном порядке, поскольку от названных заключений зависит прохождение военной (приравненной) службы и увольнение с нее, право на предоставление единовременных и пенсионных выплат (иных гарантий и компенсаций). Если будет доказано, что незаконное и необоснованное заключение военно-врачебной комиссии повлияло на предоставление гарантий и компенсаций, на их объем и своевременность, то суд может посчитать это основанием для возмещения морального вреда.

В ракурсе защиты интересов военно-медицинских организаций в судебном порядке стоит отметить, что доказательствами, которые необходимо представить в суд и пояснить их сущность и значение для дела выступают, прежде всего, медицинские документы (медицинская карта амбулаторного и стационарного больного, вы-

¹ Большакова В.М., Наумов П.Ю., Кононов А.Н. Доказательства и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций // Военное право. 2021. № 2(66). С. 210—217; Наумов П.Ю. Некоторые размышления о подготовке будущих юристов к профессиональной деятельности в военно-медицинских организациях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3(63). С. 283—288; Наумов П.Ю., Утюганов А.А., Кононов А.Н. Некоторые особенности организации и деятельности правовых подразделений медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2023. № 6(82). С. 33—41.

² Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе».

³ Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283—306; Наумов, П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15, № 1. С. 474—493; Наумов, П.Ю. Тезисы о видах судопроизводства при обжаловании заключений (решений) по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Военное право. 2024. № 5(87). С. 55—61; Наумов П.Ю., Холиков И.В., Солдатов С.К. Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2024. Т. 16, № 1. С. 422—445.

писные эпикризы из медицинской карты стационарного больного, данные диагностических исследований и др.). Также в качестве доказательств по делу могут быть использованы протоколы консилиума врачей, протоколы заседания врачебной комиссии или ее подкомиссий, отчеты (сводные отчеты) о проведении мероприятий внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности, материалы расследований, справки и медицинские заключения, пояснения врачей и др. документы.

При представлении в суд доказательств в виде справок и медицинских заключений необходимо иметь в виду, что выданные медицинской организацией справки и заключения по итогам проведенного обследования и лечения, если не установлено иное, должны соответствовать Порядку выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений, утвержденному Минздравом и внутренними документами (приказами, распоряжениями), а также унифицированным формам медицинской документации.

В соответствии с п. 1 ст. 28 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие могут быть привлечены, помимо прочего, к материальной и гражданско-правовой ответственности. Аналогичные нормы, устанавливающие возможность применения материальной, гражданско-правовой и иных видов ответственности к военнослужащим в зависимости от характера и тяжести совершенного ими правонарушения, содержатся в ст. 26 УВС ВС РФ. Порядок, особенности, размер и сроки привлечения военнослужащих к материальной ответственности определены отдельным Федеральным законом от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих».

Возмещение причиненного вреда и привлечение к материальной ответственности работника военно-медицинской организации, выполняющего свои обязанности по трудовому договору, предусмотрено гл. 39 (ст. 238—250) ТК РФ и конкретизированы в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября

2006 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю».

Если моральный вред причинен военнослужащим (работником) военно-медицинской организации при исполнении обязанностей военной службы (трудовых обязанностей) и взыскан в судебном порядке, то возникают основания для привлечения военнослужащего (работника) к материальной ответственности, исходя из ч. 1 ст. 1068 и ст. 1081 ГК РФ. При этом за причинение ущерба по неосторожности при исполнении обязанностей военной службы (трудовых обязанностей) военнослужащие (работники) несут материальную ответственность в ограниченном размере.

Таким образом, если медицинский работник военно-медицинской организации некачественно оказал медицинскую помощь пациенту и это привело к взысканию морального вреда, он может быть привлечен к материальной ответственности как в размере ущерба, так и в ограниченном размере в зависимости от обстоятельств причинения ущерба и личности виновного лица.

Библиография

1. Баранников, М.М. О медицинском обеспечении при призыве на военную службу по мобилизации: правовой аспект / М.М. Баранников, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 8(325). — С. 50—55.
2. Большакова, В.М. Доказательства и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций / В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, А.Н. Кононов // Военное право. — 2021. — № 2(66). — С. 210—217.
3. Бухтияров, И.В. Военная медицина как призвание (к 70-летию юбилею И.Ю. Быкова) / И.В. Бухтияров, И.В. Холиков // Медицина труда и промышленная экология. — 2024. — Т. 64, № 1. — С. 63—65. — DOI 10.31089/1026-9428-2024-64-1-63-65.
4. Дуйсембаева, Д.А. Проблемы правового регулирования медицинской деятельности / Д.А. Дуйсембаева, Е.В. Савошкова, М.А. Асташкина, В.В. Андрианова // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 2(230). — С. 308—309. — DOI 10.47643/1815-1337_2024_2_308.
5. Игонина, Е.О. Установление причинной связи при неосторожном сопричинении смерти пациенту медицинскими работниками / Е.О. Игонина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД

России. — 2024. — № 2(102). — С. 155—164. — DOI 10.35750/2071-8284-2024-2-155-164.

6. Леонов, Т.М. Правовое регулирование контроля (надзора) за качеством и безопасностью медицинской деятельности на транспорте / Т.М. Леонов, О.М. Землина // Мир транспорта. — 2023. — Т. 21, № 2(105). — С. 95—100. — DOI 10.30932/1992-3252-2023-21-2-11.

7. Летута, Т.В. Компенсация морального вреда: развитие права и правоприменительной практики / Т.В. Летута // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2023. — № 4. — С. 27—32.

8. Малюгин, С.В. Клинические рекомендации в системе регламентации оказания медицинской помощи в современной России: теоретическое представление и практические аспекты / С.В. Малюгин, А.А. Винокурова // Lex Russica (Русский закон). — 2023. — Т. 76, № 7(200). — С. 28—47. — DOI 10.17803/1729-5920.2023.200.7.028-047.

9. Масловская, М.В. Эволюция законодательства об охране здоровья в российском государстве / М.В. Масловская, Н.Н. Шамсутдинов // Проблемы права. — 2024. — № 1(93). — С. 70—73. — DOI 10.14529/pro-prava240116.

10. Мохов, А.А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности / А.А. Мохов // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18, № 4(149). — С. 93—104. — DOI 10.17803/1994-1471.2023.149.4.093-104.

11. Назарова, И.С. Специфика реализации права сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации и членов их семей на охрану здоровья и предоставление им медицинской помощи / И.С. Назарова // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2023. — № 8(313). — С. 113—121.

12. Наумов, П.Ю. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы / П.Ю. Наумов, В.М. Большакова, А.И. Землин, И.В. Холиков // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2021. — Т. 13. — № 6. — С. 283—306. DOI 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306.

13. Наумов, П.Ю. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации / П.Ю. Наумов, И.В. Холиков // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2023. — Т. 15, № 1. — С. 474—493. DOI 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493.

14. Наумов, П.Ю. Некоторые размышления о подготовке будущих юристов к профессиональной деятельности в военно-медицинских организациях / П.Ю. Наумов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2023. — № 3(63). — С. 283—288.

15. Наумов, П.Ю. Некоторые особенности организации и деятельности правовых подразделений медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации / П.Ю. Наумов,

А.А. Утюганов, А.Н. Кононов // Военное право. — 2023. — № 6(82). — С. 33—41.

16. Наумов, П.Ю. Тезисы о видах судопроизводства при обжаловании заключений (решений) по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Военное право. — 2024. — № 5(87). — С. 55—61.

17. Наумов, П.Ю. Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте / П.Ю. Наумов, И.В. Холиков, С.К. Солдатов // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2024. — Т. 16, № 1. — С. 422—445. DOI 10.12731/2658-6649-2024-16-1-1071.

18. Наумова, Т.Ю. Особенности доказывания по гражданским делам в период ограничений, введенных для борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) / Т.Ю. Наумова // Актуальные проблемы государства и права. — 2022. — Т. 6, № 3(23). — С. 423—428. — DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-3-423-428.

19. Наумова, Т.Ю. Развитие института доказывания по спорам, связанным с трудовыми правоотношениями в условиях международно-правового и экономического давления на Российскую Федерацию / Т. Ю. Наумова // Вопросы российского и международного права. — 2023. — Т. 13, № 12-1. — С. 263—269. — DOI 10.34670/AR.2024.22.57.030.

20. Сверхдюрк, М.Г. Новая методология медико-юридических аспектов компенсации морального вреда по спорам с пациентами / М.Г. Сверхдюрк, В.С. Ступак, Ф.Н. Кадыров // Менеджер здравоохранения. — 2023. — № 2. — С. 12—17. — DOI 10.21045/1811-0185-2023-2-12-17.

21. Сверхдюрк, М.Г. Компенсация морального вреда в медицине: обзор региональной ситуации и анализ новых разъяснений Верховного Суда РФ / М.Г. Сверхдюрк // Здравоохранение Дальнего Востока. — 2023. — № 1(95). — С. 47—52. — DOI 10.33454/1728-1261-1-2023-47-52.

22. Туганов, Ю.Н. О конфликте интересов при исполнении судьями военных судов своих полномочий / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2020. — № 8. — С. 25—28.

23. Тутарищева, С.М. Гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность медицинских работников / С.М. Тутарищева, С.Г. Дзыбова, С.К. Цеева // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2024. — Т. 32, № S1. — С. 670—675. — DOI 10.32687/0869-866X-2024-32-s1-670-675.

24. Хазизулин, В.Б. Субъект ненадлежащей медицинской помощи и его криминалистическое значение / В.Б. Хазизулин // Криминалист. — 2024. — № 1(46). — С. 109—114.

25. Холиков, И.В. Человеческий фактор безопасности полётов: военно-правовые аспекты / И.В. Холиков, В.С. Вовкодав // Военное право. — 2017. — № 6(46). — С. 177—179.

26. Холиков И.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-лётной экспертизы в России / И.В. Холиков, О.В. Дамаскин // Представительная власть — XXI век: законодательство, ком-

ментарии, проблемы. 2018. — № 3(162). — С. 10—13.

27. Холиков, И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения / И.В. Холиков // Актуальные проблемы государства и права. — 2022. — Т. 6, № 4(24). — С. 547—555. — DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555.

28. Холиков, И.В. Функции военно-врачебной экспертизы при организации работы по предоставлению гарантий и компенсаций участникам специальной военной операции / И.В. Холиков, П.Ю.

Наумов // Вестник военного права. — 2024. — № 2. — С. 40—46.

29. Цыганков, А.Ю. Медицинский риск и уголовная ответственность медицинских работников / А.Ю. Цыганков // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2023. — № 4(309). — С. 87—92.

30. Ястремский, И.А. Порядок разрешения споров между клиникой пластической хирургии и пациентом / И.А. Ястремский // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 4(191). — С. 173—175. — DOI 10.46320/2073-4506-2024-4-191-173-175.

Features of compensation for moral damage for poor-quality medical care in military medical organizations and incorrectly made conclusions during military medical examination

© Naumov Petr Y.,

PhD in Pedagogical Sciences, Assistant to the Head of the Federal State Healthcare Institution «Main Military Clinical Hospital of the Troops of the National Guard of the Russian Federation» for legal work - Head of the Legal Support Department

Abstract. Compensation for moral damage for poor-quality medical care is an acute social issue that gives rise to a lot of legal disputes and scientific discussions. Since military medical organizations also provide medical care, there are objective risks of both its poor quality and the presentation of claims for compensation for moral damage for the said actions (inactions), especially if they led to serious or resonant consequences. The legislation of the Russian Federation and law enforcement practice formulate the specifics of compensation for moral damage for poor-quality medical care in military medical organizations and incorrectly issued conclusions of military medical examination. The article provides their normative, legal, informational and substantive characteristics, and gives recommendations for the implementation of judicial protection. The study was conducted on the basis of the explanations given in the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.01.2010 No. 1 «On the application by the courts of civil legislation regulating relations under obligations due to harm to the life or health of a citizen» and of 15.11.2022 No. 33 «On the practice of applying the rules on compensation for moral damage by the courts» and the relevant scientific literature. Based on the results of the study, recommendations are given to the legal services of military medical organizations on the organization and implementation of judicial protection.

Keywords: medical care; treatment; medical intervention; forensic medical examination; military medical examination; medical commission; medical documentation; diagnostics; medical examination; legal proceedings; trial.

Уголовное право и криминология

Признание организаций террористическими на территории Российской Федерации: вопросы правового регулирования и судебной практики

© Аксенов Алексей Николаевич,
старший преподаватель кафедры уголовно-
правовых дисциплин Московского
университета имени А.С. Грибоедова

Аннотация. В условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции повысилась активность преступных посягательств с применением насилия различного рода террористическими организациями, что подтверждается произошедшим террористическим актом в Крокус Сити Холле. Автором научной статьи рассмотрены правовые вопросы регламентации признания террористических организаций таковыми на территории Российской Федерации с учетом правоприменительной практики.

Ключевые слова: террористические организации, признание организаций террористическими, терроризм, экстремизм, насилие, специальная военная операция.

Терроризм представляет серьезную угрозу международной безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, сохранению их территориальной целостности, политической, экономической и социальной стабильности, а также осуществлению основных прав и свобод человека и гражданина, включая право на жизнь.

С учетом проведения Российской Федерацией специальной военной операции повысилось количество преступных посягательств на основы конституционного строя путем совершения террористических актов, что подтверждается активным применением насилия националистическими вооруженными силами Украины на новых и приграничных территориях нашего государства. Кроме того, беспрецедентный террористический акт, совершенных в концертном зале Крокус Сити Холл, свидетельствует о необходимости наращивания потенциала, как правового, так и практического по борьбе с насильственной преступностью террористов.

Основными международными документами регламентировано, что терроризм ни при каких обстоятельствах не

может быть оправдан соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного характера, а лица, виновные в совершении актов терроризма и других преступлений, предусмотренных международными конвенциями, должны привлекаться к ответственности¹. Меры по предупреждению или пресечению таких преступлений должны приниматься с соблюдением принципов верховенства закона и демократических ценностей, уважения прав человека и основных свобод, а также других положений международного права.

Правовую основу противодействия терроризму в Российской Федерации со-

¹ См., например: Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г.); Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15 декабря 1997 г.); Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.); Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.); Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма ETS № 196 (Варшава, 16 мая 2005 г.) и др.

ставляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, а также принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты других федеральных органов государственной власти.

Несмотря на то, что пресечение деятельности террористических организаций на территории Российской Федерации осуществляется в целом успешно, вопросы профилактики терроризма, осуществляемой прежде всего путем недопущения распространения в обществе его радикальной идеологии, особенно среди молодежи, в настоящее время являются крайне актуальными с учетом проведения нашей страной специальной военной операции.

В связи с этим уполномоченные органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также институты гражданского общества, используя имеющиеся у них возможности, обязаны принимать активное участие в указанной работе.

Одной из основных мер, направленных на недопущение распространения в обществе идеологии терроризма, является формирование в нем неприятия такой идеологии, что в основном требует в рамках реализации единой государственной антитеррористической политики своевременного и полного информирования граждан о событиях и лицах, связанных с террористической деятельностью, в том числе с финансированием терроризма¹.

¹ Камышанский Д.Ю. Зарубежный опыт противодействия преступлениям коррупционной направленности (на примере Китайской Народной республики) // Грибоедовские чтения — 2023: современные вызовы юридической науки и практики : Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 23 октября 2023 г. М.: Изд. группа «Юрист», 2024. С. 96—108.

Следует отметить, что противодействие терроризму представляет собой деятельность органов государственной власти, органов публичной власти федеральных территорий и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по:

— предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

— выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористических актов (борьба с терроризмом);

— минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма².

Борьба с терроризмом — это деятельность, осуществляемая органами безопасности и (или) их подразделениями, а также должностными лицами указанных органов и подразделений по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористических актов посредством проведения оперативно-боевых и иных мероприятий³.

Стоит отметить, что одним из способов противодействия терроризму является признание организаций террористическими в установленном законодательством Российской Федерации порядке в целях недопущения их функционирования и доведения до общества информации о противоправном характере их деятельности.

Организация на территории Российской Федерации признается террористической в порядке, установленном Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Так, согласно ч. 1 ст. 24 данного закона в Российской Федерации запрещены создание и деятельность организаций, цели или действия которых направлены на пропаганду, оправдание и поддержку террориз-

² См.: ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму».

³ См.: ст. 9.1 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности».

ма или совершение преступлений, предусмотренных ст. 205—206, 208, 211, 220, 221, 277—280, 282.1—282.3, 360 и 361 УК РФ.

Признание организаций террористическими осуществляется в следующем порядке:

— ответственные компетентные правоохранительные органы на основе имеющейся информации о деятельности террористических группировок готовят предложения в Генеральную прокуратуру Российской Федерации о запрете деятельности тех из них, которые представляют угрозу безопасности Российской Федерации;

— Генеральная прокуратура на основании обращения указанных правоохранительных органов готовит исковое заявление и направляет его в Верховный Суд Российской Федерации;

— заявление принимается к рассмотрению судебной коллегией по гражданским делам, затем назначается судебное заседание, на котором происходит рассмотрение предоставленных доказательств;

— в том случае, если Верховный Суд Российской Федерации признает доказательства достаточными, он принимает решение о признании организации террористической и запрещает ее деятельность на территории Российской Федерации;

— организация, признанная террористической, подлежит ликвидации, а ее оставшееся имущество подлежит конфискации.

Стоит также обратить внимание, что в юридической литературе отмечается, что при признании организаций террористическими, как правило, учитываются три основных признака:

1. Проведение деятельности, направленной на изменение конституционного строя Российской Федерации насильственным, вооруженным способом, в том числе с использованием террористических методов.

2. Связь с незаконными вооруженными формированиями, террористическими и экстремистскими структурами.

3. Принадлежность к организациям, признанным международным сообществом террористическими, или связь с ними¹.

Как было отмечено выше, правоохранительные органы ведут единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими. В настоящее время в него включено 48 террористических организаций.

Список этих организаций, согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 14 июля 2006 г. № 1014-р «Об официальном периодическом издании, осуществляющем публикацию единого федерального списка организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими», публикуется в официальном периодическом издании «Российская газета».

Важное профилактическое значение опубликования отмеченного единого федерального списка террористических организаций отмечается в положении, содержащемся в п. 22.6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Согласно ему, лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 205.5 УК РФ, если они совершены после официального опубликования сведений о признании соответствующей организации террористической и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации по решению суда.

Это означает, что с момента официального опубликования сведений о том, что соответствующая организация признается террористической по решению

¹ См. подробнее: Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Университет прокуратуры Российской Федерации; под общ. ред. В.В. Меркурьева; научная редакция П.В. Агапов. М.: Проспект, 2021.

суда, наступает запрет ее деятельности на территории Российской Федерации, поэтому лицо должно немедленно прекратить любые действия, связанные с участием в ее деятельности.

Часть 1 ст. 205.5 УК РФ запрещает любые действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности террористической организации (вербовка новых сторонников; пропаганда своей идеологии; создание благоприятных условий для членов организации; организация и (или) проведение мероприятий по вопросу функционирования организации и др.).

Часть 2 ст. 205.5 УК РФ запрещает любое участие в деятельности террористической организации (участие в различных мероприятиях такой организации; проведение бесед и встреч в целях пропаганды терроризма по поручению иных лиц; использование банковских счетов и др.). Следует отметить, что целевой аудиторией для такой информации являются, прежде всего, лица, в частности, молодежь, предполагающие, что деятельность соответствующей организации является правомерной и идеологически верной. Такое убеждение основано зачастую на ложной информации о реальных целях и специфике деятельности такой организации.

По мнению автора, можно сделать вывод о том, что законодательное регулирование процедуры признания организаций террористическими на территории Российской Федерации достаточно прогрессивно и качественно.

Так, рассмотренные правовые нормы в своей совокупности в полной мере урегулировали процесс признания организаций террористическими на территории Российской Федерации, четко закрепив полномочия ответственных федеральных органов государственной власти Российской Федерации, а также установили в уголовном законодательстве исчерпывающий перечень деяний террористического характера.

Кроме того, в законодательстве Российской Федерации, а также в организационно-управленческих и правовых документах Верховного Суда Российской Федерации, четко выделены признаки, наличие которых у организации (что должно быть подтверждено в ходе соответствующего судебного заседания) является критерием отнесения ее к числу террористических и основанием для признания ее таковой на территории Российской Федерации.

Представляется целесообразным рассмотреть судебную практику признания организаций террористическими на основании их соответствия таким критериям.

Вопрос признания организаций террористическими решается исключительно судами и, по сути, является видом судебной деятельности, посредством которой дается определенная правовая оценка соответствующих действий физических и юридических лиц.

Так, Верховный Суд Российской Федерации, рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по заявлению Генерального прокурора Российской Федерации о признании организаций «Джунд аш-Шам» («Войско Великой Сирии») и «Исламский джихад — Джамаат моджахедов» террористическими и запрете их деятельности на территории Российской Федерации, установил такие факты, как:

— образованная в мае 2004 г. в Ливане международная террористическая группировка «Джунд аш-Шам» («Войско Великой Сирии») неоднократно ставила целью проведение террористических акций в отношении дипломатических и иных представительств зарубежных государств, в том числе Российской Федерации;

— международная террористическая группировка «Исламский джихад — Джамаат моджахедов», созданная по указанию руководства организации «Аль-Каида» в структуре «Исламского движения Узбекистана» из числа ее активных членов, прошедших диверсионно-боевую подготовку в лагерях международных террористических организаций в Чечне, Афганистане и

Пакистане, проводит работу по организации и проведению диверсионно-террористических актов, а также по ведению пропагандистской деятельности по культивированию, поддержке и распространению джихада против США, Англии, Израиля, их союзников, правительств Ирака и Афганистана, а также президентов Узбекистана и Пакистана;

— деятельность указанных организаций приобретает все более масштабный характер и затрагивает многие страны, включая Российскую Федерацию. Организуемые ими акции, проводимая пропагандистская и иная работа представляют серьезную угрозу национальным интересам, социальной и политической стабильности, жизни и здоровью граждан России, в связи с чем названные организации должны быть признаны террористическими, а их деятельность на территории Российской Федерации подлежит запрету и др.¹

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации последовательно и обоснованно указал, что деятельность отмеченных в заявлении Генерального прокурора Российской Федерации организаций носит террористический характер, и они представляют угрозу для безопасности Российской Федерации. Суд пришел к обоснованному выводу о необходимости признания их террористическими и о запрете их деятельности на территории Российской Федерации.

В целом аналогичные по алгоритму изложения и источникам наполнения сведения содержатся и в иных судебных решениях о признании организаций террористическими на территории Российской Федерации, дела по которым были рассмотрены как в открытом судебном заседании², так и в закрытом.

В п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным де-

лам о преступлениях террористической направленности» отмечается, что при рассмотрении соответствующих уголовных дел судам следует выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению указанных преступлений, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом.

Кроме того, согласно ч. 4 ст. 29 УПК РФ, необходимо обращать внимание соответствующих организаций и должностных лиц на выявленные факты нарушений закона путем вынесения частных определений или постановлений.

В последующем это отражается в установленном федеральном перечне террористических организаций, что подразумевает важность ознакомления граждан с данной информацией, включая лиц, склонных к противоправному поведению, об указанной официальной оценке и юридических последствиях различных форм участия в возобновлении или продолжении деятельности террористических организаций. Данный перечень является общедоступным, вместе с тем обязанностей по ознакомлению с ним не предусмотрено.

В этой связи субъектам, уполномоченным осуществлять деятельность по профилактике терроризма, необходимо, в частности посредством проведения информационно-просветительских мероприятий, в том числе посредством публикационной деятельности, доводить до граждан соответствующую социально значимую информацию.

Кроме того, следует также учитывать и иной порядок признания организаций террористическими, предполагающий, что суд принимает решение о признании определенной организации террористической без предварительного заявления прокурора, в котором обосновывается необходимость такого решения.

Суд в таких случаях опирается на вступивший ранее в законную силу обвинительный приговор, подтверждающий,

¹ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2006 г. № ГКПИ06-531.

² Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С.

что установлены все необходимые юридически значимые признаки террористического сообщества, фактически ничем не отличающегося от террористической организации¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существует два организационно-правовых механизма признания судом определенной организации террористической:

1. Механизм, основанный на правовой оценке объединения людей как организации, цели и деятельность которой связаны с осуществлением террористической деятельности.

2. Механизм, основанный на обвинительном приговоре суда, признавшего лицо (группу лиц) виновным в организации террористического сообщества, руководстве его деятельностью либо в участии в таком сообществе.

Первый организационно-правовой механизм преимущественно применяется по отношению к международным террористическим организациям, деятельность которых признается террористической без вынесения обвинительного приговора в отношении какого-либо лица или группы лиц.

Как правило, в таких случаях судом констатируется, что уже имеются расследуемые уголовные дела и обвинительные приговоры в отношении отдельных членов указанных организаций без непосредственной юридической оценки их участия в соответствующем объединении. В этом случае судом принимается решение в отношении организации, на основании ранее установленных фактов о том, что ее цели

и деятельность носят террористический характер.

Отметим, что вплоть до 15 сентября 2015 г. соответствующие судебные решения принимались в рамках ГПК РФ, в частности, в соответствии с его ст. 26, 28, 194, 195, 198, 245. Отдельные решения обжаловались в апелляционном порядке, при этом жалобы рассматривались в порядке, предусмотренном статьями 328, 329 и 330 ГПК РФ.

Вместе с тем рассмотрение подобных дел в гражданском процессуальном порядке не в полной мере отвечало потребностям практики, что указывало на целесообразность выработки порядка судопроизводства, специально направленного на принятие таких сложных решений и учитывающего имеющиеся особенности соответствующих организаций и осуществляемой ими противоправной деятельности².

Соответствующие дела рассматриваются судами общей юрисдикции и Верховным Судом Российской Федерации в порядке гл. 27 КАС РФ с учетом правил подсудности, которые установлены в ст. 19, п. 5 ст. 20 и п. 5 ст. 21 КАС РФ.

Особенности порядка рассмотрения данных дел разъясняются в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 64 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами», в котором также содержатся изменения, внесенные в два предыдущих постановления по вопросам уголовной ответственности за преступления экстремистской и террористической направленности (2011 и 2012 гг., соответственно).

¹ За исключением того, что применительно к последней на день постановления приговора или иного итогового решения по уголовному делу по ч. 1 или ч. 2 ст. 205.5 УК РФ суду необходимо установить, что до момента начала выполнения действий по организации деятельности террористической организации либо участия в таковой сведения о признании судом данной организации террористической уже официально опубликованы, о чем было осведомлено (объективно могло быть осведомлено) виновное лицо.

² После вступления в силу 15 сентября 2015 г. КАС РФ рассмотрение дел о признании организаций террористическими, запрете их деятельности и ликвидации таковых производится в порядке, регламентированном КАС РФ.

Второй организационно-правовой порядок признания организаций террористическими и принятия решения о запрете их деятельности в Российской Федерации с внесением соответствующей записи в список таких организаций основан на досудебном и судебном порядке производства по уголовному делу, регулируемым нормами УПК РФ.

Следует учитывать, что с учетом специфики выявления организованной террористической деятельности, первоначальный сбор сведений о террористическом сообществе, его организаторах и иных участниках, а также о совершаемых ими преступлениях осуществляется посредством проведения соответствующих оперативно-розыскных мероприятий.

Так, Верховный Суд Российской Федерации в своем решении от 2 июня 2006 г. № ГКПИ06-531 отметил, что «из поступающей оперативной информации также следует, что указанная группировка неоднократно разрабатывала планы по проведению террористических акций в отношении дипломатических и иных представительств зарубежных стран, в том числе и Российской Федерации».

Опубликование единого федерального списка организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими, имеет важное профилактическое значение, поскольку дает правовые основания для привлечения к уголовной ответственности лиц за совершение преступлений, предусмотренных статьей 205.5 УК РФ, если они совершены после опубликования сведений о признании соответствующей организации террористической и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации по решению суда¹.

Таким образом, в практике федеральных судов по вопросам, непосредственно связанным с признанием организаций террористическими на территории Рос-

сийской Федерации, сформулированы единые подходы.

Поэтому, по нашему мнению, целесообразно отобрать определенную часть таких судебных решений, систематизировать их и включить в Сборник информационных материалов, подлежащий широкому открытому распространению в целях формирования в обществе неприятия идеологии терроризма. Наряду с этим в указанный сборник целесообразно включить информацию, раскрывающую сущность деятельности различных террористических организаций и выставляющую ее перед обществом в крайне неприглядном свете.

Следует отметить, что в Российской Федерации гарантируется соблюдение прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на судебную защиту, презумпции невиновности, равенства всех перед законом и судом, запрет на дискриминацию и др., что в своей совокупности позволяет обеспечить беспристрастное и объективное рассмотрение дел о признании организаций террористическими на территории Российской Федерации.

В целом проведенный анализ соответствующих судебных решений, а также научных трудов российских ученых показал, что деятельность современных террористических организаций в Российской Федерации имеет такие особенности, как:

— активное взаимодействие с зарубежными государствами в противоправных целях² (при оказании этим организациям значительного материального, технического, финансового, информационного и иного содействия), направленных на ослабление Российской Федерации, подрыв конституционного строя, суверенитета, нарушение территориальной целостности;

— увеличение общественной опасности терроризма, увеличением жертв среди

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4.

² См. подробнее: Чернядьева Н.А. К вопросу о привлечении государства к международно-правовой ответственности за участие в террористической деятельности // Вестник Пермского университета ФСИН России. 2023. № 4 (51). С. 224—230.

населения, осуществлением террористических акций криминальными и иными вооруженными преступными формированиями с широким применением методов информационно-психологического воздействия и насилия¹, в том числе для создания атмосферы всеобщего страха, возбуждения антигосударственных настроений в обществе в целях борьбы за влияние и власть;

— совершенствование механизма управления террористическими организациями, рост уровня планирования, синхронизации действий террористов², в первую очередь за счет активного использования цифровых технологий, в том числе анонимного характера³, расширение возможностей быстрого перемещения террористов по территории государства и через его границы;

— переход к резонансным масштабным акциям, приобретающим характер диверсионно-террористической войны, транслируемым в режиме on-line в сети Интернет⁴, что особенно четко проявляется в контексте проведения Российской Федерацией специальной военной операции.

Библиография

1. Авдеев, В.А. Приоритетные направления противодействия насильственной преступности / В.А. Авдеев, А.Н. Аксенов // Российский следователь. — 2023. — № 5. — С. 32—36.

¹ См. подробнее: Авдеев В.А., Аксенов А.Н. Приоритетные направления противодействия насильственной преступности // Российский следователь. 2023. № 5. С. 32—36.

² См. подробнее: Меркурьев В.В., Агапов П.В., Закомолдин Р.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристики движения АУЕ как явления криминальной субкультуры и экстремистской организации // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 1 (66). С. 85—92.

³ См. подробнее: Самойлов И.Н., Камышанский Д.Ю. Потенциальные и реальные угрозы технологии Deepfake (дипфейк) // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 8. С. 17—22.

⁴ См. подробнее: Кодзокова Л.А., Айгозина А.М., Сафина Л.К. Проблемы распространения идеологии экстремизма и терроризма // Право и управление. 2023. № 10. С. 300—304.

2. Камышанский, Д.Ю. Зарубежный опыт противодействия преступлениям коррупционной направленности (на примере Китайской Народной Республики) / Д.Ю. Камышанский // Грибоедовские чтения—2023: современные вызовы юридической науки и практики : Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 23 октября 2023 г. — Москва: Издательская группа «Юрист», 2024. — С. 96—108.

3. Кодзокова, Л.А. Проблемы распространения идеологии экстремизма и терроризма / Л.А. Кодзокова, А.М. Айгозина, Л.К. Сафина // Право и управление. — 2023. — № 10. — С. 300—304.

4. Меркурьев, В.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристики движения АУЕ как явления криминальной субкультуры и экстремистской организации / В.В. Меркурьев, П.В. Агапов, Р.В. Закомолдин // Вестник Владимирского юридического института. — 2023. — № 1 (66). — С. 85—92.

5. Самойлов, И.Н. Потенциальные и реальные угрозы технологии Deepfake (дипфейк) / И.Н. Самойлов, Д.Ю. Камышанский // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2024. — № 8. — С. 17—22.

6. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» / В.В. Меркурьев, П.В. Агапов, С.В. Борисов [и др.] // Университет прокуратуры Российской Федерации; под общей редакцией В.В. Меркурьева; научная редакция П.В. Агапов. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектива», 2021. — 208 с.

7. Чернядьева, Н.А. К вопросу о привлечении государства к международно-правовой ответственности за участие в террористической деятельности / Н.А. Чернядьева // Вестник Пермского университета ФСИИ России. — 2023. — № 4 (51). — С. 224—230.

Recognition of organizations as terrorist on the territory of the Russian Federation: issues of legal regulation and judicial practice

© **Aksenov A.N.**,

Senior lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines Moscow University named after A.S. Griboyedov

Abstract. In the context of the special military operation conducted by the Russian Federation, the activity of criminal assaults with the use of violence by various terrorist organizations has increased, which is confirmed by the terrorist act in Crocus City Hall. The author of the scientific article examines the legal issues of regulating the recognition of terrorist organizations as such on the territory of the Russian Federation, taking into account law enforcement practice.

Keywords: terrorist organizations, recognition of organizations as terrorist, terrorism, extremism, violence, special military operation.

О некоторых аспектах объективных и субъективных признаков составов преступлений против военной службы

© Борисов Андрей Викторович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматривается актуальность и своевременность изменений, внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации законом от 24 сентября 2022 г. и некоторые аспекты объективных и субъективных признаков составов преступлений против военной службы.

Ключевые слова: преступления против военной службы, объективные и субъективные признаки составов преступлений против военной службы.

На современном этапе не только в России, но и во всем мире одну из глобальных проблем представляет нарушение национальных интересов государства, развертывание военных действий, а также предотвращение военных преступлений. Все это требует слаженной системы не только отечественного уголовного законодательства, но и международного. Общеизвестно, что уклонение от военной службы представляет повышенную общественную опасность. Совершенствование имеющегося научно-технического потенциала, изменение средств и способов вооружённой борьбы, небывалое возрастание роли фактора времени требуют от личного состава армии и флота повышенной бдительности, высокого мастерства, боевой слаженности, содержания оружия и техники в постоянной готовности к действию. Распространение уклонений от военной службы может отрицательно отразиться на комплектовании вооружённых сил, особенно в военное время, когда численность войск является одним из важнейших факторов их боеспособности. Учитывая, что обслуживание современной техники и оружия приобретает все более, коллективный характер, даже отдельные случаи уклонения военнотружующих от выполнения своих обязанностей способны привести к срыву успешного решения экипажем, расчетом, взводом или иным подразделением поставленной перед

ними задачи, снизить их боевую готовность. На международной арене необходимы не только мощные силовые ресурсы, но и современное отточенное уголовное законодательство в сфере военных преступлений, соответствующее нынешним реалиям международных дел в мире.

В свете происходящих событий трансформация действующего уголовного законодательства и адаптация его к сложившимся реалиям является довольно логичным шагом со стороны законодателя, не лишенным криминологической обоснованности. Во время проведения специальной военной операции (СВО) в Российской Федерации принят внушительный массив федеральных законов, посредством которых, в содержание Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) внесено множество изменений, добавлены новые составы преступлений, изменены действующие, введены новые правовые понятия. В свете развития ситуации на Украине и проведения СВО возникла необходимость новеллизации уголовного законодательства России. Новые нормы УК РФ предназначены для адаптации российского законодательства к особым условиям СВО, а также из-за обострившейся в России социально-политической и экономической обстановки.

В результате основных изменений уголовного законодательства России были

внесены ряд поправок в Уголовный кодекс. Они касаются таких аспектов, как: 1) расширение понятия «терроризм» и уточнение критериев признания деяний террористическими; 2) ужесточение наказаний за совершение террористических актов или подготовку к ним; 3) введение ответственности за государственную измену и подрыв конституционного порядка; 4) ужесточение ответственности за незаконную торговлю и передвижение оружия.

Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации Российской Федерации» и Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» направлены на решение вопросов ведения военных действий в государстве и, в частности, выполнения оборонного заказа, мобилизации и прохождения военной службы. Это обеспечивает надлежащую правовую защиту отношений, связанных с соответствующими правоотношениями в условиях военных действий. Учитывая важность поправки для обеспечения национальной безопасности и срочность ее принятия, необходимо ее научное осмысление с точки зрения теории уголовного права и правоприменения, так как некоторые из условий и последствий на современном этапе развития уголовного законодательства имеют существенные недостатки и не доработки.

В соответствии с ч. 1 ст. 331 УК РФ преступлениями против военной службы признаются закрепленные в гл. 33 УК РФ (ст. 332 — 352.1 УК РФ) общественно опасные деяния, осуществляемые путем активных действий или бездействия, умышленно или с неосторожной формой вины, направленные на установленный порядок прохождения военной службы, совершённые военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

Обратившись к Конституции Российской Федерации, мы увидим, что к числу основных конституционных обязанностей ее граждан относится защита территориальной целостности и безопасности страны. В силу этого можно сделать вывод, что уклонение от воинской обязанности, осуществляемое различными методами, необходимо квалифицировать как умышленное преступное деяние. Отказ от выполнения служебных обязанностей и бегство с места службы или ведения боевых действий необходимо рассматривать как серьёзные военные преступления, где разделение этих двух актов часто бывает сложным.

В качестве родового объекта преступлений против военной службы выступают общественные отношения, которые обеспечивают военную безопасность Российской Федерации, то есть состояние защищенности личности, общества и государства от внешних угроз военного характера.

Видовым объектом преступных деяний против военной службы выступают общественные отношения, обеспечивающие реализацию установленного порядка прохождения военной службы.

Согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военная служба выступает особой разновидностью федеральной государственной службы.

Военная служба подразделяется на военную службу по призыву и военную службу по контракту. Таким образом, понятие «военная служба» нуждается в законодательной корректировке. В законах «О государственной службе» и «О воинской обязанности и военной службе» определены разные толкования определения «военная служба». Отметим, что определяющей является позиция, что военную службу исполняют военнослужащие по призыву в качестве воинской обязанности и долга защищать Отечество, а военную службу исключительно на профессиональной основе проходят военнослужащие по контракту на должностях военной службы в качестве вида государственной службы.

Непосредственным объектом преступлений против военной службы могут выступать конкретные общественные отношения, регламентирующие отдельные виды общего (правила воинской подчиненности, взаимоотношений военнослужащих, соблюдение правил безопасности обращения с оружием и т.д.) или специального порядка прохождения военной службы (правила несения боевого дежурства, караульной или пограничной службы, корабельной вахты и т.д.)¹.

В качестве дополнительных, факультативных объектов преступлений против военной службы следует выделить телесную неприкосновенность человека, отношения собственности, отношения, обеспечивающие общественный порядок и общественную безопасность.

Потерпевшими от рассматриваемых деяний выступают военнослужащие, однако в качестве потерпевших могут выступать и иные лица, не проходящие военную службу.

Объективная сторона преступлений против военной службы характеризуется как совершением активных действий, так и путем бездействия (неисполнение приказа, уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами, нарушение правил несения боевого дежурства, нарушение правил несения пограничной службы, нарушение уставных правил караульной службы, нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне, добровольная сдача в плен и др.).

Большинство составов преступных деяний против военной службы сконструированы по типу материальных, то есть требующих в качестве обязательного признака

объективной стороны преступления наступления общественно опасных последствий, включающих в себя физический, имущественный, организационный вред. В указанных составах преступных деяний обязательно должна присутствовать причинно-следственная связь между совершённым общественно-опасным деянием и наступившими общественно-опасными последствиями.

Ряд преступных деяний (оскорбление военнослужащего, самовольное оставление части или места службы, дезертирство и др.) сконструирован как формальный состав, то есть данное преступление считается оконченным в момент совершения общественно опасного деяния и не требует наступления общественно-опасных последствий².

Одним из субъектов противодействия внешним угрозам со стороны зарубежных стран, безусловно, выступают Вооружённые Силы Российской Федерации. Воинская дисциплина и безопасность нашего государства напрямую зависит от множества критериев, среди которых, одну из ведущих ролей занимает беспрекословное выполнение поставленных задач, в любых условиях. В связи с этим уголовный закон предусматривает обширное количество статей, диспозиции которых содержат разного рода деяния, но объединяет их невыполнение определенных обязанностей, поставленных перед военнослужащими. Следует сказать, что ст. 331 УК РФ определяет субъектный состав лиц, подлежащих уголовной ответственности по соответствующим статьям гл. 33 УК РФ. К таким субъектам относятся военнослужащие, проходящие военную службу по призыву либо по контракту, а также граждане, находящиеся в запасе, во время прохождения военных сборов.

Для правоприменителя необходимо четкое понимание субъективной стороны преступления при квалификации соответствующих деяний, в частности, вопросов

¹ Бондаренко П.К. Преступления против военной службы, уголовная ответственность военнослужащих // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики : Сборник статей XXI ежегодной международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 31 марта 2022 г. Часть 1. М.: Российский государственный университет правосудия, 2023. С. 277.

² Там же. С. 278.

вины, связанных с преступлениями, совершаемыми военнослужащими¹.

Для преступлений против военной службы предусмотрен специальный субъект ответственности — военнослужащие, проходящие военную службу по призыву либо по контракту, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов (ч. 1 ст. 331 УК РФ). Соответственно, наряду с общими признаками данные лица должны обладать необходимыми дополнительными признаками.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что граждане, являющиеся резервистами и заключившие в установленном порядке контракт о прохождении службы в мобилизационном резерве, а также граждане, являющиеся резервистами, могут совершать преступления, предусмотренные гл. 33 УК РФ.

В постановлении уточняется, нахождение на каких должностях на военной службе влечет ответственность за то или иное воинское преступление. В соответствии с ч. 1 ст. 331 УК РФ иные лица, не относящиеся к субъектам, определенным в ч. 1 ст. 331 УК РФ, но участвовавшие в совершении преступления против военной службы совместно с военнослужащими (гражданами, пребывающими в запасе, и гражданами, проходящими военные сборы), также могут быть привлечены к ответственности в соответствии с положениями гл. 33 УК РФ, но в соответствии с ч. 4 ст. 34 УК РФ только в качестве организаторов, подстрекателей или пособников соответствующего преступления².

При этом уголовная ответственность для них, по общему правилу, наступает по статье, предусматривающей наказание за совершённое в соучастии преступление против военной службы, со ссылкой на

соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Кроме того, поскольку регулярный призыв на военную службу отличается от призыва на военную службу по мобилизации или добровольного поступления на военную службу, при рассмотрении вопроса о субъекте правонарушения следует обращать внимание на правовую основу, на которой возникают правоотношения, связанные с военной службой. Так, например, граждане, на которых незаконно возложена обязанность проходить военную службу по призыву, не рассматриваются в качестве субъекта правонарушения, связанного с нарушением законодательства о военной службе. Они не обязаны проходить военную службу, и имеют право на отсрочку от призыва на военную службу либо на освобождение от исполнения обязанностей военной службы или воинской обязанности. Например, если гражданин не годен к военной службе по состоянию здоровья, но, тем не менее, призван на военную службу, суд должен его оправдать. В исключительных случаях, если совершённое деяние содержит элементы общего уголовного преступления, необходимо переквалифицировать его на другую статью, при условии, что это не ухудшит положение обвиняемого и не нарушит его право на защиту.

Для того чтобы быть признанным субъектом преступления, связанного с военной службой, необходимо определить, время начала и время окончания несения военной службы³.

Наряду с военнослужащими, субъектами преступлений против военной службы в ст. 331 УК РФ признаются и граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

Запас состоит из мобилизационного людского резерва и мобилизационного людского ресурса (п. 1, 2 ст. 51.2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»). Под мобилизационным людским резервом понимаются граждане, пребывающие в запасе и заключив-

¹ Закомолдин, Р.В. К вопросу о субъекте преступлений против военной службы // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения) : Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23—24 марта 2023 г. М.: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2023. С. 294.

² Там же. С. 295.

³ Чукин Д.С. Об атрибутивных признаках субъекта преступлений против военной службы // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 8 (289). С. 52.

шие в установленном порядке контракт о пребывании в мобилизационном людском резерве. Под мобилизационным людским ресурсом понимаются граждане, пребывающие в запасе и не входящие в состав резерв. Статус военнослужащего распространяется на указанных лиц в соответствии с обстоятельствами и процедурами, установленными законом (ст. 2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»).

Вина выступает ключевым элементом субъективной стороны преступного деяния. Из общей теории вины, разработанной еще в советские годы, следует, что вина всегда представляет собой психические процессы человека по отношению к преступному деянию, выраженные в форме умысла и неосторожности. Установление вины, на наш взгляд, является наиболее сложным в квалификации деяний лиц, совершивших преступление, поскольку вина отражается лишь к совершаемому общественно опасному деянию и носит оценочный характер.

Например, 4 состава преступлений совершаются только при наличии прямого умысла (ст. 333, 334, 338, 339 УК РФ) причем для последних двух квалифицирующим признаком выступает цель совершения преступления.

Только умышленная форма вины характерна для 3 преступлений, предусмотренных ст. 336, 337, 346 УК РФ. Только по неосторожности совершаются 6 преступлений, предусмотренных ст. 347—352 УК РФ. Остальные преступления могут быть совершены как с умышленной формой вины, так и с неосторожной.

Именно законодательное описание указанных элементов порождает различные виды умысла и неосторожности. Для всех преступлений против военной службы совершённых с умышленной формой вины характерно осознание общественной опасности. На наш взгляд, содержание общественной опасности, данное различными авторами, является неполным, поскольку указывает лишь на одну из производных такого явления, как «общественная опасность». Как отмечает В.Ф. Цепелев, «содержание общественной опасности заклю-

чается в том, что деяние причиняет вред охраняемым законом отношениям, благам, ценностям и интересам, либо создает реальную угрозу причинения такого вреда»¹.

Исходя из приведенного высказывания, общественная опасность преступлений против военной службы, в первую очередь, заключается в причинении вреда интересам военной службы.

Пример. Неся военную службу, Б. неоднократно отказывался от выполнения приказа командира роты. Суд первой инстанции усмотрел в деяниях Б. признаки неисполнения подчиненным приказа начальника, отданного в установленном порядке, причинившие существенный вред интересам военной службы (ч. 1 ст. 332 УК РФ). Мотивируя свое решение, суд первой инстанции пришел к выводу, что Б. осознавал общественную опасность своих действий, а также неразрывную связь, что его действия приведут к снижению воинской дисциплины и подрыву авторитета начальника среди военнослужащих. Вышестоящая инстанция оставила приговор без изменения².

Из указанного примера следует, что лицо, совершившее преступление против военной службы, должно осознавать общественную опасность своих действий, выраженную в форме причинения вреда интересам военной службы. Как и осознание, предвидение представляет собой один из интеллектуальных элементов умышленной формы вины. Так, для косвенного умысла достаточно предвидения возможности наступления общественно опасных последствий, а для прямого умысла этот интеллектуальный элемент может проявляться еще и в виде предвидения неизбежности наступления общественно опасных последствий. Для привлечения к ответственности по соответствующим статьям гл. 33 УК РФ

¹ Цепелев В.Ф. Уголовно-правовые, криминологические и организационные аспекты международного сотрудничества в борьбе с преступностью : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 21.

² Апелляционное постановление Московского окружного военного суда от 21 марта 2017 г. по делу № 22–87/2017. – URL: <https://base.garant.ru/147123371/> (дата обращения 30.10.2024).

требуется совокупное осознание и предвидение общественной опасности нарушения правил несения военной службы и если диспозиция статьи предусматривает причинение вреда иным объектам, охраняемым УК РФ.

Приведем еще один пример. Б. с целью кражи субблоков из военной техники, действуя в составе группы лиц по предварительному сговору, тайно похитил субблоки из техники. При этом суд посчитал, что Б., помимо предвидения общественной опасности кражи вверенного имущества, предвидел, что его действия приведут к полной неисправности технического средства, следовательно, к снижению боеготовности воинской части¹.

Еще одним важным элементом, без которого невозможно привлечение к ответственности, выступает воля лица на совершение преступления. Умышленная вина предполагает желание наступления преступных последствий (прямой умысел) или не желание, но сознательное допущение либо отношения к последствиям в виде безразличия (косвенный умысел). В свою очередь сознательное допущение, так же, как и желание, относится к волевому элементу вины.

Нельзя не согласиться с А.И. Рарогом, что сознательное допущение предполагает одобрительное отношение виновного к общественно опасным последствиям. Также особое значение имеет осознание при самовольном оставлении части или места службы, поскольку военнослужащий не всегда задумывается об ответственности за соответствующее деяние. Оставление части может перерасти в дезертирство, так как особой целью является уклонение, которое тяжело опровергнуть, находясь за пределами части или места службы более месяца².

Подводя итог можно сделать вывод, что для преступлений против военной службы характерно осознание общественной опасности, выраженной в причинении

вреда, в первую очередь интересам военной службы, а после иным интересам, охраняемым уголовным законом. Таким образом, общественная опасность преступного деяния, связанного с созданием угрозы военной службе, проявляется в серьезном нарушении интересов военной безопасности страны либо в возникновении такой ситуации, которая в связи с этим характеризуется повышением общественной опасности.

Библиография

1. Бондаренко, П.К. Преступления против военной службы, уголовная ответственность военнослужащих / П.К. Бондаренко // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики: Сборник статей XXI ежегодной международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 31 марта 2022 г. Часть 1. — Москва: Российский государственный университет правосудия, 2023. — С. 277—288.
2. Закомолдин, Р.В. К вопросу о субъекте преступлений против военной службы / Р.В. Закомолдин // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения) : Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23—24 марта 2023 г. — Москва: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2023. — С. 293—299.
3. Кириченко, Н.С. Обзор некоторых изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, обусловленных проведением специальной военной операции / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 183—187.
4. Корякин, В.М. Статус военнослужащего, призванного на военную службу по мобилизации: проблемные вопросы / В.М. Корякин, Я.А. Топорков // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 113—121.
5. Лутченко, А.Д. К вопросу о вине в преступлениях против военной службы / А.Д. Лутченко, А.А. Черноус, Р.В. Пересунько // Наука ЮУрГУ. — 2023. — № 7.
6. Рарог, А.И. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.И. Рарог. — Москва: Эксмо, 2019. — 720 с.
7. Цепелев, В.Ф. Уголовно-правовые, криминологические и организационные аспекты международного сотрудничества в борьбе с преступностью : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.Ф. Цепелев. — Москва, 2001. — 47 с.
8. Чукин, Д.С. Об атрибутивных признаках субъекта преступлений против военной службы / Д.С. Чукин // Право в Вооружённых Силах — военное-правовое обозрение. — 2021. — № 8 (289). — С. 51—58.

¹ Лутченко, А.Д., Черноус, А.А., Пересунько, Р.В. К вопросу о вине в преступлениях против военной службы // Наука ЮУрГУ. 2023. № 7. С. 538.

² Рарог А.И. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ. М.: Эксмо, 2019. С. 441.

On some aspects of objective and subjective signs of crimes against military service

© **Borisov A.V.**,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Criminal Law at the Military University.
The Prince Alexander Nevsky Ministry of
Defense Of the Russian Federation

Annotation. The article examines the relevance and timeliness of the amendments made to the Criminal Code of the Russian Federation dated September 24, 2022 and some aspects of objective and subjective signs of crimes against military service.

Keywords: crimes against military service, objective and subjective signs of crimes against military service.

Криминализирующие и квалифицирующие признаки публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации

© Кисель Владислав Игоревич,
курсант 4 курса ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

© Смирнов Дмитрий Витальевич,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. Гибридная война ведется путем информационного воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание и, не в последнюю очередь, при помощи методов дезинформации. В этих условиях актуализируется уголовно-правовое противодействие распространению фейков о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации. В статье поднимаются проблемы уголовно-правовой квалификации деяний, предусмотренных статьями 207.3 УК РФ.

Ключевые слова: информационная война, специальная военная операция, дезинформация, фейки, военная безопасность.

Составной частью гибридной войны, развязанной коллективным Западом против Российской Федерации, является война информационная, состоящая из различных последовательно проводимых информационных операций, объединённых единым замыслом и согласованных по целям, задачам, формам и методам воздействия¹. В современной войне стираются грани между военными и невоенными средствами борьбы, а высокая эффективность средств «информационной войны», в сочетании с использованием высокоточного оружия и «невоенных средств воздействия» позволяет не только поражать стратегически важные объекты и группировки войск, но и дезорганизовать систему государственного управления, воздействовать на психику, подавлять моральный дух населения².

Информационная война ведется путем скрытого информационного воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание и, не в последнюю очередь, при помощи методов дезинформации, манипулирования с целью изменения ценностных ориентаций и оказание влияния на базовые установки человека³. Особенно обострилась информационная война после 24 февраля 2022 г., с началом проведения Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции (СВО). В информационном пространстве в огромном количестве начали появляться ложные сведения, касающиеся действий военнослужащих России, принимающих участие в реализации задач СВО.

¹ Манойло А.Г., Пономарева Е.Г. Современные информационно-психологические операции: технологии и методы противодействия // Обозреватель—Observer. 2019. № 2. С. 5—17.

² Караяни А. Г. Теория и практика психологической войны. Организация и проведение информа-

ционных операций. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar30.htm>.

³ Кунакова Л.Н. Информационная война как объект научного анализа (Понятие и основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 6 (61). С. 93—96.

Недостоверная информация существует столько же сколько и сама информация. Законодатель называет ее по-разному: ложная информация, лжеинформация, дезинформация, поддельные новости, а в последние годы сначала в литературе (первоначально политической, в средствах массовой информации, впоследствии — юридической), а потом и в законодательстве появился термин «фейковые новости» (fake news). Не все приведенные термины имеют одинаковое значение, однако все они подчеркивают одно общее свойство конкретной информации — ее недостоверность, несоответствие действительности, реальному положению дел.¹ В большинстве своем эти фейки содержат дезинформацию о свершении российскими военнослужащими убийств мирных жителей, об обстрелах ими жилых домов, мародерстве, о жестоком обращении с военнопленными и использовании запрещенных методов ведения боевых действий и совершении других преступлений, а также в слабом моральном духе нашей армии, отсутствии воинского порядка и дисциплины, в неспособности вести современную войну и т.д. Общественная опасность таких фейков заключается в том, что лицо умышленным их распространением создает реальную угрозу формирования у граждан искаженного мнения о состоянии защищенности страны, способствует нарастанию социальной напряженности, что может привести к дискредитации и снижению авторитета органов государственной власти России, органов военного управления. Нарастание количества подобных фейков потребовало от государства принятия уголовно-правовых мер. Поэтому в целях защиты от этой криминальной угрозы 4 марта 2022 г. (через неделю после начала СВО) в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) была включена ст. 207.3, предусматривающая уголовную ответственность за публичное распространение за-

ведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности. Санкции статьи достаточно строги. Законодатель отнес преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 207.3 УК РФ, к категории преступлений средней тяжести, предусмотрев для него, наряду с другими наиболее строгое наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет. При наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, преступление переходит в категорию тяжких с наиболее строгим наказанием в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет, а при возникновении тяжких последствий деяния (ч. 3 ст. 207.3 УК РФ), деяние относится к категории особо тяжких преступлений и предусматривает наиболее строгое наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет. Первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству Ирина Панькина высказала идею законодателя по введению этого уголовно-правового запрета ясно и лаконично: этот закон принят для того, чтобы дать нашим гражданам предупреждающий сигнал о том, как точно нельзя действовать², а пресс-секретарь Президента России Дмитрий Песков указал, что строгость ст. 207.3 УК РФ полностью соответствует той ситуации тотальной информационной войны, жесточайшей информационной войны, в которой оказалась наша страна³.

Деяние, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ, содержит три криминализирующих признака:

— заведомая ложность информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты

¹ Терещенко Л.К. Фейки и треш-стримы как угроза информационной безопасности. // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 11. С.103—114.

² Ирина Панькина: Закон о фейках — предупреждающий сигнал о том, как нельзя действовать // Российская газета (27 июля 2022 г.).

³ Кремль считает закон о фейках про военных жестким, но оправданным (interfax.ru) URL: <https://www.interfax.ru/russia/830786>

интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, об исполнении в тех же целях государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории страны, об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы;

— вышеуказанной заведомо ложной информации должен быть умышленно придан достоверный вид,

— распространяться эта заведомо ложная информация должна публично.

Заведомо ложная информация — это информация, которая не соответствует действительности, о чем достоверно известно ее распространителю. Признак заведомой ложности распространяемой информации указывает на то, что данное преступление может быть совершено только умышленно, то есть лицо осознает ложность информации и тем не менее умышленно ее распространяет под видом достоверной с целью довести эту информацию до сведения других лиц. В судебной практике в целом сформировалась единая позиция о том, что достаточным критерием установления *ложного характера* распространяемой информации является несоответствие ее официальной позиции Минобороны России, иных федеральных органов власти (например, позиции Министерства иностранных дел России). А.Г. Кибальник отмечает, что в судебной практике ложной признается информация относительно характера и целей СВО, не соответствующая обращению Президента России к народу Российской Федерации от 24 февраля 2022 г., которое известно (или должно быть известно) каждому российскому гражданину¹. При необходимости оценки объективности распространяемой информации о каких-то определенных действиях Вооруженных Сил суды обычно отправляют запрос в Генеральный штаб Воору-

женных Сил и, основываясь на ответе на данный запрос, дают оценку характеру распространенной информации.

Подобный запрос, например, был направлен судом в отношении якобы имевшего места обстрела мариупольской больницы № 3. В ответе Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил на запрос суда сообщается, что в ходе проведения специальной военной операции не допускалось и не допускается применения запрещенных средств и методов ведения войны, в том числе применения оружия неизбирательного действия в отношении гражданских и иных объектов, перечисленных в качестве недопустимых военных целей в дополнительных протоколах к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. и иных правовых актах, содержащих нормы международного гуманитарного права; гражданское население Украины не являлось и не является объектом нападений для военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации. Какие-либо акты насилия или угрозы насилием в отношении таких лиц не допускаются. На территории Мариуполя 9 марта 2022 г. Вооруженными Силами Российской Федерации объявлялся «режим тишины» для безопасной эвакуации мирных жителей. Применения каких-либо средств вооружения в отношении мариупольской больницы № 3 не допускалось. Сообщения о таких фактах распространены украинскими властями с целью провокации и являются ложными, о чем сообщалось в ходе брифинга Минобороны России 10 марта 2022 г.²

В судебной практике под приданием ложной информации вида достоверной могут свидетельствовать, например, формы, способы её изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.) использование

¹ Кибальник А.Г. Ответственность за распространение фейков об армии: выводы из практики // Уголовный процесс. 2023. № 7. С.58.

² Приговор Басманного районного суда от 07.08.2023 г. по делу № 1-239/23. URL: <https://mosgor-sud.ru/rs/basmannyj/services/cases/criminal/details/0ac7ade0-b6a9-11ed-84c6-3d573e02918a>

поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям¹.

Например, при распространении ложных сведений об использовании Вооруженных сил злоумышленники активно используют видеозаписи прошедших учений или боевых действий до 2022 г.²

В действующем российском законодательстве под распространением информации понимаются действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц³, то есть такой аудиторией, численность которой столь велика, что субъектом не осознается и не конкретизируется⁴.

Судебная практика признает распространение информации публичным, если такая информация адресована не только неограниченному кругу лиц, но и определенной группе и выражена в любой доступной для них форме (устной, письменной, с использованием технических средств). Вопрос о наличии признака публичности распространения информации разрешается с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств.

Так, военнослужащий О. был осужден за то, что в период с 8 до 10 часов 25 апреля 2022 г. на территории воинской части возле казармы батальона в присутствии четырех военнослужащих, то есть

публично, умышленно, желая сформировать у названных военнослужащих негативное отношение к действиям Вооруженных Сил в ходе проведения специальной военной операции, распространил под видом достоверных сообщений заведомо ложную информацию, содержащую данные об использовании Вооруженных Сил в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности⁵.

Публичный характер распространения информации может проявляться в использовании для этого средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сообщений, в том числе мессенджеров (WhatsApp, Viber и других), в массовой рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи, распространении такой информации путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т.п.⁶

Квалифицирующими признаками состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, являются совершение деяния: лицом с использованием своего служебного положения (п. «а»), группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «б»), с искусственным созданием доказательств обвинения (п. «в»), из корыстных побуждений (п. «г»), по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «д»).

Большая часть из вышеперечисленных квалифицирующих признаков присутствуют в большинстве статей Особенной части УК РФ. Юридическая

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.04.2020 г.) С.14. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/all/28882/>

² Министерство обороны Российской Федерации заявило о нарастании количества фейков по ситуации на Украине. URL: <https://iz.ru/1297404/2022-02-26/mo-rf-zaiavilo-o-narastanii-kolichestva-feikov-po-situacii-naukraine>

³ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

⁴ Бажин Д.А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 162—168.

⁵ Апелляционное постановление 1-го Восточного окружного военного суда от 31 октября 2023 г. № 22-272/202. URL: <https://www.consultant.ru>

⁶ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2. С. 14—15. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/all/28882/>

оценка их сложностей не вызывает, так как они получили толкование в судебной практике¹. Пункты «а» и «б» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ предусматривают ответственность за совершение деяний, предусмотренных частью 1 данной статьи, но иным субъектным составом: лицом с использованием своего служебного положения (п. «а»), группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «б»). В первом случае субъектом преступления законодатель признает лицо, которое использовало свое служебное положение для публичного распространения недостоверной информации. В данном случае под «использованием служебного положения» понимается использование возможности лица осуществить такое распространение в связи с выполняемой работой (по трудовому, гражданско-правовому договору) или возможностью влияния по службе на лиц, имеющих возможность распространения информации (в данном случае субъектом преступления не обязательно является должностное лицо, указанное в примечании к ст. 285 УК РФ). Если публичное распространение фейков осуществляется должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности с использованием своих служебных полномочий, либо явно выходя за их пределы, деяние, в случае причинения им существенного нарушения прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства, подлежит дополнительной квалификации как должностное преступление (ст. 285, 286 УК РФ), так как в данном случае объектом посяательства является не только обществен-

ная безопасность, но и интересы государственной службы или службы в органах местного самоуправления.

В случае совершения рассматриваемого преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «б» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ), мы вправе говорить о групповом субъекте преступления. Для определения его вида следует руководствоваться ч. 2 и 3 ст. 35 УК РФ². В таком преступлении, наряду с общими признаками, присущими любому проявлению соучастия, имеет место, во-первых, факт участия всех субъектов в совершении преступления, то есть, когда посягательство совершается их объединенными, совместными усилиями, причем действия, охватываемые признаками объективной стороны любого состава преступления, могут выполняться каждым участником, как полностью, так и частично. Во-вторых, каждый участник группового деяния должен сознавать, что наряду с ним в преступлении участвуют другие исполнители (соисполнители), сознавать связь их действий с собственными, что само преступление совершается совместными усилиями всех участников³, однако для группового преступления по предварительному сговору обязательным признаком является наличие указанной предварительной договоренности на совершение преступления группой. Основным признаком, имеющим уголовно-правовое значение, является наличие в группе предварительного сговора, который определяется как выраженная в любой форме договоренность двух или более лиц, состоявшаяся до начала совершения действий, непосредственно направленных на совершение преступления⁴. При

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (п. 10—11); Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (п. 7).

² Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. А.А. Толкаченко. М.: Военный университет, 2021. С. 226—231.

³ Галиакбаров Р.Р. Проблемы криминализации многосубъектных общественно-опасных деяний // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск. 1980. С. 43.

⁴ Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г.

совершении преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, организованной группой действия каждого ее участника должны считаться соисполнительством, так как такой тип поведения соучастников характеризуется не только заранее обусловленным распределением ролей между соучастниками, но подчеркивает устойчивость их взаимоотношений, сплоченность на совершение одного или нескольких преступлений. Такие устойчивость и сплоченность в рамках организованной группы характеризуется руководством одного или нескольких соучастников другими членами группы, наличием отработанного плана и способов совершения посягательства, подготовкой орудий и средств совершения преступления, фактическим, заранее обусловленным выполнением действий, облегчающих совершение преступления, намеренным созданием соучастниками благоприятных условий для последующего совершения преступления и т.п.¹

Пункт «г» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ предусматривает повышенную уголовную санкцию за совершение распространения фейков *из корыстных побуждений*. В теории уголовного права и судебной практике достаточно давно выработана устойчивая позиция, что корыстные побуждения при совершении преступления следует рассматривать как стремление лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц². В случае совершения пре-

ступления, предусмотренного ст. 207.3 УК из корыстных побуждений, лицо преследует выгоду материального характера для себя или третьих лиц (например, получает вознаграждение за распространение фейков, либо освобождается от каких-либо задолженностей, имущественных затрат и т.п.).

Квалифицирующим признаком рассматриваемого преступления является совершение его по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «д» ч.2 ст. 207.3 УК РФ).

Квалифицирующий признак, указанный в п. «в» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, совершение деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 207.3 УК РФ, *с искусственным созданием доказательств обвинения*, встречается, помимо ст. 207.3 УК РФ, еще в двух статьях кодекса: в ч. 3 ст. 306 «заведомо ложный донос» и п. «г» ч. 2 ст. 354.1 «реабилитация нацизма». Впервые указанный квалифицирующий признак законодатель использовал в ч. 3 ст. 306 УК РФ, при этом не раскрывая в правовой норме понятия «искусственное создание доказательств обвинения».

Совершение преступного деяния, предусмотренного частью 1 ст. 207.3 УК РФ, сопряженное с созданием доказательств обвинения, приобретает высокую степень общественной опасности в связи с тем, что затрагивает уголовно-процессуальные отношения, связанные с получением доказательств по конкретному уголовному делу и может стать причиной принятия необъективных процессуальных решений. То есть в таком случае преступление направлено сразу на два объекта, на основной (общественную безопасность) и дополнительный (объективное отправление правосудия). Определения понятиям «доказательство» и «обвинение» даются в Уголовно-процессуальном кодексе Российской

№ 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»; пункты 9—11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

¹ Галиакбаров Р.Р. Указ. соч. С. 44.

² См. п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (с изменениями, внесенными постановлениями

Пленума от 24 декабря 2019 г. № 59 и от 11 июня 2020 г. № 7).

Федерации (УПК РФ). Так, под доказательством в ч. 1 ст. 74 УПК РФ понимается любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке определенным законом устанавливает, наличие либо отсутствие обстоятельств подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Такими доказательствами в соответствии с ч. 2 этой же статьи могут являться показания свидетелей, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого, а также заключения и показания экспертов и специалистов, вещественные доказательства протоколы следственных и судебных решений и иные документы. Обвинением согласно п. 22 ст. 5 УПК РФ является утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутого в порядке, установленном УПК РФ. То есть считать о наличии обвинения возможно только при условии, что лицо подало заявление и поддерживало обвинение в суде. Под искусственным созданием доказательств обвинения понимаются активные действия, направленные на изменение окружающей обстановки, материальных носителей доказательственной информации, которые связаны не с реальным фактом совершения преступления, а с событиями несуществующего в объективной реальности преступного деяния или отдельных его признаков¹. Конституционный суд Российской Федерации в Определении от 29 мая 2019 г. № 1254-О установил, что цель представления такого доказательства заключается в его использовании в процессе доказывания несоответствующих действительности сведений, как о виновности (причастности) конкретного лица, так и о событии преступления².

Следовательно, под искусственным созданием доказательств обвинения следует понимать умышленное деяние, направленное на создание и (или) изменение материального носителя доказательства с целью использования его в процессе доказывания несоответствующих действительности сведений о виновности (причастности) конкретного лица и о событии преступления для ложного обвинения этого лица.

Судебное толкование указанного признака можно найти в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», в котором высшая судебная инстанция сориентировала судебную практику, что заведомо ложный донос квалифицируется по ч. 3 ст. 306 УК РФ (с искусственным созданием доказательств обвинения), если виновным лицом были искусственно созданы доказательства обвинения относительно того преступления, в связи с которым совершается заведомо ложный донос. Под созданием доказательств обвинения уголовно-правовая доктрина понимает активные физические действия, заключающиеся в изменении объектов материального мира, окружающей обстановки, материальных носителей доказательственной информации, которые связаны не с реальным фактом совершения преступления, а с событиями несуществующего в объективной реальности преступного деяния или отдельных его признаков. То есть лицо не просто предоставляет компетентным органам фиктивные доказательства, но сам *создает* их для подтверждения заведомо ложного доноса³. То есть, в

¹ Быкова Т.А. Определение понятия создания доказательств обвинения как квалифицирующего признака заведомо ложного доноса // Молодой учёный. 2022. № 1. С.157.

² Определение Конституционного суда Российской Федерации от 29 мая 2019 г. № 1254-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михеева Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью

третьей статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ Смолин С.В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 20; Хабибуллин М.Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. Казань. 1975. С. 78. Быкова Т.А. Определение понятия создания доказательств обвинения как квалифицирующего признака

случае заведомо ложного доноса лицо подкрепляет заведомо ложный донос о конкретном преступлении сфабрированными заведомо ложными доказательствами совершения потерпевшим конкретного деяния, к которому последний не причастен или которое не происходило в действительности. Представляется, что искусственное создание доказательств обвинения, предусмотренное п. «в» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, должно следовать такой же логике, хотя может быть лишена уголовно-процессуальной конкретности, характерной для ч. 3 ст. 306 УК. В данном случае субъект публично распространяет заведомо ложную информацию, желая опорочить Вооруженные Силы, добровольческие формирования и организации или конкретных лиц и при этом подкрепляет ложную информацию заведомо ложными материалами (документами, видео (аудио) записями, фотографиями и т.п.) которые в будущем могут быть использованы как доказательства в случае возбуждения уголовного дела.

Боевой опыт, накопленный в последние годы, в том числе при проведении специальных военных операций в Сирии и на Украине, дает ясное понимание, что ключевая роль в гибридной войне принадлежит информационной сфере, сети «Интернет» и другим информационно-телекоммуникационным сетям. Именно там осуществляется основное информационное воздействие на людей, и именно цифровое пространство активно используется как средство дезинформации, инструмент манипулирования массовым сознанием и модерации поведением людей. Используя интернет-каналы, сетевые ресурсы противник осуществляет информационные «вбросы», компрометирующие Вооруженные Силы России, с целью дестабилизации подрыва веры в Вооруженные Силы, дестабилизации политической обстановки в стране, инициации экстремистского протестного движения. По данным Роскомнадзора с

заведомо ложного доноса // Молодой учёный. 2022. № 1. С. 157.

24 февраля 2022 г. до начала 2023 г. на территории России было заблокировано более 160 000 ресурсов с заведомо ложной информацией, дискредитирующей российских военных и ход СВО, заблокировано более 4 300 пиратских видеосервисов, распространявших рекламу, направленную на дезинформацию и устрашение граждан России по тематике, касающейся СВО¹.

За 2023 г. по запросу Генпрокуратуры России Роскомнадзор удалил или заблокировал почти 70 тыс. сайтов с фейками об армии и органах власти².

Информационно-цифровая среда предоставляет злоумышленникам широкие возможности для совершения таких преступлений. Она позволяет им действовать дистанционно, анонимно, в условиях отсутствия физического контакта с получателем информации, не осведомленным о ложности полученной информации. Более того, распространитель заведомо ложной информации может находиться на территории другого государства, выдавать себя за иное лицо, вступать в контакт под чужим именем, обладает возможностью уничтожить доказательства совершения содеянного (удалить или отредактировать переписку), провести удаление созданных для преступления профилей социальной сети, профилей, подлог электронных документов и т.д. То есть, распространение фейков о Вооруженных Силах с использованием информационно-телекоммуникационных сетей существенно повышают общественную опасность деяния. Представляется необходимым в целях усиления уголовно-правовой защиты ввести в ст. 207.3 УК РФ квалифицирующий признак усиливающий уголовное наказание за совершение этого преступления с использова-

¹ Национальный антитеррористический комитет. Краткий аналитический обзор информационных угроз в период специальной военной операции. URL: <http://nac.gov.ru/stati-knigibrosyury/kratkiy-analiticheskiy-obzor-informacionnyh-ugroz-v-period.html>

² Борьба с дискредитацией российской армии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6442833>

нием информационно-телекоммуникационных технологий.

Особо квалифицирующим признаком рассматриваемого деяния, предусмотренным ч. 3 ст. 207.3 УК РФ, является причинение им тяжких последствий. Доктринальный подход к понятию «тяжкие последствия» выработан достаточно давно. Теория уголовного права рассматривает их как «причинение преступлением более крупного ущерба, чем тот, который обычно является следствием таких преступлений. При этом отягчать ответственность виновных могут не только те последствия, которые представляют собой прямой результат преступных действий, но и производные; например, лишение большой семьи кормильца, самоубийство лица, подвергшегося преступному надругательству¹ или вывод из строя важных средств связи между отдельными городами страны, вывод из строя электростанции, вследствие чего была прекращена подача электроэнергии в городе или отдельных его районах, разрушения в водопроводной сети, повлекшие за собой прекращение водоснабжения значительной части населения и т.д.² Нельзя не согласиться с мнением профессора Ф.С. Бражника о том, что понятие «тяжкие последствия», с точки зрения этимологического содержания отражает последствия вторичного уровня. Такие последствия более опасны, чем обычное причинение вреда преступлением, которое может быть восстановлено после удовлетворения гражданского иска, тогда как эти вторичные последствия трудно поддаются ликвидации, а иногда их ликвидировать вовсе невозможно³.

¹ Кригер Г.Л. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность // Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. III. Наказание. М.: Наука, 1970. С. 146.

² Пионтковский А.А. Уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества // Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. IV. Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. М.: Наука, 1970. С. 414.

³ Бражник Ф.С. Военно-уголовное право : учебник. М.: «За права военнослужащих», 2008. С. 241.

В данном случае эти последствия должны находиться в прямой причинно-следственной связи с публичным распространением заведомо ложной информации, указанной в диспозиции ст. 207.3 УК РФ.

Таким образом, уголовно-правовой запрет на распространение заведомо ложной информации, предусмотренный ст. 207.3 УК РФ, является своевременным и эффективным средством уголовно-правовой защиты.

Библиография

1. Бажин, Д.А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве / Д.А. Бажин // Российский юридический журнал. — 2011. — № 2. — С.162—168.
2. Быкова, Т.А. Определение понятия создания доказательств обвинения как квалифицирующего признака заведомо ложного доноса / Т.А. Быкова // Молодой учёный. — 2022. — № 1.
3. Галиакбаров, Р.Р. Проблемы криминализации многосубъектных общественно-опасных деяний / Р.Р. Галиакбаров // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. — Омск. 1980.
4. Кибальник, А.Г. Ответственность за распространение фейков об армии: выводы из практики / А.Г. Кибальник // Уголовный процесс. — 2023. — № 7.
5. Кунакова, Л.Н. Информационная война как объект научного анализа (Понятие и основные характеристики информационной войны) / Л.Н. Кунакова // Альманах современной науки и образования. — 2012. — № 6 (61). — С. 93—96.
6. Манойло, А.Г. Современные информационно - психологические операции: технологии и методы противодействия / А.Г. Манойло, Е.Г. Пономарева // Обозреватель – Observer. — 2019. — № 2. — С. 5—17.
7. Смолин, С.В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Смолин. — Москва, 2012.
8. Терещенко, Л.К. Фейки и треш-стримы как угроза информационной безопасности / Л.К. Терещенко // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27. — № 11. — С. 103—114.

Criminalizing and qualifying features of public dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation

© Kisel V.I.,

4th year cadet of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

© Smirnov D.V.,

PhD in Law, Head of the Criminal Law Department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Abstract. The hybrid war waged by the collective West against Russia is also carried out through information influence on individual, group and mass consciousness and, last but not least, with the help of disinformation methods. In these conditions, criminal and legal counteraction to the dissemination of fakes about the actions of the Armed Forces of the Russian Federation is becoming more relevant. The article raises the issues of criminal and legal qualification of acts provided for in Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: information war, special military operation, disinformation, fakes, military security.

Уголовно-правовая характеристика экоцида

© Кириченко Николай Сергеевич,
кандидат юридических наук, юрист

© Александрова Наталья Геннадиевна,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры кадрового, правового и
психологического обеспечения Академии
Государственной противопожарной
службы МЧС России

Аннотация. Уголовным законодательством Российской Федерации предусмотрен соответствующий вид ответственности за совершение такого преступления, как экоцид (ст. 358 УК РФ), то есть массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу. Данное преступное деяние относится к категории преступлений против мира и безопасности человечества. Оно несет в себе большую опасность для нашей планеты, так как представляет собой нарушение экосистем как среды обитания всего человечества. В настоящей статье авторами на основе научного анализа будет представлена уголовно-правовая характеристика указанного состава преступления.

Ключевые слова: экоцид, уголовный кодекс, уголовная ответственность, национальная безопасность.

Уголовная ответственность является самым строгим видом юридической ответственности за совершенные преступные деяния как в нашем государстве, так и во всем мире. В этой связи, на наш взгляд, рассмотрение различных вопросов, связанных с данным видом ответственности, будут актуальны всегда, в том числе связанные с преступлениями в международной и военно-правовой сферах. Данной теме посвящено большое количество научных работ¹, что является дополнительным доказательством вышеизложенного мнения.

¹ См. напр.: Корякин В.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам военного права. М., 2006; Иванова Л.В. Уголовно-правовое противодействие диверсионной деятельности // Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках : Материалы Международного научно-практического круглого стола. Тюмень, 2023. С. 51—55; Закомолдин Р.В., Данилов П.С. О специальной уголовной ответственности участников добровольческих формирований за преступления против военной службы // Военное право. 2024. № 2 (84). С. 115—120; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г., Богданов С.Л. Юридическая ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях // Военное право. 2024. № 1 (83). С. 49—54; Козлов А.А. Преступления фашистского режима Киева, ВСУ и нацбатов против мирного

Большой интерес и актуальность представляет рассмотрение и изучение особо тяжких преступлений, в том числе преступления против мира и безопасности человечества. К указанной категории преступлений также относится экоцид (ст. 358 УК РФ).

Экологическая безопасность является одним из направлений национальной безопасности Российской Федерации, а в условиях современных тенденций ухудшения экологической ситуации в мировом масштабе вопросы экологической безопасности приобретают особую актуальность. Экоцид (от *греч.* «oikos» — дом, и *лат.* «caedo» — убиваю) является преступлением против мира и безопасности челове-

населения ДНР, ЛНР // Правовое обеспечение деятельности Вооруженных сил Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы : Сборник научных трудов по результатам мероприятий, организованных в рамках постоянно действующего научно-исследовательского семинара «Актуальные проблемы правового регулирования деятельности Вооруженных сил Российской Федерации». М., 2023. С. 156—163; Моргуленко Е.А., Харитонов С.С., Шарапов С.Н. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий // Военно-юридический журнал. 2022. № 11. С. 13—17.

ства и закрепляется главой 34 УК РФ. Это преступление не случайно расположено в данной главе Уголовного кодекса, так как оно несёт несравнимо большие негативные последствия по сравнению с иными преступлениями экологической направленности, закреплёнными гл. 26 УК РФ¹.

Следует отметить, что развитие уголовного законодательства о противодействии экологическим преступлениям претерпело в XX — начале XXI в. значительные изменения. Иным стал подход к общественной и правовой оценке экологических правонарушений. Прежнее уголовное законодательство было ориентировано в основном на борьбу с расхищением природных ресурсов. Оно рассматривало природную среду как своеобразную «кладовую» сырьевых ресурсов, отдавая приоритет экономическим интересам общества перед экологическими, и игнорировало защиту интересов здоровья человека, представляющую особую важность. До конца 1960-х гг. проблема охраны природы от загрязнения считалась санитарной, а не экологической. Лишь в 1980-е гг. применительно к атмосферному воздуху и водным ресурсам вопросы охраны окружающей среды от загрязнения стали оцениваться и регулироваться как экологические. В 1970—1990-е гг. законодатель неоднократно дополнял перечень экологических преступлений. Так, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 декабря 1972 г. была введена ст. 166.1 «Продажа, скупка, обмен шкур пушных зверей», а Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 июля 1974 г. — ст. 167.1 «Нарушение законодательства о континентальном шельфе СССР» и ст. 223.1 «Загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря, либо другими отходами и материалами». Эти изменения были обусловлены участием СССР в Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 г., подписанием в 1973 г. Конвенции по предотвращению загрязне-

ния вод моря с судов, платформ и других сооружений в море конструкций. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1988 г. гл. 10 УК РСФСР была дополнена нормами об ответственности за нарушение правил обращения с радиоактивными материалами (ст. 223.2—223.5). Также была принята новая ст. 230.1, устанавливающая ответственность за жестокое обращение с животными, содержание которой в известной мере связано с охраной живых существ природы. С 1991 г. начинается процесс обновления законодательства с учётом иных идеологических подходов, в частности с позиций признания приоритета человеческих ценностей, необходимости сбалансирования интересов экономики и экологии, что нашло отражение прежде всего в принятии 19 декабря 1991 г. Закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды». В 1992 г. в УК РСФСР вводится новая ст. 167.2 «Самовольная добыча янтаря». В 1993 г. принимается ст. 222.1, устанавливающая ответственность за нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими или другими биологическими агентами и токсинами, а в 1996 г. — ст. 167.3—167.8, заменившие ст. 167.1 в целях усиления уголовно-правовой защиты континентального шельфа России. В 1994 г. в ст. 149 включена норма об ответственности за загрязнение лесов. К середине 1990-х гг. выявились некоторые пробелы в развитии экологического законодательства, в частности УК в недостаточной мере учитывал качественные изменения характера экологических преступлений: повышение их общественной опасности, распространение организованной преступности, появление группировок, специализирующихся на совершении корыстных высокодоходных экологических преступлений, широкое использование новейших достижений науки и техники (информационных технологий, химических веществ, автотранспорта, вертолёт, оптических приборов и других технических средств). Не получила должного развития и тенденция к отражению норм международного права, уголовно-правовых стандартов по охране природы, не была специально выделена ответственность за

¹ Левитанус Б.А., Стрельников С.В. Правовое регулирование «экоцида» в России и зарубежных странах // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-ekotsida-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 28.10.2024).

совершение ряда международных экологических преступлений или преступлений международного характера (экоцид, трансграничные перевозки особо опасных веществ, загрязнение морской среды, территории сопредельных государств)¹.

Экоцид состоит в массовом уничтожении растительного или животного мира, отравлении атмосферы или водных ресурсов, а также совершении иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу (наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет).

Непосредственный основной объект экоцида совпадает с объектом геноцида — отношения, обеспечивающие безопасность человечества, нормальные условия его существования как биологического вида, поскольку это обусловлено тем, что человек является неотъемлемой частью природы и не может существовать вне её².

В данном случае причинение ущерба среде обитания человека самым прямым образом влияет на существование человека в качестве биологического вида. Тем самым ставится под угрозу жизнь, здоровье, развитие его и общества в целом. При такой взаимосвязи всех элементов природы экоцид самым непосредственным образом ставит в зону риска безопасность человечества. Дополнительным объектом экоцида выступают общественные отношения по обеспечению нормального существования растительного и животного мира, атмосферы, водных ресурсов, других объектов неживой природы. Факультативным объектом являются жизнь и здоровье человека, а также его деятельность³.

Объективная сторона преступления характеризуется различными активными действиями, которые направлены на:

а) массовое уничтожение растительного или животного мира;

б) отравление атмосферы или водных ресурсов;

в) иные действия, способные вызвать экологическую катастрофу.

Конструкцию объективной стороны экоцида следует рассматривать в качестве формально-материальной, в связи с тем, что общественно опасные последствия, выраженные в уничтожении объектов животного и растительного мира, ухудшении качественного состояния атмосферного воздуха, водных объектов, и наступлении иных событий, сопоставимых по характеру и масштабам с состоянием экологической катастрофы, являются составным элементом объективной стороны «экоцида», но в случае если в результате совершения охватываемых ст. 358 УК РФ действий возникнет лишь угроза наступления перечисленных выше последствий, преступление также необходимо рассматривать в качестве оконченного. Законодатель при формировании Особенной части, включил экоцид в состав гл. 34 УК РФ, состоящей из преступлений против мира и безопасности человечества. Иными словами, последствия экоцида значительны по своему масштабу и угрожают существованию всего человечества путём уничтожения среды его жизнедеятельности. В рамках настоящей статьи рассмотрим вопрос об обоснованности отнесения экоцида к данному виду преступных посягательств⁴.

¹ Кашепов В.П. Развитие законодательства об уголовной ответственности за экологические преступления // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 29—39.

² Грузинская Е.И. Преступления против мира и безопасности человечества в системе Особенной части уголовного законодательства стран евразийского экономического союза // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 232—235.

³ Гончарова Ю.О. Экоцид (ст. 358 УК РФ): нормативный анализ, техника конструирования состава преступления, вопросы разграничения с иными посягательствами против мира и безопасности человечества // Социально-гуманитарные науки в информационном обществе: перспективы и потенциал : сборник научных трудов по материалам

Международной научно-практической конференции 24 декабря 2020 г. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 46—49. URL: <https://apni.ru/article/1540-ekotsid-st-358-uk-rf-normativnij-analiz-tekhn>.

⁴ Жукова А.А. Уголовно-правовая характеристика экоцида (ст. 358 УК РФ): целесообразность отнесения к альтернативно-экологическим транснациональным преступлениям // Юридическая наука. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-harakteristika-ekotsida-st-358-uk-rf-tselesoobraznost-otneseniya-k-alternativno-ekologicheskim-transnatsionalnym> (дата обращения: 28.10.2024).

Субъект данного состава преступления является общим, то есть уголовная ответственность наступает с 16 лет.

Субъективная сторона экоцида предполагает наличие исключительно прямого умысла. У лиц, совершающих данное преступное деяние, должны иметься осознание вредоносности их действий, разрушающих среду обитания людей, а также желание реализовывать подобные действия независимо от мотивов, которыми руководствовались данные субъекты. Мотивы субъектов могут быть учтены в процессе индивидуализации ответственности и наказания виновных лиц.

По мнению некоторых учёных исходя из анализа положений и экологических терминов, используемых в указанной статье, представляется сложным разграничение степени вреда, причинённого в результате экоцида и иных видов экологических преступлений¹. Авторы также согласны с этой позицией.

При этом ключевым отличием экоцида от других экологических преступлений является различие объектов преступного посягательства. В частности, для экоцида таким объектом будет являться это мир и безопасность человечества, а для других экологических преступлений они будут состоять только лишь сохранение благоприятной окружающей среды. Также, согласно дефиниции экоцида, предусмотренной ст. 358 УК РФ, экоцид способен вызывать экологическую катастрофу.

Важно отметить, что определение экологической катастрофы предлагалось и в юридической литературе, в частности, Греченковой О.Ю., по мнению которой, такую следует определять как угрожающее последствие, состоящее в нарушении естественного функционирования экологических систем и сокращении биоразнообразия, при совершении акта экоцида². Ука-

занное определение также предлагалось включить в состав уголовного закона. Аналогично определяет Давитадзе М.Д., указывая, что к признакам экологической катастрофы следует относить устойчивое нарушение естественного функционирования экологических систем, а также значительное нарушение (изменение) биоразнообразия³. Так, нарушение устойчивости природной среды и биоразнообразия исследователи единогласно относят к основополагающим характеристикам понятия «экологическая катастрофа». При этом авторы не уделяют внимание способу возникновения указанных последствий.

Сложно не согласиться с представленными мнениями учёных о необходимости доработки УК РФ в части включения в него положений, раскрывающих понятие «экологическая катастрофа». Будем надеяться, что в ближайшем будущем законодателем будут реализованы обоснованные предложения по совершенствованию уголовного законодательства, регламентирующего соответствующий вид ответственности за совершение экоцида.

Библиография

1. Белянская, О.В. Лингвистические противоречия в сфере законотворчества и правоприменения / О.В. Белянская // Нефилология. — 2019. — Т. 5. — № 20. — С. 476—482. — DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-476-482.
2. Греченкова, О.Ю. Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества : автореф. дис.... канд. юрид. наук / О.Ю. Греченкова. — Краснодар. 2007. — 26 с.
3. Грузинская, Е.И. Преступления против мира и безопасности человечества в системе Особенной части уголовного законодательства стран евразийского экономического союза / Е.И. Грузинская // Социально-политические науки. — 2016. — № 4. — С. 232—235.
4. Гончарова, Ю.О. Экоцид (ст. 358 УК РФ): нормативный анализ, техника конструирования состава преступления, вопросы разграничения с иными посягательствами против мира и безопасности человечества / Ю.О. Гончарова // Социально-гуманитарные науки в информационном обществе: перспективы и потенциал : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 24 декабря 2020 г. — Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. — С. 46—49.

¹ См. напр.: Белянская О.В. Лингвистические противоречия в сфере законотворчества и правоприменения // Нефилология. 2019. Т. 5. № 20. С. 476—482; Иванова Н.Н. Проблемы правового регулирования преступления «Экоцид» // Наука и современность. 2011. № 13-3. С. 220—223.

² Греченкова О.Ю. Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества : автореф. дис.... канд. юрид. наук. Краснодар. 2007.

³ Давитадзе М.Д. Экоцид как преступление против человечества // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 85—89.

5. Давитадзе, М.Д. Экоцид как преступление против человечества // Вестник Московского университета МВД России. — 2016. — № 7. — С. 85—89.
6. Жукова, А.А. Уголовно-правовая характеристика экоцида (ст. 358 УК РФ): целесообразность отнесения к альтернативно-экологическим транснациональным преступлениям / А.А. Жукова // Юридическая наука. — 2024. — №1.
7. Закомолдин, Р.В. О специальной уголовной ответственности участников добровольческих формирований за преступления против военной службы / Р.В. Закомолдин, П.С. Данилов // Военное право. — 2024. — № 2 (84). — С. 115—120.
8. Иванова, Н.Н. Проблемы правового регулирования преступления «Экоцид» / Иванова Н.Н. // Наука и современность. — 2011. — № 13-3. — С. 220—223.
9. Иванова, Л.В. Уголовно-правовое противодействие диверсионной деятельности / Л.В. Иванова // В сборнике: Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках. Материалы Международного научно-практического круглого стола. — Тюмень, 2023. — С. 51—55.
10. Кашепов, В.П. Развитие законодательства об уголовной ответственности за экологические преступления / В.П. Кашепов // Журнал российского права. — 2012. — № 6. — С. 29—39.
11. Кириченко, Н.С. Юридическая ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях // Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова, С.Л. Богданов // Военное право. — 2024. — № 1 (83). — С. 49—54.
12. Козлов, А.А. Преступления фашистского режима Киева, ВСУ и нацбатов против мирного населения ДНР, ЛНР / А.А. Козлов // Правовое обеспечение деятельности Вооруженных сил Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы : Сборник научных трудов по результатам мероприятий, организованных в рамках постоянно действующего научно-исследовательского семинара «Актуальные проблемы правового регулирования деятельности Вооруженных сил Российской Федерации». — Москва, 2023. — С. 156—163.
13. Корякин, В.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам военного права / В.М. Корякин. — Москва: За права военнослужащих, 2006. — 207 с.
14. Моргуленко, Е.А. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий / Е.А. Моргуленко, С.С. Харитонов, С.Н. Шарапов // Военно-юридический журнал. — 2022. — № 11. — С. 13—17.
15. Левитанус, Б.А. Правовое регулирование «экоцида» в России и зарубежных странах / Б.А. Левитанус, С.В. Стрельников // Ленинградский юридический журнал. — 2020. — № 3 (61).

Criminal and legal characteristics of ecocide

© Kirichenko N. S.,

Lawyer, Candidate of Legal Sciences

© Alexandrova N.G.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Personnel, Legal and Psychological Support of the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Abstract. The criminal legislation of the Russian Federation provides for an appropriate type of responsibility for the commission of such a crime as ecocide (Article 358 of the Criminal Code of the Russian Federation), that is, the mass destruction of flora or fauna, poisoning of the atmosphere or water resources, as well as the commission of other actions capable of causing an environmental disaster. This criminal act belongs to the category of crimes against the peace and security of mankind. It carries a great danger to our planet, as it represents a violation of ecosystems as the habitat of all mankind. In this article, the authors, based on scientific analysis, will present the criminal law characteristics of the specified corpus delicti.

Keywords: ecocide, criminal code, criminal liability, national security.

Вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 333 и 334 УК РФ, в особые периоды

© Смирнов Дмитрий Витальевич,
кандидат юридических наук, заведующий
кафедрой уголовного права Военного
университета

© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы квалификации действий военнослужащих в сопротивлении начальнику и в насильственных действиях в отношении начальника, в период мобилизации.

Ключевые слова: уголовная ответственность военнослужащих; преступления против военной службы; мобилизация; военные суды.

Анализ практики реализации военными следователями, военными прокурорами, военными судами ч. 3 ст. 333 и ч. 3. ст. 334 УК РФ, которая появилась в Уголовном законе практически одновременно с объявлением с 21 сентября 2022 г. мобилизации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 647, позволяет наблюдать особенности применения данной нормы (ч. 3 ст. 333 и 334 УК РФ), квалифицирующей действия военнослужащих в сопротивлении начальнику и в насильственных действиях в отношении начальника, в период мобилизации.

Отметим, что военные юристы частично касались данной проблематики¹.

¹ См., например: Власов С.Ю., Харитонов С.С. Истинность приговора (военно-судебная практика) // Военное право. 2024. № 1 (83). С. 98—106; Заказнова А.Н. Криминологические меры предупреждения насильственных преступлений против военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 6 (323). С. 58—65; Зюбанов Ю.А., Харитонов С.С. Уголовное наказание по материалам военно-судебной практики: проблемы правоприменения // Военное право. 2024. № 1 (83). С. 107—111; Лобов Я.В., Харитонов С.С. Приговор: проблемы постановления (по материалам военно-судебной практики) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 12 (317). С. 58—63; Моргу-

*Преступление нуждается лишь в предлоге
Аристотель*

Публикации же в российской прессе по этой теме по понятным причинам скудные. Немногочисленные опубликованные на сайтах гарнизонных военных судов приговоры показывают обстоятельства, при которых чаще всего совершаются тяжкие посягательства на порядок воин-

ленко Е.А., Шарапов С.Н. О необходимости совершенствования уголовно-правовой защиты интересов государства и общества в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2024. № 3 (320). С. 93—98; Назаров А.А. Понятие и состав воинского преступления по законодательству зарубежных стран // Военное право. 2018. № 3 (49). С. 184—187; Раков А.В. Уголовное наказание: современная действительность военно-судебной практики // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 1 (318). С. 82—87; Смирнов Д.В., Харитонов С.С. Практика применения военными судами уголовного законодательства при назначении наказания // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 153—157; Сотникова В.В., Абдулхаков Ж.Э. Актуальные проблемы института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Военное право. 2018. № 3 (49). С. 197—203; Харитонов В.С. О возможностях проявления vigilantизма в армии: нормативный и криминологический аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 11 (316). С. 126—128, и др.

ской подчиненности, — состояние опьянения после употребления алкоголя.

В июне курский суд приговорил за сопротивление начальнику в период мобилизации (ч. 3 ст. 333 УК РФ) Алексея Д. и Юрия З. к трем годам колонии каждого. Они не захотели выполнять требование дежурного по части сдать спиртное, повалили майора и ударили его в голову¹.

Новочеркасский гарнизонный военный суд осудил Артема А. за вооруженное нападение на начальника. Офицер увидел А. пьяным и хотел отвести его в подразделение военной полиции, однако контрактник начал сопротивляться и ударил командира ножом четыре раза. А. признан виновным в сопротивлении начальнику с применением оружия в период мобилизации (ч. 3 ст. 333 УК РФ) и причинении тяжкого вреда здоровью (п. «а», «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ). Ему назначено семь лет шесть месяцев колонии строгого режима².

В зоне проведения специальной военной операции находятся почти 700 тыс. российских военных, заявил Президент Российской Федерации в ходе встречи с участниками программы «Время героев»³. Боевые действия с участием такого количества военнослужащих неизбежно ведут к росту в зоне боевых действий воинских преступлений, среди которых есть и сопротивление начальнику, и принуждение, а также насильственные действия в отношении начальника.

Поэтому военно-следственным органам, военным прокурорам, судьям военных судов следует учитывать некоторые

особенности квалификации преступлений по ч. 3 ст. 333 УК РФ и ч. 3 ст. 334 УК РФ.

Во-первых, не имеет значения, где совершено преступление, — условно говоря, в Донецке или Владивостоке.

Если преступление совершено после объявления мобилизации Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г., действия виновного будут подлежать квалификации как применение в период мобилизации иного насилия (например, удары кулаком в голову) в отношении начальника, совершенное во время исполнения им обязанностей военной службы.

Во-вторых, обратим внимание, что в соответствии с п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» по смыслу закона в п. «в» ч. 2 ст. 333 или 334 УК РФ причинение тяжкого вреда здоровью охватывает тяжкий вред здоровью по неосторожности и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков, а при наличии в этих случаях признаков, перечисленных в ч. 2, 3 и 4 ст. 111 УК РФ, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности указанных преступлений.

Так, если рядовой на боевых позициях, будучи недоволен действиями сержанта (начальника по воинской должности и по воинскому званию), причиняет ему телесные повреждения в виде закрытой черепно-мозговой травмы (например, удар тяжелым предметом по голове), повлекшие за собой тяжкий вред здоровью, то в соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 334 УК РФ причинение тяжкого вреда здоровью охватывает тяжкий вред здоровью по неосторожности и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков. При наличии в этих случаях признаков, перечисленных в ч. 2, 3 и 4 ст. 111 УК РФ, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности указанных преступлений. В нашем слу-

¹ См.: Коммерсант. Военнослужащих лишают сроков. Военные суды в Черноземье чаще принимают во внимание особые обстоятельства. 10.08.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/06/2024/666c77789a79475d712a5c27> (дата обращения 01.11.2024).

² См.: Коммерсант. Солдат опасен для командира. Контрактника из Чувашии осудили за нападение с ножом на офицера. 15.01.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6453897> (дата обращения 01.11.2024).

³ См.: РБК. 14.06.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/06/2024/666c77789a79475d712a5c27> (дата обращения 02.11.2024).

чае, — по совокупности ч. 3 ст. 334 и, скорее всего, п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ.

В этой связи представляется интересным дело, упомянутое в начале статьи, и получившее широкое освещение в печати¹.

Гарнизонный военный суд, рассмотрев уголовное дело в отношении рядового А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 333 УК РФ изменил квалификацию действий виновного по следующим основаниям.

Как установил суд А. в период мобилизации, находясь на территории пункта временной дислокации части, будучи в состоянии алкогольного опьянения, ночью, во время сопровождения его в подразделение военной полиции майором П., являвшимся для него начальником по воинскому званию, попытался вырваться и скрыться от него, но последний стал удерживать его, чтобы доставить в подразделение военной полиции.

Оказывая сопротивление, А. нанес П. ножом два удара в грудь и два удара в бедро, в результате чего потерпевшему были причинены тяжкие телесные повреждения.

Органами предварительного следствия действия А., связанные с причинением тяжкого вреда здоровью майора П., квалифицированы по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, как покушение на убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности, которое не было доведено до конца по независящим от подсудимого обстоятельствам.

Между тем причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего путём нанесения ударов ножом в область жизненно важных органов может свидетельствовать

о наличии прямого умысла на убийство только в том случае, если имеются другие доказательства, подтверждающие данный вывод.

Так, согласно разъяснениям, содержащимся в п. 2 и 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал её наступления, но смертельный исход не наступил по независящим от него обстоятельствам (ввиду активного сопротивления жертвы, вмешательства других лиц, своевременного оказания потерпевшему медицинской помощи и др.).

При этом необходимо ограничивать убийство от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, имея в виду, что при убийстве умысел виновного направлен на лишение потерпевшего жизни.

При решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения.

Как следует из показаний подсудимого А. в судебном заседании, он не хотел убивать майора П. Удары ножом наносил, так как был в состоянии опьянения, куда наносил удары ножом не видел, так как было темно, и специально в жизненно важные органы потерпевшего не целился. Удары наносил не с целью убийства, а с целью освободиться от захвата потерпевшего и убежать, так как не хотел, чтобы его доставили в военную полицию. Каких-либо конфликтов с по-

¹ См., например: <https://tass.ru/proisshestiya/19730387>; <https://donday.ru/v-novocherkasske-na-7-let-kolonii-osudili-kontraktnika-ranivshego-nozhom-nachalnika.html>; <https://xn--80aaaklldq8cis.xn--p1ai/2024/01/16/kontraktnomu-voennosluzhashhemu-sud-dal-sem-let-kolonii/> и др. (дата обращения 02.11.2024).

терпевшим у него не было, а после падения на землю от действий майора П., он сразу прекратил сопротивление.

Эти обстоятельства дела нашли подтверждение и в показаниях потерпевшего.

Доказательств, опровергающих эти данные и указывающих на наличие у А. прямого умысла лишить жизни потерпевшего, в ходе предварительного и судебного следствия добыто не было.

Оценив установленные по делу обстоятельства, суд пришел к обоснованному выводу о том, что подсудимый действовал не с прямым, а с косвенным умыслом, в связи с чем его действия необходимо квалифицировать исходя из фактически наступивших последствий.

С учетом этого действия рядового А. были переквалифицированы судом с ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ на п. «а», «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное в отношении лица в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности, с применением оружия.

При этом действия А., выразившиеся в сопротивлении начальнику, сопряженные с насилием, с применением оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью, в период мобилизации, суд правильно расценил как совокупность преступлений и квалифицировал по ч. 3 ст. 333 УК РФ, исходя из вышеприведенных разъяснений, содержащихся в п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

В-третьих, порядок прохождения военной службы (по призыву, контракту или по мобилизации) лицами, виновными в сопротивлении начальнику или в насильственных действиях в отношении начальника, совершенных в период мобилизации, на квалификацию их действий не влияет.

Так, например, военнослужащий, призванный на военную службу по призыву, в период мобилизации совершил

насильственные действия в отношении своего командира. Возникает вопрос: на военнослужащих по призыву распространяется действие Указа Президента Российской Федерации № 647 о мобилизации применительно к этой ситуации? Ведь они не привлекаются к выполнению задач специальной военной операции, а поэтому квалификация действий такого военнослужащего по ч. 3 ст. 334 УК РФ, как совершенных в период мобилизации, может вызвать сомнение в обоснованности на Законе.

Полагаем, что на квалификацию преступных действий военнослужащего по призыву не влияет порядок прохождения им военной службы (по призыву, мобилизации или по контракту), так как закон не связывает квалификацию его действий по ч. 3 ст. 334 УК РФ с возможностью его участия в специальной военной операции, а указ Президента Российской Федерации о мобилизации распространяет свое действие на Вооруженные Силы РФ на всей территории страны.

В-четвертых, на граждан, призванных на военную службу по мобилизации, распространен статус военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенному п. 6 Постановления от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», в гл. 33 УК РФ к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, относятся в том числе, граждане, призванные на военную службу по мобилизации, на которых в установленном порядке распространен статус военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

Поэтому, например, если гражданин поступил на военную службу добровольно, отказавшись от брони, предоставленной ему предприятием (организацией), но контракт о прохождении военной службы не заключал, он все равно будет признаваться субъектом преступления, предусмотренного ст. 334 УК РФ.

В-пятых, квалификация содеянного по ст. 334 УК РФ возможна лишь в случаях, когда умыслом виновного охватывалось, что лицо, в отношении которого им применяется насилие, является для него начальником.

Представим ситуацию, которая может сложиться (а скорее всего и складывается из-за постоянной ротации военнослужащих в зоне боевых действий, а также в связи с формированием новых воинских частей, в том числе и из числа мобилизованных либо поступивших в период СВО на военную службу по контракту) на практике.

Майор Петров, находясь на территории воинской части и будучи недоволен замечаниями в связи с нарушениями воинской дисциплины, сделанными ему майором Носовым, который был назначен временно исполняющим обязанности заместителя командира полка по военно-политической работе и в связи с этим являлся для него начальником по воинской должности, наносит Носову удар головой в нос, причиняет ему повреждения в виде открытого перелома костей носа, гематомы и ссадины спинки носа, относящиеся к легким телесным повреждениям.

В судебном заседании Петров показывает, что не знал о том, что майор Носов был назначен временно исполняющим обязанности заместителя командира полка, и воспринимал как своего сослуживца.

Потерпевший майор Носов говорит, что приказ о его назначении временно исполняющим обязанности заместителя командира полка по военно-политической работе был подписан незадолго до произошедшего конфликта, и было ли известно об этом приказе майору Петрову, он не знает. Майор Носов официально личному составу воинской части представлен не был, и перед конфликтом с Петровым не говорил ему, что он назначен на должность заместителя командира полка.

Все, кто видели конфликт Петрова с Носовым, говорят, что никто не знал, что

майор Носов с какого-то времени стал ВРИО замкомандира полка.

Таким образом, действия Петрова не могут быть расценены как нанесение побоев и применения иного насилия в отношении начальника, совершенные во время исполнения им обязанностей военной службы и в связи с исполнением этих обязанностей в период мобилизации, и квалифицированы по ч. 3 ст. 334 УК РФ.

В соответствии с разъяснением, содержащимся в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», если военнослужащий, применивший насилие, не знал, что потерпевший является для него начальником, то содеянное при наличии соответствующих признаков может быть квалифицировано по ст. 335 УК РФ.

Поэтому действия майора Петрова как нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанное с применением насилия к сослуживцу майору Носову следует квалифицировать по ч. 1 ст. 335 УК РФ.

Так же должны быть квалифицированы и действия военнослужащего, призванного по мобилизации, который, например, в ночное время, не видя воинских знаков различия стоящего перед ним офицера, в ответ на сделанное ему замечание о недопустимости нарушения правил внутреннего порядка причиняет тому телесные повреждения. Если посмотреть на современную форму одежды, то она неотличима внешне, как было ранее, в зависимости от рядового состава или младшего или старшего офицерского состава, — все в камуфлированной военной форме с зачастую не бросающимися в глаза знаками различия.

В-шестых, если военнослужащий оказывает сопротивление военнослужащим из состава патруля военной полиции при его задержании, то действия виновного квалифицируются по ч. 3 ст. 333 УК РФ.

Рассмотрим следующую ситуацию. Военнослужащий в период мобилизации совершает дезертирство, самовольно оставив часть, и уезжает в свой родной поселок. Для задержания направляется наряд военной полиции. При задержании виновный сначала пытается убежать, а после задержания сотрудниками военной полиции оказывает им активное сопротивление, причинив телесные повреждения.

Давая юридическую оценку преступным действиям в части совершения преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 333 УК РФ, следует исходить из разъяснений, содержащихся в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», о том, что в ст. 333 УК РФ к иным лицам, исполняющим возложенные на них обязанности военной службы, относятся, в частности, военнослужащие, не являющиеся начальниками, но обладающие определенными полномочиями в отношении других военнослужащих, обязанных выполнять предъявляемые к ним требования со стороны таких лиц. В тех случаях, когда сопротивление или принуждение совершается в отношении военнослужащих из состава патруля военной полиции или войскового наряда по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, содеянное охватывается ст. 333 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 318 УК РФ не требует.

В-седьмых, принуждение начальника к нарушению обязанностей военной службы следует квалифицировать по ч. 3 ст. 333 УК РФ.

Применительно к данному тезису представим следующую картину.

Несколько военнослужащих, находясь в зоне боевых действий, отказываются заступать на боевое дежурство. Затем, употребив спиртные напитки, начинают требовать от командира батальонной тактической группы не ставить их в наряд на боевые позиции, угрожая физи-

ческим насилием, в том числе убийством и применением оружия в случае отказа. Командир отказывается выполнить их требования и уходит в блиндаж. Тогда один из этих военнослужащих стреляет в дверь блиндажа. Дальнейшие действия пьяных военнослужащих пресекаются другими военнослужащими.

Возникает вопрос: как квалифицировать деяния военнослужащих?

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», принуждение начальника исполняющего обязанности военной службы, к нарушению этих обязанностей заключается в воздействии на них в целях заставить поступить вопреки интересам службы.

При этом предъявляемые к указанным лицам неправомерные требования могут иметь как конкретный (например, требование о предоставлении отпуска по семейным обстоятельствам при отсутствии оснований), так и общий характер (например, требование об изменении линии поведения начальника в будущем).

В тех случаях, когда виновный в отношении начальника или иного лица, исполняющего обязанности военной службы, вначале совершает сопротивление, а затем принуждение (или наоборот), содеянное при наличии признаков единого преступления необходимо квалифицировать по ст. 333 УК РФ как одно преступление.

Таким образом, следует признать, что военнослужащие, действуя группой лиц, в период мобилизации, находясь в состоянии опьянения, с целью создать себе облегченные условия военной службы, стали принуждать командира батальонной тактической группы, высказывая угрозы применить к нему насилие, и, соответственно, их действия квалифицируются по ч. 3 ст. 333 УК РФ.

В-восьмых, следует правильно определять должностное положение виновного с тем, чтобы квалифицировать совер-

шение военнослужащим преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 334 УК РФ или ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий).

Быстрая и постоянная ротация военнослужащих в зоне боевых действий, формирование новых воинских частей, в том числе и из числа мобилизованных либо поступивших в период СВО на военную службу по контракту, назначение на должности командиров военнослужащих без доведения этой информации до личного состава, назначение на должности командиров младших по воинскому званию по отношению к тем, кто будет им подчиняться, — все это приводит к тому, что зачастую не ясно, кто командир, а кто подчиненный, кто должен командовать, а кто должен выполнять приказы. Особенно чувствительна такая неразбериха на низовом командном уровне, во взводе и роте.

Поэтому при решении вопроса о должностном положении военнослужащего следует исходить из положений Устава внутренней службы Вооруженных Сил. При отсутствии подчинения по должности действуют отношения подчиненности по воинскому званию.

Так, при совместном исполнении обязанностей военнослужащими, не подчиненными друг другу по должности, когда их служебные взаимоотношения не определены командиром (начальником), старший по воинскому званию является начальником (ст. 38 указанного Устава).

В заключении отметим, что при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 333 и 334 УК РФ, следует правильно применять положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

Библиография

1. Власов, С.Ю. Истинность приговора (военно-судебная практика) / С.Ю. Власов, С.С. Харитонов // Военное право. — 2024. — № 1 (83). — С. 98—106.
2. Заказнова, А.Н. Криминологические меры предупреждения насильственных преступлений против военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации / А.Н. Заказнова // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 6 (323). — С. 58—65.
3. Зюбанов, Ю.А. Уголовное наказание по материалам военно-судебной практики: проблемы правоприменения / Ю.А. Зюбанов, С.С. Харитонов // Военное право. — 2024. — № 1 (83). — С. 107—111.
4. Лобов, Я.В. Приговор: проблемы постановления (по материалам военно-судебной практики) / Я.В. Лобов, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 12 (317). — С. 58—63.
5. Моргуленко, Е.А. О необходимости совершенствования уголовно-правовой защиты интересов государства и общества в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий / Е.А. Моргуленко, С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 3 (320). — С. 93—98.
6. Назаров, А.А. Понятие и состав воинского преступления по законодательству зарубежных стран / А.А. Назаров // Военное право. — 2018. — № 3 (49). — С. 184—187.
7. Раков, А.В. Применение военными судами уголовных наказаний в отношении военнослужащих : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Раков. — Москва, 2004. — 26 с.
8. Раков, А.В. Уголовное наказание: современная действительность военно-судебной практики / А.В. Раков, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 1 (318). — С. 82—87.
9. Смирнов, Д.В. Практика применения военными судами уголовного законодательства при назначении наказания / Д.В. Смирнов, С.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 153—157.
10. Сотникова, В.В. Актуальные проблемы института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / В. В. Сотникова, Ж. Э. Абдулхаков // Военное право. — 2018. — № 3 (49). — С. 197—203.
11. Харитонов, В.С. О возможностях проявления вигилантизма в армии: нормативный и криминологический аспект / В.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 11 (316). — С. 126—128.

Issues of qualification of crimes provided for by Articles 333 and 334 of the Criminal Code of the Russian Federation, in special periods

© **Smirnov D.V.**,

Candidate of Law, Head of the Department of Criminal Law of the Military University

© **Kharitonov S.S.**,

candidate of legal sciences, professor

Abstract. The article examines issues of qualification of actions of military personnel in resisting a superior and in violent actions against a superior, during mobilization.

Keywords: criminal liability of military personnel; crimes against military service; mobilization; military courts

Общественно опасные последствия как основание криминализации преступлений против военной службы

© Чукин Дмитрий Сергеевич,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Саратовского военного ордена Жукова
Краснознаменного института войск
национальной гвардии Российской
Федерации, подполковник юстиции

Аннотация. Глава 33 УК РФ характеризуется высоким содержанием оценочных категорий в виде общественно опасных последствий, как обязательного признака объективной стороны. При этом, квалификация вреда, причиненного конкретным деянием как последствий, которые будут являться составообразующим признаком воинского преступления, относится к компетенции правоприменителя. Ориентиром, призванным к единообразию следственно-судебной практики, выступают рекомендации Верховного Суда РФ, которые *de-jure*, не являются источником уголовного законодательства. Резюмируется, что криминализация деяния, обладающего оценочными признаками, как воинского преступления, происходит в тот момент, когда правоприменитель признает конкретные последствия совершенного деяния в качестве общественно опасных, что может вступать в противоречие с принципом законности, согласно которому единственным источником уголовного закона выступает УК РФ. Решение этой проблемы видится в закреплении общественно опасных последствий в нормах уголовного закона, для транспарентности уголовно-правового регулирования и минимизации коррупциогенных факторов.

Ключевые слова: преступления против военной службы, объективная сторона преступления, последствия, вред, общественная опасность, усмотрение, справедливость, законность, здравый смысл.

Криминализация (декриминализация) деяний является следствием проводимой государством уголовно-правовой политики и выражает наличие действительной общественной потребности в существовании уголовно-правовой нормы¹. Изучение оснований криминализации и декриминализации воинских преступлений сегодня относится к одному из перспективных направлений исследований в области военно-уголовного права².

Под объектом преступления в российской уголовно-правовой доктрине традиционно понимаются охраняемые законом общественные отношения, которым в результате совершения преступления при-

чиняется вред или создается реальная угроза причинения вреда³. Указанное определение делит все составы, исходя из конструкции объективной стороны, на два вида: материальные и формальные. Помимо этого, существует еще усеченные составы, в которых момент окончания преступления перенесен на стадию приготовления или покушения, однако последний остается за рамками настоящего исследования.

Обязательным признаком объективной стороны материальных составов преступлений выступают общественно опасные последствия в виде вреда, которые наступают в результате совершения деяния и наряду с совокупностью остальных признаков, будут являться основанием уголовной ответственности. Преступления с

¹ Прокументов Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4(14). С. 81—91.

² Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А. В. Кудашкин [и др.]. Том III. М.: ООО «Центр правовых коммуникаций», 2022. С. 310.

³ Уголовное право. Общая часть. Преступление : Академический курс в 10 томах / И.А. Александрова, М.М. Бабаев, А.П. Козлов [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2016. Т. 5. С. 400—401.

формальными составами, при их совершении, не причиняют конкретный вред, а лишь создают угрозу его причинения. Таким образом, деяние признается преступным без наступления последствий, в силу самого факта его совершения.

Общественная опасность, выступая основанием криминализации (декриминализации) деяний, сама по себе обладает высоким уровнем абстракции. В многих составах преступлений она коррелирует с последствиями, которые относятся к категории оценочных. Указанное обстоятельство может означать, что правоприменитель производит криминализацию, применительно к признакам каждого совершенного деяния, признавая конкретные последствия в качестве общественно-опасных. Как отмечается, проблема законодательного закрепления и использования оценочных признаков в наши дни является весьма дискуссионной, но при этом от правильной их квалификации зависит как справедливость назначенного наказания, так и многие другие уголовно-правовые вопросы¹.

Объектом преступлений против военной службы в наиболее общем (родовом и видовом) виде выступает военная безопасность государства², а также установленный порядок прохождения военной службы. Непосредственный объект при этом обособляется через более узкие группы охраняемых интересов, которые образуют виды преступлений против военной службы.

В подавляющем большинстве составы преступлений в гл. 33 УК РФ являются материальными. Ранее в данной главе существовали формально-материальные составы, представлявшие собой деликты создания опасности, которые образовывали ч. 1 ст. 340 УК РФ и ч. 1 ст. 341 УК РФ, что существенно усложняло разграничение между уголовно наказуемыми деяни-

ями и вносило неопределенность в процесс квалификации. Данная причина легла в основу изменения этих составов на материальные, что законодатель осуществил посредством принятия Федерального закона от 18 февраля 2020 г. № 22-ФЗ³.

После масштабных изменений, внесенных Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ, доля преступлений с формальным составом в гл. 33 УК РФ существенно выросла: деяния, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время, в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, стали признаваться оконченными преступлениями без наступления последствий.

Так, признавая Ц. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2.1 ст. 332 УК РФ, суд отметил, что виновный, являясь военнослужащим, призванным на военную службу по мобилизации, в расположении войсковой части, в присутствии других военнослужащих, отказался исполнять требования приказа командира войсковой части о направлении его в служебную командировку для участия в боевых действиях в зоне проведения специальной военной операции, отданных ему в установленном порядке⁴. При этом указаний на какие-либо последствия для военной службы в приговоре не содержится.

Отсутствие последствий также послужило основанием для перекалфикации судом неисполнения приказа с ч. 2.2 ст. 332 УК РФ, на ч. 2.1 этой же статьи. В обоснование своей позиции в приговоре было указано, что стороной обвинения не доказана существенность вреда интересам службы в виде нарушения установленного порядка подчиненности, подрыва воинской дисциплины и авторитета начальников, увеличения служебной нагрузки на других военнослужащих и наличие причинной связи между неисполнением Б.

¹ Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2014.

² Зателепин О.К. Уголовно-правовая охрана военной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.

³ Чукин Д.С. Некоторые аспекты декриминализации отдельных положений статьи 341 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 5(274). С. 64—69.

⁴ Приговор Биробиджанского гарнизонного военного суда от 2 августа 2023 г. № 1-28/2023.

указанного приказа и наступлением таких общественно опасных последствий¹.

В большинстве статей гл. 33 УК РФ в качестве оценочных признаков содержится указание на тяжкие последствия. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»², которое служит ориентиром следственной и судебной практики, для каждого состава данные последствия интерпретирует по-разному. На наш взгляд, следовало бы обобщить указанный вред по группам воинских преступлений, поскольку посягательства на однородный объект предполагают и сходные последствия при таком причинении. Указывая в качестве тяжких последствий в ст. 332 УК РФ снижение боевой готовности воинской части, Постановление № 11 обходит стороной этот признак в ст. 333—335 УК РФ, хотя, по смыслу действий, образующих объективную сторону данных преступлений, подобные последствия представляются здесь весьма вероятными. Тяжкие последствия для ст. 346 и 347 УК РФ отличаются от аналогичных последствий в ст. 349 УК РФ, хотя обстоятельства совершения всех указанных деяний позволяют диагностировать вероятное единообразие вреда, причиненного в результате преступных действий.

Анализ приговоров военных судов показывает, что в качестве последствий в преступлениях против военной службы указывается вред, причиненный потерпевшему. При этом во многих случаях остается непонятным, какой конкретно вред причиняется интересам военной службы. Суды полагают, что этот вред самоочевиден вследствие нахождения статьи в гл. 33 УК РФ, что, на взгляд автора, может порождать ошибки в квалификации.

В качестве положительного примера, учитывающего воздействие деяния на воинский правопорядок, можно привести дело М., осужденного по ч. 3 ст. 335 УК

РФ, который на почве личных неприязненных отношений в солдатском общежитии применил насилие в отношении Ч., нанеся ему удар ножом в область живота, расцениваемый как тяжкий вред здоровью. Суд отметил, что при таких обстоятельствах действия М., хотя и начинались на почве личных неприязненных отношений с Ч., однако в дальнейшем переросли в нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, поскольку были совершены на территории воинской части, в непосредственной близости со спальным расположением, где отдыхали военнослужащие, во время, предназначенное распорядком дня для их ночного отдыха, в присутствии двух других военнослужащих с грубым и очевидным для М. нарушением как уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, так и внутреннего порядка в подразделении, что в совокупности свидетельствует о проявлении М. явного неуважения к воинскому коллективу³.

А в приговорах по преступлениям против порядка пребывания на военной службе, в частности, по ст. 337 УК РФ, достаточно скупо констатируются лишь сроки, на которые военнослужащий оставил воинскую часть (место службы), без указания на то, как его длительное отсутствие сказалось на боеспособности подразделения.

В ряде случаев последствия воинского преступления характеризуются применением насилия, которое не влечет причинение вреда здоровью.

Квалифицировав по ч. 1 ст. 333 УК РФ действия военнослужащего, который оказал сопротивление дневальному по роте, исполняющему возложенные на него обязанности и препятствующему виновному покинуть помещение общежития, суд в качестве последствий применения насилия в виде нанесения потерпевшему нескольких ударов кулаками по лицу, указал

¹ Приговор Владикавказского гарнизонного военного суда от 23 августа 2023 г. № 1-64/2023.

² Далее — Постановление № 11.

³ Приговор Новочеркасского гарнизонного военного суда от 29 декабря 2023 г. № 1-274/2023.

причинение последнему физической боли и нравственных страданий¹.

Д., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в период мобилизации, будучи недовольным его задержанием и доставлением в военную комендатуру, применил к должностным лицам военной полиции удушающие приемы с целью воспрепятствования их законной деятельности. В качестве последствий данного деяния, квалифицированного по ч. 3 ст. 333 УК РФ, судом были указаны причинение потерпевшим физической боли и телесного повреждения в виде ссадины на шее, которые не повлекли вреда здоровью каждому из них².

По ч. 1 ст. 334 УК РФ квалифицируются действия, связанные с применением насилия, которые повлекли различные по своему характеру последствия. Например, виновный нанес потерпевшему удары кулаком в область носа и в область нижней губы, причинив физическую боль и не вызвавшие вреда здоровью телесные повреждения в виде ушиба мягких тканей носа с кровотечением³. В другом случае, военнослужащий нанес один удар левым кулаком в область верхней губы, причинив телесное повреждение в виде ушибленной раны, вызвавшее кратковременное расстройство здоровья и повлекшее причинение легкого вреда здоровью, а также физическую боль и нравственные страдания⁴. Ключевым признаком здесь будет являться применение насилия (как опасного, так и не опасного для здоровья), который выступает криминообразующим.

В качестве последствий нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими по ч. 1. ст. 335 УК РФ военные суды указывают на унижение чести и достоинства потерпевших, причинение им физической боли и нравственных страданий, а также телесных повре-

ждений в виде кровоподтеков и гематом, не повлекших вреда здоровью⁵.

Акцент здесь, так же, как и в статьях 333-334 УК РФ, делается на применение физического насилия при непосредственном контакте. Так, по одному из уголовных дел, в обоснование отказа от обвинения, государственный обвинитель указал, что фактически в действиях С. содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 335 УК РФ, однако в силу малозначительности, в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ, не образует состав указанного преступления, поскольку потерпевший при нанесении ему двух ударов по голове физической боли не испытывал, так как С. промахнулся⁶.

Между тем, диспозиция ст. 335 УК РФ, выделяя насилие в качестве способа совершения преступления, предполагает два его вида: физическое и психическое, однако следственно-судебная практика идет по пути учета только физического насилия как основания криминализации.

Особенностью уклонения от прохождения военной службы (ст. 339 УК РФ) является то, что в отличие от самовольного оставления части (ст. 337 УК РФ) срок не является составообразующим признаком деяния, достаточно самого факта уклонения. При этом, казалось бы, что величина срока отсутствия на службе будет влиять на квалификацию, однако суды при этом учитывают и иные обстоятельства.

Так, военнослужащая, обманывая командование, под видом осуществления ухода за ребенком, в течение двух месяцев в расположение воинской части не прибывала, проводила время по своему усмотрению. Прибыв в войсковую часть, документы, подтверждающие пребывание ребенка на больничном, не представила и призналась в том, что в указанный период уклонялась от исполнения обязанностей

¹ Приговор Выборгского гарнизонного военного суда № 1-57/2023 от 28 ноября 2023 г.

² Приговор Оренбургского гарнизонного военного суда от 17 ноября 2023 г. по делу Д.

³ Приговор Выборгского гарнизонного военного суда от 5 июля 2021 г. № 1-21/2021.

⁴ Приговор Биробиджанского гарнизонного военного суда от 27 мая 2021 года по делу О.

⁵ Приговоры Волгоградского гарнизонного военного суда от 27 октября 2023 г. по делу № 1-129/2023; Нальчикского гарнизонного военного суда от 25 декабря 2023 г. по делу № 1-104/2023; Крымского гарнизонного военного суда от 17 мая 2024 г. по делу Г.

⁶ Постановление Биробиджанского гарнизонного военного суда от 16 августа 2023 года № 1-30/2023.

военной службы. Суд отметил, что виновная впервые привлекается к уголовной ответственности, обвиняется в совершении преступления небольшой тяжести, до возбуждения уголовного дела добровольно явилась с повинной в военный следственный отдел, в ходе предварительного расследования давала последовательные правдивые показания, чем способствовала раскрытию и расследованию совершенного ей преступления, иным образом загладила вред, причиненный преступлением, путем перечисления на банковский счет «Единого расчетного центра Министерства обороны Российской Федерации» полученное в период отсутствия на службе денежное довольствие, принесла публичные извинения командованию и личному составу воинской части. С учетом положительной характеристики личности виновной после совершения преступления, а также наличия троих детей, двое из которых являются участниками специальной военной операции, суд прекратил уголовное дело по ст. 28 УПК РФ в связи с деятельным раскаянием¹.

К. обратился к командованию воинской части с рапортом о предоставлении ему основного отпуска, указав о следовании к месту его проведения железнодорожным транспортом, на основании чего ему было предоставлено дополнительных 14 суток. Однако к указанному месту К. не поехал, а остался в городе, проводил время по своему усмотрению и из отпуска вышел только после того, как 13 из 14 дней отпуска истекли. Оставляя без изменения приговор суда первой инстанции, по которому К. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 339 УК РФ, суд апелляционной инстанции указал, что с учетом общественной опасности противоправных действий осужденного, посягающих на установленный порядок прохождения военной службы, не нашел оснований для прекращения уголовного дела, сделав правильный вывод о том, что перечисление осужденным денежных средств на счет социальной

службы, обсуждение вопроса о его уголовном преследовании на офицерском собрании, а также ходатайство командира войсковой части о смягчении ему наказания, принятые во внимание при назначении наказания осужденному, не свидетельствуют о полном возмещении последним причиненного преступлением вреда².

К., проходящий обучение по заочной форме в образовательной организации, по почте получил справку-вызов, которая давала право на предоставление ему учебного отпуска для прохождения промежуточной аттестации. Данную справку он приложил к рапорту, на основании чего был издан приказ, согласно которому К. предоставлен дополнительный учебный отпуск сроком на 24 суток, который он использовал в личных целях для отдыха от военной службы по собственному усмотрению. Суд отметил, что К. ранее не судим, привлекается к уголовной ответственности впервые, обвиняется в совершении преступления небольшой тяжести, в котором вину признал. Кроме того, обвиняемый возместил причиненный преступлением ущерб, вернув ФКУ «ЕРЦ МО РФ» денежные средства, принес свои извинения командованию воинской части, а также добровольно внес деньги в размере 1 050 руб. на счет фонда «Фонд «Улыбка ребенка» и прекратил уголовное дело с назначением судебного штрафа³.

В данном случае, одним из признаков положительного постпреступного поведения, нивелирующего степень общественной опасности, которое принял суд, явилось заглаживание вреда в виде перечисления денежных средств общественной организации, что свидетельствует о его высоких морально-этических личностных военнотружущего. Но при этом спорным представляется вопрос о том, как эти действия компенсировали вред, причиненный воинскому правопорядку. Кроме того, следует отметить, что судебная практика в

¹ Постановление Нижнетагильского гарнизонного военного суда от 19 июля 2023 г. по делу № 1-14/2023.

² Апелляционное постановление 1-го Западного окружного военного суда от 22 сентября 2021 г. по делу № 1-28/2021.

³ Постановление Нижнетагильского гарнизонного военного суда от 14 июля 2021 г. по делу № 1-28/2021.

этом отношении весьма противоречива. Можно встретить приговоры, в которых перечисление денежных средств благотворительному фонду учитывается лишь как как смягчающее наказание, а в других — принимается к учету при освобождении от уголовной ответственности.

Приведенные выше решения не содержат указания на то, какой вред интересам военной службы был причинен вследствие длительного отсутствия военнослужащих и, соответственно, как он компенсирован, что на взгляд автора требует корректировки, поскольку указанное обстоятельство является необходимым условием освобождения от уголовной ответственности по преступлениям против военной службы.

Помимо этого, возникает вопрос о том, каким образом правоприменитель может «взвесить» вред для оценки того, чтобы его загладить в компенсаторном порядке. Так, освобождая от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 350, суд указал, что перечисление подсудным 15 000 руб. потерпевшему, а также добровольная благотворительная помощь, оказанная благотворительному фонду в размере 5 000 руб., принесение публичных извинений личному составу и потерпевшему, по мнению суда, свидетельствуют о возмещении подсудным причиненного ущерба и заглаживании иным способом вреда, причиненного преступлением интересам военной службы и потерпевшего¹. В вышеприведенном Апелляционном постановлении 1-го Западного окружного военного суда от 22 сентября 2021 г. правоприменитель решил по-другому.

Тяжкие последствия в ст. 347 УК РФ в соответствии с Постановлением № 11 заключаются в причинении реального значительного материального ущерба, в том числе связанного с расходами на ремонт. При этом, конкретная сумма не определена и относится к усмотрению правоприменителя. Так, военнослужащий, управляя транспортной машиной УРАЛ-4320, будучи осведомленным о неисправности сцепного устройства автомобиля УРАЛ и

буксируемого артиллерийского орудия «Гаубица Д-30», в результате отсоединения буксируемого артиллерийского орудия и потери курсовой устойчивости автомобиля не справился с управлением, выехал на полосу встречного движения, где допустил столкновение с автомобилем Daewoo Prima двигавшимся во встречном направлении. В результате военному служащему, находившемуся в кузове автомобиля УРАЛ, и водителю Daewoo Prima были причинены телесные повреждения, которые квалифицируются как тяжкий вред здоровью. Также произошло по неосторожности повреждение транспортной машины УРАЛ, которая была приведена в состояние временной непригодности к использованию по назначению, восстановительный ремонт является экономически целесообразным, в связи с чем Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации причинен ущерб на сумму 1 170 600 руб., то есть по указанным признакам действия виновного повлекли тяжкие последствия, которые предусмотрены ч. 1 ст. 347 УК РФ².

На территории военного полигона Ф., находясь в состоянии алкогольного опьянения, проник в кабину автомобиля «КамАЗ-5350», запустив двигатель имеющимся у него дубликатом ключа, и начал поездку по дороге. При объезде центрального КПП полигона, не справившись с управлением, съехал в земляной ров, повредив автомобиль, чем причинил собственнику имущества — Министерства обороны Российской Федерации особо крупный ущерб, в размере 1 251 520 рублей, что было судом квалифицировано по ст. 347 УК РФ³.

Постулированный ст. 3 УК РФ принцип законности предполагает, что преступность и наказуемость деяния определяются исключительно уголовным законодательством России. Таким образом, все признаки состава преступления должны быть определены в конкретной статье

¹ Постановление Крымского гарнизонного военного суда от 17 мая 2024 г. по делу Н.

² Приговор Краснодарского гарнизонного военного суда от 5 декабря 2023 г. по делу № 1-96/2023.

³ Приговор Ростовского - на - Дону гарнизонного военного суда от 28 апреля 2016 г. по делу № 1-39/2016.

Особенной части уголовного закона с учетом положений его Общей части. Между тем, неконкретизированные в УК РФ оценочные последствия в виде вреда интересам военной службы, которые указаны в статьях гл. 33 УК РФ, начинают иметь уголовно-правовое значение после их интерпретации правоприменителем, то есть криминализация происходит в тот момент, когда осуществляется квалификация данных последствий как общественно опасных.

Принцип справедливости, в свою очередь, предполагает, что наказание и все иные уголовно-правовые меры, применяемые к виновному лицу, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности деяния. Для этого необходимо, чтобы оценка преступления происходила, опираясь на признаки, указанные в законе, а поскольку они являются оценочными, это ввергает правоприменителя в область предоставленного ему усмотрения¹. Таким образом, оценочные категории могут выступать в качестве коррупционного фактора. Также существует опасность того, что оценочные понятия будут использоваться как инструмент для правомерного злоупотребления правом².

При квалификации преступлений с оценочными признаками уместно будет обратиться к незаслуженно отодвинутой на второй план категории здравого смысла (*sensus communis*), понимаемого как совокупности форм мышления, навыков и взглядов на объективную реальность и закономерности природы, складывающихся под воздействием повседневной практики и жизненного опыта; сознания, не искаженного какими-либо предвзятыми мнениями, пережитками прошлого³. От-

рыв от здравого смысла выделяется исследователями в качестве недостатка при практике применения правовых норм⁴, отмечается, что юриспруденция сегодня незаслуженно обходит вниманием изучение и понимание данной категории⁵. Здравый смысл, и, как следствие, надлежащая квалификация деяния во многом зависит от компетенции правоприменителей, то есть от их знаний и способностей эти знания использовать, на что негативно влияет эпистемологическая безграмотность субъекта правоприменения⁶.

Итоги проведенного исследования позволяют констатировать, что общественно опасные последствия в составах преступлений против военной службы, предусмотренных гл. 33 УК РФ, являясь оценочными признаками, обладают высокой степенью неопределенности и требуют законодательной экспликации путем конкретизации указанных признаков в примечаниях к статьям уголовного закона.

Библиография

1. Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Том III. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Центр правовых коммуникаций», 2022.
2. Зателепин, О.К. Уголовно-правовая охрана военной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид.наук : 12.00.08 / Зателепин Олег Кимович. — Москва, 2013.— 57 с.
3. Попов, В.И. Теоретико-прикладные аспекты категорий "здравый смысл" и "абсурд" в праве / В.И. Попов // Современное право. — 2024. — № 1. — С. 28—40.
4. Прокументов, Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний / Л.М. Прокументов // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2014. — № 4(14). — С. 81—91.
5. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толко-

¹ Чукин Д.С. О необходимости соблюдения принципа справедливости при законотворчестве и законотолковании // Военное право. 2024. № 3(85). С. 201—208.

² Черепанова, Е.В. Оценочные понятия в УК РФ и их влияние на эффективность применения уголовного законодательства / Е.В. Черепанова // Журнал российского права. 2009. № 2(146). С. 128—134.

³ Философия : учебник для юридических вузов / В.А. Кудин, В.В. Балахонский, Б.К. Джугутанов [и др.]. — 4-е издание, переработанное и дополненное. СПб.: Санкт-Петербургский университет Ми-

нистерства внутренних дел Российской Федерации, 2010.

⁴ Нельзя отказываться от абстрактных разъяснений в условиях высокой нагрузки на судей [Интервью с М.А. Церковниковым] // Закон. 2022. № 2. С. 8—17.

⁵ Попов В.И. Теоретико-прикладные аспекты категорий "здравый смысл" и "абсурд" в праве // Современное право. 2024. № 1. С. 28—40.

⁶ Чукин, Д. С. Эпистемологические аспекты правоприменения // Государство и право. 2023. № 10. С. 161—166.

вание : научно-практическое пособие / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. — Москва: Норма, 2014.

6. Уголовное право. Общая часть. Преступление : Академический курс в 10 томах / И.А. Александрова, М.М. Бабаев, А.П. Козлов [и др.]. — Москва : Издательство "Юрлитинформ", 2016. Т. 5.

7. Философия : учебник для юридических вузов / В.А. Кудин, В.В. Балахонский, Б.К. Джугутанов [и др.]. — 4-е издание, переработанное и дополненное. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. — 591 с.

8. Черепанова, Е.В. Оценочные понятия в УК РФ и их влияние на эффективность применения

уголовного законодательства / Е.В. Черепанова // Журнал российского права. — 2009. — № 2(146). — С. 128—134.

9. Чукин, Д.С. Некоторые аспекты декриминализации отдельных положений статьи 341 Уголовного кодекса Российской Федерации / Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2020. — № 5(274). — С. 64—69.

11. Чукин, Д.С. О необходимости соблюдения принципа справедливости при законотворчестве и законотолковании / Д.С. Чукин // Военное право. — 2024. — № 3(85). — С. 201—208.

12. Чукин, Д.С. Эпистемологические аспекты правоприменения / Д.С. Чукин // Государство и право. — 2023. — № 10. — С. 161—166.

Socially dangerous consequences as a basis for criminalizing crimes against military service

© Chukin D.S.,

senior lecturer of the Department of criminal procedure and criminology of the Saratov military order of Zhukov of the red banner Institute of the national guard of the Russian Federation, Lieutenant Colonel of the justice Department

Summary. Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation is characterized by a high content of evaluation categories in the form of socially dangerous consequences, as a mandatory feature of the objective side. At the same time, the qualification of harm caused by a specific act as consequences that will be a constituent feature of a military crime falls within the competence of the law enforcement officer. The recommendations of the Supreme Court of the Russian Federation, which de jure are not a source of criminal legislation, serve as a guideline designed to ensure uniformity of investigative and judicial practice. It is summarized that the criminalization of an act as a military crime occurs at the moment when the law enforcement officer recognizes the specific consequences of the committed act as socially dangerous, which may conflict with the principle of legality, according to which the only source of criminal law is the Criminal Code of the Russian Federation. The solution to this problem is seen in the legal consolidation of the consequences in the norms of the criminal law, for transparency of criminal law regulation and minimization of corruption-causing factors.

Keywords: crimes against military service, the objective side of the crime, consequences, harm, public danger, discretion, justice, legality, common sense

Уголовный процесс и криминалистика

Технологические вызовы и возможности при сборе и анализе компьютерных доказательств

© Шестак Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор 25
кафедры (военной администрации,
административного и финансового права)
Военного университета имени князя
Александра Невского Министерства
обороны Российской Федерации
© Черных Ярослава Павловна,
Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации имени А.Я.
Сухарева

Аннотация. Статья посвящена сложному пересечению технологических проблем и возможностей в области сбора и анализа компьютерных данных на фоне растущего числа киберпреступлений. Рассматривая российскую правовую базу относительно необходимости определения понятия «электронные доказательства» в рамках законодательства, утверждая, что присущая правовой системе адаптивность исключает потребность в отдельной классификации. В работе подчеркивается необходимость создания системных правовых структур и инновационных технологических решений — от решения проблем, связанных с целостностью данных, глобальными юрисдикционными препятствиями, до использования передовых инструментов криминалистики и новых технологий, таких как машинное обучение и искусственный интеллект.

Ключевые слова: технологические проблемы, электронные доказательства, машинное обучение, искусственный интеллект.

Повсеместная интеграция информационных технологий в различные сферы жизни общества привела к наступлению эры беспрецедентной коммуникабельности и эффективности. Отметим, что параллельно наблюдается всплеск преступной деятельности, связанный с использованием этих технологий. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2023 г. (в сравнении с 2022 г.) количество преступлений в сфере информационных и телекоммуникационных технологий выросло с 522,1 до 677 тыс. При этом преобладающими киберпреступлениями стали неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ¹. Такой

рост преступности свидетельствует об острой необходимости всестороннего изучения технологических проблем и возможностей в области сбора и анализа компьютерных данных.

Вместе с тем, в сфере судопроизводства в Российской Федерации отсутствие конкретного законодательного определения термина «электронные доказательства» стало заметным пробелом. Существующая законодательная база, в частности Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), не позволяет дать характеристику этой развивающейся категории доказательственных материалов. Такой пробел вызвал споры среди ученых-юристов о необходимости и последствиях закрепления понятия «электронные доказательства» в законодатель-

¹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации Статистика совершенных преступлений в информационной и телекоммуни-

кационной сферах // URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 07.03.2024).

ном аппарате. Так, норма, предусмотренная ст. 74 УПК РФ, признает допустимым доказательством по уголовному делу любую информацию, если она подтверждает наличие или отсутствие соответствующих обстоятельств, подлежащих доказыванию. Охватывающий характер этого положения, очевидно, позволяет включить электронные доказательства в более широкий спектр допустимой информации. Однако законодатель воздерживается от четкого выделения электронных доказательств в отдельную категорию¹.

Отметим, что в современной юридической науке прослеживается дискуссионный вопрос относительно необходимости введения в УПК РФ конкретного определения понятия «электронные доказательства». Сторонники закрепления утверждают, что отсутствие определенной классификации приводит к теоретическим и практическим спорам, порождая неоднозначность правовых толкований². Согласно этой точке зрения, зарождающаяся природа электронных доказательств требует официального признания в рамках правового поля для уменьшения неопределенности, возникающей как в теоретических дискуссиях, так и при практическом применении. Напротив, противоположная позиция, которой придерживаются и авторы, утверждает, что отсутствие строгого определения понятия «электронные доказательства» в УПК РФ не имеет значения³.

В то же время существующие доктринальные принципы, основанные на прерогативе судьи оценивать информацию по своему внутреннему убеждению,

независимо от ее формы или носителя, полностью применимы к электронным доказательствам, что подтверждает сохранение устоявшейся правовой парадигмы в сфере уголовного судопроизводства, основанной на свободной оценке доказательств, применимых как к традиционным, так и к электронным доказательствам. Придерживаясь принципа, согласно которому оценка судьи не зависит от формы представленных доказательств, правовая система косвенно учитывает электронные доказательства, не требуя их отдельной классификации. Подчеркивается присущая правовой системе способность адаптироваться к меняющимся формам доказательств, признавая, что информация, хранящаяся в электронной форме, может проявляться в традиционных формах доказательств, таких как вещественные доказательства или документированные записи.

Вместе с тем неотъемлемая угроза кибератак представляет собой серьезное препятствие для сбора компьютерных доказательств, следовательно, определяет необходимость создания устойчивых систем кибербезопасности и повышения эффективности их работы. Злоумышленники используют уязвимости в сетевых инфраструктурах и хранилищах данных, чтобы скрыть уличающие доказательства или совершить утечку данных, тем самым препятствуя усилиям правоохранительных органов по сбору доказательной базы. Существует и технологическая проблема сбора компьютерных доказательств, которая связана с обеспечением целостности и сохранности данных на протяжении всего процесса расследования. Динамичная природа цифровой информации делает ее подверженной изменению, порче или непреднамеренному удалению. Поэтому перед правоприменителем стоит сложная задача обеспечить сохранность цифровых доказательств от фальсификации или несанкционированных манипуляций. Более того, распространение сложных методов стирания данных и шифрования усугубляет проблему сохранения полноты доказательств, что требует применения надежных протоколов и криминалистических

¹ Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12, № 5. С. 199—203.

² Меркулова М.С., Калентьева Т.А. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы допустимости // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-3(68). С. 139—143.

³ Поддубняк А.А., Алиева А.А. Специфика доказательственного значения отдельных видов электронных носителей информации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2020. Т. 4 (70). № 4. С. 207—214.

методик для снижения рисков компрометации данных¹.

Отметим, что распространение различных цифровых систем хранения и поиска информации усложняет процесс сбора компьютерных доказательств, требуя тонкого понимания гетерогенных архитектур хранения данных и файловых систем. Разнородный набор носителей информации (от традиционных жестких дисков до облачных хранилищ) создает логистические проблемы при доступе к электронным доказательствам и их извлечении. Кроме того, тонкости файловых систем и структур данных создают препятствия для криминалистического анализа, требуя специальных знаний и криминалистических инструментов, позволяющих ориентироваться в «хитросплетениях» цифровых систем хранения. Подтверждение подлинности и допустимости компьютерных доказательств сопряжено со значительными технологическими трудностями, требующими применения строгих методик проверки и стандартов доказывания для установления подлинности и доказательной силы цифровых доказательств. Отсутствие стандартизированных протоколов аутентификации и подверженность цифровых доказательств фальсификации или манипуляциям отмечают важность применения надежных методов судебной экспертизы и процедур доказывания для обеспечения целостности и надежности компьютерных доказательств².

Появление глобализованных информационных сетей основывает юрисдикционные проблемы и трансграничные сложности при получении доступа к компьютерным доказательствам и их сборе. Экстерриториальный характер преступлений, цифровые доказательства которых распространены транснационально, требует

обдуманного подхода, включающего в себя согласование международных правовых рамок и механизмов сотрудничества, что позволит обеспечить свободный доступ к данным и обмен информацией между различными юрисдикциями. Однако, существующие различия в правовых стандартах и неопределенность юрисдикционных областей затрудняют оперативное собирание и признание допустимыми компьютерных доказательств. Такие проблемы подчеркивают значимость разработки совместных инициатив и взаимных правовых соглашений для преодоления заложенных в этой сфере юрисдикционных проблем. А противодействие использованию средств шифрования в преступных целях включает в себя анализ научных публикаций и нормативно-правовых источников для определения современных подходов в области криптографии и криптоанализа.

Другим подходом может послужить регулирование ввоза и оборота криптографических средств, достигаемых путем применения соответствующих нормативных актов, а также правовое урегулирование основных положений исследования цифровых носителей информации в криминалистике для раскрытия преступлений, связанных с шифрованием³.

Эффективными способами могут быть также разработка и использование специализированных методик и технологий для обнаружения и дешифрации закодированной информации, а также внедрение мер по контролю за использованием средств шифрования в различных областях деятельности. Эти подходы помогут

¹ Неупокоева И.А. Осмотр зашифрованных файлов. Тактические особенности и криминалистические рекомендации // Закон и право. 2020. № 8. С. 142—144.

² Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 8(129). С. 118—128.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 28 августа 2023 г. № 1403 «О внесении изменений в приложение к Положению о лицензировании деятельности по разработке, производству, распространению шифровальных средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием шифровальных средств, выполнению работ, оказанию услуг в области шифрования информации, техническому обслуживанию шифровальных средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием шифровальных средств и признанию утратившими силу отдельных положений актов Правительства Российской Федерации».

предотвратить злоупотребления в использовании шифрования для преступных целей, а также обеспечить безопасность в области криминалистики и информационной безопасности¹. Мы согласны с позицией С.В. Ермакова в том, что если рассматривать криминалистическую деятельность как определенную технологию, то можно искать пути ее «цифровизации»². В этой связи, возможно, интерес будет представлять и форензик-экспертиза, которая в современных условиях занимается выявлением и снижением рисков незаконных действий в организациях в сферах консалтинга и аудита. Форензик-экспертиза имеет ряд основных целей, среди которых: выявление и расследование схем незаконного вывода активов; раскрытие конфликтов интересов и нарушений антикоррупционных норм и принципов; сбор фактов и доказательств противоправных действий и. т. п.

Форензик-экспертиза ориентирована на выявление случаев мошенничества и сбор доказательств их существования. Важность форензик-экспертизы для бизнеса проявляется в выявлении фактов мошенничества и защите интересов компаний. Эксперты в области форензик-экспертизы используют различные методы для расследования случаев мошенничества в компаниях, что способствует обеспечению защиты бизнеса и его участников. С помощью форензик-экспертизы компании укрепляют свои системы контроля, выявляют уязвимые места и определяют потенциальные риски. Рекомендации, разработанные на основе результатов экспертизы, направлены на усиление систем контроля и обучение персонала. После внедрения рекомендаций эксперты следят за эффективностью новых систем контроля и выявляют возможные новые

угрозы и проблемы. Таким образом, форензик-экспертиза способствует более надежной защите компаний от рисков и противоправных действий³.

Осуществление сетевой криминалистики через применение разработанных технологий способствует не только аккумуляции данных, но также глубокому исследованию цифровых следов, раскрывая новые возможности для сбора компьютерных доказательств. Мониторинг и анализ сетевого трафика облегчают интерпретацию коммуникационных схем, выявление потенциальных нарушений безопасности и перехват цифровых доказательств. Облачная криминалистика, интегрированная в современные информационные экосистемы, с учетом повсеместного использования облачных вычислений, обеспечивает процесс извлечения и анализа цифровых доказательств, хранящихся в облачных услугах. Инструменты анализа пакетов, такие как Wireshark, играют существенную роль, внося свой вклад в перехват и изучение сетевого трафика для облегчения обнаружения аномалий и доказательственных артефактов. После внедрения вышеуказанных систем наблюдение за их работой происходит на постоянной основе, что позволяет выявлять потенциальные угрозы и проблемы, в результате чего элементы форензической экспертизы способствуют повышению защиты организаций от рисков и противоправного вторжения. Облачные криминалистические инструменты, такие как Magnet AXIOM и Oxygen Forensic Detective, находят применение среди практикующих криминалистов, позволяя им доступ, извлечение и анализ данных, хранящихся в удаленных местах⁴. В рамках этого контекста, деятельность следователей расширяется за пределы традиционных физических носителей информации

¹ Рудых А.А. Криптография и криминалистика: современные проблемы и возможные пути решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 203—212.

² Роль компьютерной криминалистики в расследовании и раскрытии «цифровых» преступлений. [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/legal/597713-rol-kompyuternoy-kriminalistiki-v-rassledovanii-i-raskrytii-cifrovyyh-prestupleniy> (дата обращения: 18.03.2024).

³ Суйц В.П., Анушевский И.И. Форензик-экспертиза: сущность и основные методы организации финансовых расследований в компаниях // Вестник Московского университета. 2019. № 3. С. 111—127.

⁴ Ваценко А.А. Обзор техник компьютерной криминалистики // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6, № 6. С. 167—174.

и охватывает сбор доказательств с использованием облачных платформ и сервисов.

В процессе уголовного расследования специалисты внедряют активные методы для идентификации и сохранения материалов и документов, а также исследуют объект через применение технических средств. На месте происшествия специалисты используют специализированное оборудование, включая мобильную лабораторию "RM3", призванную собирать и анализировать информацию в условиях удаленной работы: комплект технических средств для копирования данных - ImageMASSter Solo-3 Forensic Kit, а также UFED 4PC, комплекс криминалистических исследований, позволяющих извлекать, декодировать и анализировать цифровые данные, полученные либо из мобильных устройств, либо из персональных компьютеров¹.

Наряду с этим, при осуществлении осмотра места происшествия специалист предоставляет значительную поддержку следователю, описывая следы в протоколе, обеспечивая корректное изъятие устройств, указывая на специфику хранения изъятых объектов и осуществляя поиск следов преступления. Учитывая особенности осмотра изъятых предметов, в соответствии с нормой, предусмотренной ч. 3 ст. 177 УПК РФ, осмотр должен выполняться специалистом в его кабинете с использованием специализированных компьютерных программ. Среди богатого ассортимента таких программ можно упомянуть: X1 Social Discovery², предназначенную для поиска и сбора данных из социальных сетей и Web ресурсов, например, из Facebook, Twitter, Instagram, YouTube, Gmail; NetAnalysis³ — програм-

ма для восстановления и анализа артефактов интернет-браузера; Network E-mail Examiner⁴ — программный продукт, предназначенный для анализа архивов электронной почты в корпоративной сети.

Внедрение машинного обучения (МО) и искусственного интеллекта (ИИ) значительно расширило возможности сбора и анализа компьютерных доказательств. Алгоритмы МО позволяют выявлять закономерности, аномалии и корреляции в огромных массивах данных, ускоряя поиск нужных цифровых доказательств. Так, используя IBM Watson⁵ посредством функций машинного обучения и обработки естественного языка, данное ПО способно анализировать большие объемы данных, включая тексты и аудиозаписи, для выявления закономерностей и аномалий. Кроме того, Google Natural Language API⁶ является инструментом, использующим машинное обучение для распознавания языка и анализа тональности и сентиментов. Он можно использовать для анализа социальных медиа, статей, текстов и других источников данных.

Инструменты на базе ИИ, такие как когнитивные вычислительные системы, обеспечивают контекстуальное понимание и семантический анализ, расширяя интерпретационные возможности следователей. К примеру, системы обработки естественного языка (NLP) — это системы, понимающие человеческий язык и его нюансы, а также способные анализировать его для получения ценной информации. Анализаторы текста могут анализировать большие объемы текста и извлекать из него полезную информацию. Искусственный интел-

¹ Андропова О.И., Голубев Г.А. Компьютерная криминалистика: современное состояние и перспективы // Электронный ресурс. URL: https://www.procuror.spb.ru/ik2019_2/t001.pdf (дата обращения: 18.03.2024).

² Digital shield: X1 Social discovery. Режим доступа: URL: <https://digitalshield.net/products/x1-social-discovery> (дата обращения: 24.10.2024).

³ Digital-detective: Расширенная криминалистика веб-браузера. Режим доступа: URL: <https://www.digital-detective.net/digital-forensic->

[software/netanalysis-web-browser-forensics/](https://www.digital-detective.net/digital-forensic-software/netanalysis-web-browser-forensics/) (дата обращения: 24.10.2024).

⁴ Digital Land: Network Email Examiner. Режим доступа: URL: <https://verity.com.sg/home/products/forensic-tools/forensic-software/network-email-examiner/> (дата обращения: 24.10.2024).

⁵ IBM WATSON: IBM WATSON to watsonx. Режим доступа: URL: <https://www.ibm.com/watson> (дата обращения: 24.10.2024).

⁶ Cloud Natural Language documentations: Natural Language AI. Режим доступа: URL: <https://cloud.google.com/natural-language> (дата обращения: 24.10.2024).

лект, согласно действующему российскому законодательству, представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека¹. В свою очередь, синтез МО и ИИ в цифровой криминалистике дает правоприменителям мощные инструменты для предиктивного анализа, автоматического обнаружения аномалий и ускоренного принятия решений в контексте сбора доказательств. Использование технологий виртуальной реальности и искусственного интеллекта также позволяет совершенствовать криминалистическую деятельность, включая осмотр места происшествия и допросы подозреваемых.

Таким образом, многогранный технологический процесс предопределяет определенные сложности, в частности, при сборе и анализе компьютерных доказательств. Рассмотренные угрозы подчеркивают важность и необходимость создания целостной правовой базы для повышенной эффективности сбора цифровых доказательств. Проведенный анализ позволяет делать выводы о перечне задач, которые можно решить с использованием современных криминалистических технологий. Так, во-первых, в отношении носителей информации могут быть предусмотрены упрощенные процедуры для процесса чтения и вывода на печать данных с устройств хранения информации; восстановления информации на устройствах хранения, которые были удалены или изменены; расшифровки зашифрованных данных. Во-вторых, в отношении компьютерных систем криминалистические технологии позволяют устранить трудности в определении даты и времени, когда данные были записаны на устройство хране-

ния и возможных манипуляций с ними (изменение, удаление, копирование и т.д.), исследовании мест преступления для выявления программно-аппаратных средств, предназначенных для несанкционированного доступа к данным на компьютерах (включая модификацию, блокировку и уничтожение информации), а также раскрытие способов и каналов возможной утечки защищаемых данных; определении технических характеристик оборудования, состояния и возможностей его изменения. В-третьих, в отношении лиц, взламывающих компьютерные системы возможно выявление авторства информации, средств и методов ее подготовки на машинах (включая файлы документов, вредоносные программы и другие); определение профессиональной компетентности лиц, занимающихся вопросами компьютерных технологий, включая технические средства и программное обеспечение.

Библиография

1. Ваценко, А.А. Обзор техник компьютерной криминалистики / А.А. Ваценко // Бюллетень науки и практики. — 2020. — Т. 6, № 6. — С. 167—174.
2. Воронин, М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств / М.И. Воронин // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16, № 8(129). — С. 118—128.
3. Меркулова, М.С. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы допустимости / М.С. Меркулова, Т.А. Калентьева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 5-3(68). — С. 139—143.
4. Неупокоева, И.А. Осмотр зашифрованных файлов. Тактические особенности и криминалистические рекомендации / И.А. Неупокоева // Закон и право. — 2020. — № 8. — С. 142—144.
5. Поддубняк, А.А. Специфика доказательственного значения отдельных видов электронных носителей информации / А.А. Поддубняк, А.А. Алиева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. — 2020. — Т. 4 (70). № 4. — С. 207—214.
6. Рудых А.А. Криптография и криминалистика: современные проблемы и возможные пути решения / А.А. Рудых // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 2 (89). — С. 203—212.
7. Суйц В.П. Форензик-экспертиза: сущность и основные методы организации финансовых расследований в компаниях / В.П. Суйц, И.И. Анушевский // Вестник Московского университета. — 2019. — № 3. — С. 111—127.

¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

8. Чернышов, В.Н. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств /В.Н. Чернышев, Е.С. Лоскутова // Социально-

экономические явления и процессы. — 2017. — Т. 12, № 5. — С. 199—203.

Technological challenges and opportunities in the collection and analysis of computer evidence

© Shestak V.A.,

Professor of the 25th Department (Military Administration, administrative and financial law) of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Juridical Science

© Chernykh Ya.P.,

A.Ya. Sukharev Moscow Academy of The Investigative Committee of the Russian Federation

Abstract. The article discusses the complex intersection between technological challenges and opportunities in the field of computer data collection and analysis, against the backdrop of an increasing number of cybercrime incidents. It considers the Russian legal framework and the need to define the concept of @electronic evidence@ within legislation, arguing that the flexibility inherent in the legal system eliminates the need for separate classification. The work emphasizes the importance of creating systemic legal structures and innovative technological solutions, addressing issues related to data integrity and global jurisdictional challenges, as well as utilizing advanced forensic tools such as machine learning and artificial intelligence.

Keywords: technological problems, electronic evidence, machine learning, artificial intelligence.

Зарубежное военное законодательство. Военные проблемы международного права

Правовая модель гуманитарного бартера на Государственной границе и приграничных территориях Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции

© Боброва Ольга Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий 20 кафедрой (военного права)
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Минобороны
России

Аннотация. В статье представлена правовая модель гуманитарного бартера как новой формы гуманитарного содействия, апробированной в условиях специальной военной операции на сопредельных с приграничными субъектами России территории Украины во исполнение норм международного гуманитарного права. Сформулированы предложения о совершенствовании международно-правового регулирования оказания гуманитарного содействия органами военного управления как элемента коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности в условиях вооруженного конфликта и в постконфликтный период.

Ключевые слова: Вооруженные Силы; гуманитарное содействие; коллективная безопасность; Государственная граница Российской Федерации; военная безопасность; пограничная безопасность; специальная военная операция.

Правоприменительная практика органов военного управления в условиях вооруженных конфликтов в Сирийской Арабской Республике, Нагорном Карабахе, специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины (СВО) свидетельствует, что на органы военного управления на освобожденных территориях возложена обязанность по неукоснительному соблюдению норм международного гуманитарного права в отношении гражданского населения, в том числе оказание гуманитарного содействия. Правовое регулирование исследуемой сферы носит коллизионный и лакунарный характер, что обуславливает актуальность вопроса о совершенствовании правового регулирования оказания гуманитарного содействия в условиях СВО для Вооруженных Сил Российской Федерации и науки военного права.

Ведущие представители российской военно-правовой доктрины рассматривают

различные аспекты оказания гуманитарного содействия в условиях современных вооруженных конфликтов. Особое место занимают труды профессоров В.М. Корякина¹, М.А. Рыльской², И.В. Холикова³.

Правовым основанием гуманитарного содействия на освобожденных в ходе СВО территориях выступают нормы IV Женевской конвенции «О защите гражданского

¹ Корякин В.М. Военное право : Учебник / 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Новая юстиция», 2024; Корякин В.М. Правовые проблемы оказания гуманитарной помощи участникам специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 10. С. 18—27.

² Рыльская М.А., Малышева Т.А. Гуманитарная деятельность: новые аспекты нормативного закрепления // Advances in Law Studies. 2016. Т. 4, № 4. С.44—51.

³ Холиков И.В., Кабалина Д.А. Особенности установления правовой охраны эмблемам гуманности: международный и национальный опыт // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2021. № 4(38). С. 124—129.

населения во время войны» от 12 августа 1949 г.: обязанность воюющих сторон по обеспечению сохранности и неприкосновенности имущества гражданского населения (ст. 33, 53); оказания ему медицинской помощи (ст. 38), оказание гуманитарной помощи (ст. 11, 59).

Как показывает опыт СВО, реализация норм МГП на освобождённых территориях сопряжена с правовой неопределённостью, порожденной отсутствием оснований для такой деятельности: запроса государства-стороны вооруженного конфликта на гуманитарное содействие и (или) двустороннего или многостороннего регионального международного договора. Следовательно, экстраполяция успешной правоприменительной практики Вооруженных Сил Российской Федерации в САР и Нагорном Карабахе на СВО не совсем правомерна.

Следует отметить, что правовая сущность гуманитарного содействия на освобожденных территориях должна быть направлена не только на передачу гуманитарной помощи (в части безвозмездной передачи товаров первой необходимости), но и на скорейшее возвращение к мирной жизни и возобновление экономической деятельности, а также на поддержание режима законности и правопорядка в целях превенции исходящих оттуда угроз безопасности военного и террористического характера.

Указанные цели, как показал опыт СВО, могут быть достигнуты за счет применения разработанной автором правовой модели гуманитарного бартера. Историко-правовыми предпосылками предлагаемой модели выступает Федеральный закон от 7 сентября 1995 г. № 155-ФЗ «О мерах по оказанию гуманитарной помощи Союзной Республике Югославии в связи с массовым нарушением прав человека и сербского народа в Республике Хорватии». Им были заложены правовые основы для оказания гуманитарной помощи Союзной Республике Югославии (СРЮ) в связи с массовым нарушением прав человека и сербского народа в Республике Хорватии в условиях действия санкций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в отношении СРЮ. Кроме того, в 2021 г. был

принят Указ Президента Российской Федерации от 15 ноября 2021 г. № 657 «Об оказании гуманитарной поддержки населению отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины». В преамбуле указана цель оказания содействия — защита прав и свобод человека и гражданина, оказания гуманитарной поддержки населению отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины и недопущение дальнейшего снижения уровня жизни в условиях продолжающейся экономической блокады и ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Юридическими фактами, предопределяющими необходимость кризисного гуманитарного реагирования во исполнение и соблюдение норм МГП, является наличие кризисной гуманитарной ситуации, т.е. обстановки, сложившейся на определенной территории в результате вооруженных конфликтов или другого серьезного бедствия или кризиса, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей природной среде, значительные материальные потери и другие последствия, ущемляющие права человека на мирную и достойную жизнь, и при которых необходимо оказание международной помощи¹.

Так, с 2014 г. на территории Донецкой и Луганской Народных Республик возникла кризисная гуманитарная ситуация в связи с нелегитимной экономической и военной блокадой со стороны военнополитического руководства Украины, пришедшего к власти в результате антиконституционного переворота. Украинское государство населению ЛНР и ДНР гуманитарного содействия не только не оказывало само, но и препятствовало оказанию международной гуманитарной помощи², тем самым совершая геноцид населения ука-

¹ Рекомендательный глоссарий терминов и определений государств-членов ОДКБ в сфере обеспечения национальной и международной безопасности. Приложение к постановлению Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности № 16-6.3 от 19 декабря 2023 г.

² История вхождения новых регионов в состав России. <https://tass.ru/info/18875697> (дата обращения: 05.09.2024 г.)

занных территорий¹. Таким образом, Вооружённые Силы России после освобождения территории ЛНР и ДНР в 2022 г. до вхождения их в состав России были единственными субъектами, оказывающими гуманитарное содействие населению, которое 8 лет жило в условиях внутреннего вооруженного конфликта.

Гуманитарное содействие на освобождённых территориях в условиях современных гибридных вооруженных конфликтов имеет следующие особенности, которые влияют на совершенствование правового регулирования его оказания Вооружёнными Силами:

— использование противником гражданского населения как живого щита, хищение и контрабанда гуманитарной помощи в иностранные государства, коррупционные проявления;

— использование противником некоммерческих организаций, которые призваны оказывать гуманитарную помощь, в целях проведения информационно-психологических операций против Вооружённых Сил, населения нашей страны и иностранных государств;

— невозможность оказания гуманитарной помощи МЧС России на освобождённых территориях иностранного государства в связи с отсутствием международного мандата, основанного на запросе от иностранного государства в соответствии с международным договором;

— необходимость обеспечения законности и правопорядка на освобождённых территориях, в том числе в части обеспечения сохранности имущества гражданского населения, превенции мародёрства;

— необходимость обеспечения законности и безопасности трансграничного перемещения гуманитарных грузов — обеспечение Вооружёнными Силами безопасности передвижения гуманитарного конвоя по территории, на которой велись или ве-

дуться специальные боевые действия. Кроме того, в условиях боевых действий при фрагментарном таможенном и пограничном контроле именно Вооружённые Силы могут выступать гарантом законности перемещения товаров в рамках гуманитарного содействия.

Указанные факторы предопределили необходимость поиска новых правовых моделей оказания гуманитарного содействия в условиях СВО и современных вооруженных конфликтов на освобождённых территориях, не вошедших в состав Российской Федерации, не находящихся под юрисдикцией Украины. Была разработана и апробирована правовая модель *гуманитарного бартера*², под которым предлагаем понимать отличную от гуманитарной помощи и благотворительной деятельности форму гуманитарного содействия, оказываемую населению, пострадавшему от вооруженного конфликта для восстановления условий жизнедеятельности на приграничных территориях, на которых ведутся (велись) боевые действия, предусматривающая мену как вид внешнеторговой сделки. К объектам гуманитарного бартера относятся товары гуманитарного назначения, включая товары медицинского назначения и продукты питания, сырьё и оборудование для их изготовления, топливо, товары сельскохозяйственного назначения, строительное оборудование и строительные материалы.

С теоретической точки зрения, родовым понятием для гуманитарного бартера служит гуманитарное содействие, которое включает видовое понятие — гуманитарная помощь. Таким образом, в родовом понятии «гуманитарное содействие» можно выделить два видовых: гуманитарная помощь и гуманитарный обмен.

Предлагаемая для названия исследуемых правоотношений формулировка «гу-

¹ По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2022 г. № 37-П.

² Казанцев А.В., Боброва О.Г. Особенности взаимодействия органов военного управления с органами местного самоуправления на освобождённых в ходе специальной военной операции территориях: положения доктрины Военного права // Сборник материалов научно-практической конференции «Военная наука — наука побеждать» (выступления, тезисы, статьи). М.: ВУ, 2023. С. 62—70.

манитарный бартер» обусловлена следующими подходами:

— «гуманитарный» означает «обращенный к человеческой личности, к правам и интересам человека»¹, ассоциируется с такими понятиями, как «человечность, благотворительность, человеколюбие», адресованное мирному населению, т.е. совокупности людей, которые не принимают непосредственного участия в вооруженном конфликте, но испытывают страдания от его возникновения или последствий, либо привычная жизнь и привычный быт которых серьезно разрушены, а их жизнедеятельности угрожает опасность². Употребление прилагательного «гуманитарный» предполагает достижения первоочередных мер по реализации прав гражданского населения, а не получение прибыли в соответствии с принципами правового регулирования трансграничного перемещения гуманитарной помощи;

— «бартер» означает товарообменную сделку, натуральный обмен³, подразумевает мену, подчеркивает правовую сущность проводимых операций на взаимовыгодной основе в условиях вооруженного конфликта и постконфликтного урегулирования, когда ординарная экономическая деятельность между юридическими лицами невозможна. Она возможна только при посредничестве российских органов военного управления. При этом для правильного номинирования правовой природы исследуемого понятия целесообразно использовать термин «бартер», поскольку термин «обмен» в гуманитарной сфере применим к вопросам науки, культуры, спорта и подразумевает взаимные визиты, обучение, участие в культурных, спортивных, образовательных мероприятиях физических лиц из

разных стран⁴, в то время, как исследуемой формой гуманитарного реагирования предусмотрен бартер товарами и услугами.

Для регулирования отношений сторон применяется аналогия закона. Предусмотренный ст. 6, 567 ГК РФ возмездный по своему характеру договор мены служит безвозмездным гуманитарным целям (возмездная правовая форма договора для опосредования безвозмездного движения товаров). Такую правовую контрверзу можно объяснить посредством соотношения публично-правового и частно-правового начал в складывающихся правоотношениях:

1) публично-правовое начало заключается в достижении целей гуманитарного содействия:

— обеспечении реализации прав гражданского населения, установленных нормами МГП, на освобожденных территориях;

— минимизация угроз для Вооруженных Сил, военно-гражданской администрации, местного населения, населения приграничных регионов Российской Федерации;

2) частно-правовое начало заключается в возобновлении предпринимательской деятельности в условиях, отклоняющихся от нормальных (специальный правовой режим, обусловленный наличием вооруженного конфликта).

Баланс публичных и частных интересов достигается за счет того, что трансграничное перемещение товаров в условиях вооруженного конфликта возможно только при обеспечении перемещения со стороны

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. — 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.

² Рекомендации по оказанию коллективного гуманитарного содействия в порядке реагирования на возникающие кризисные ситуации на территории государств-членов ОДКБ. Утв. Постановлением Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности от 5 ноября 2019 г. № 12-5.2

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч.

⁴ См., например, п. 75 «Углубление гуманитарных обменов», п. 84, 85 Йоханнесбургской декларации-П. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности (Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 г.); п.14 Указа Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»; Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия (Шанхай, 20 мая 2014 г.); п.4 Декларации о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Сербией (Сочи, 24 мая 2013 г.).

российского военного командования. При этом цель предпринимательской деятельности не столько извлечение прибыли, сколько обеспечение товарами народного потребления, особенно продуктами питания (хлеб, мука, крупы, масла) населения на освобожденных территориях. Субъектом, обеспечивающим законность и баланс интересов, выступает орган военного управления — гарант и посредник.

Практика гуманитарного бартера подразделений Вооружённых Сил Российской Федерации показала свою эффективность и может быть экстраполирована на дальнейшие этапы СВО на освобожденные территории, которые находятся под контролем Вооружённых Сил и на которых предлагается создать зоны безопасности со специальным правовым режимом военной безопасности.

Особенность предлагаемой модели гуманитарного бартера состоит также в том, что она может быть рассмотрена как элемент коллективной безопасности в Организации Договора о коллективной безопасности, а в перспективе и в других военно-политических объединениях. Предпосылками для такого утверждения служат следующие организационно-правовые подходы.

Возникновение кризисной ситуации (т.е. нарастающего обострения социально-политической обстановки) на территории одного или нескольких государств-членов ОДКБ представляет угрозу национальной и коллективной безопасности, т.е. независимости, стабильности, территориальной целостности, суверенитету, обороноспособности и защите от угроз каждому из государств-членов ОДКБ на основе координации и осуществления совместной деятельности. При отсутствии необходимой помощи государств-членов ОДКБ кризисная ситуация может привести к неспособности государства-члена ОДКБ выполнять свои функции и/или дестабилизации региона коллективной безопасности.

Кризисные гуманитарные ситуации в отдельных регионах, расположенных в непосредственной близости от границ государств-членов ОДКБ, актуализируют следующие внешние вызовы и угрозы коллек-

тивной безопасности ОДКБ (п. 3.1. Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года¹):

— повышают вероятность вторжения или проникновения на территорию государств-членов ОДКБ вооруженных бандформирований и боевиков международных террористических и экстремистских организаций;

— порождают увеличение потоков незаконной миграции на/через территории государств-членов ОДКБ из третьих стран.

Достижение стратегической цели обеспечения коллективной безопасности ОДКБ осуществляется путем разработки и системной реализации комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, оборонных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угроз коллективной безопасности ОДКБ. Среди них в п. 6.2 указано оказание гуманитарной помощи, при необходимости — создание центров гуманитарного реагирования ОДКБ.

Основы коллективного гуманитарного содействия заложены в следующих документах:

1. Положение о порядке реагирования на кризисные ситуации ОДКБ², которое регламентирует алгоритм работы, проведение экстренных консультаций, принятие решений для предотвращения кризисных ситуаций путем политико-дипломатических мер, применения коллективных сил, оказания гуманитарной, материально-технической и иной помощи;

2. Рекомендации по оказанию коллективного гуманитарного содействия в порядке реагирования на возникающие кризисные ситуации на территории государств-членов ОДКБ³, которыми установлены концептуальные основы оказания гуманитарного содействия как инструмента для преодоления последствий кризисной

¹ Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года <https://www.jscsto.org/documents/>

² Решение Секретариата ОДКБ от 27 декабря 2010 г. № A1-1582

³ Утв. Постановлением Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности от 5 ноября 2019 г. № 12-5.2.

ситуации, в том числе вооруженного конфликта.

3. Рекомендательный глоссарий терминов и определений государств-членов ОДКБ в сфере обеспечения национальной и международной безопасности¹.

Указанные документы служат правовой основой функционирования системы реагирования на возникновение кризисных ситуаций в зоне ответственности ОДКБ — коллективные действия политического, экономического, военно-политического и иного характера, осуществляемые в соответствии с принятыми соглашениями, нацеленные на разрешение международных споров и урегулирование внутренних социально-политических конфликтов преимущественно мирными способами для устранения угрозы региональной безопасности.

В соответствии со ст.4 Соглашения о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности, силы и средства системы коллективной безопасности предназначены для участия:

— в выполнении мероприятий по защите населения от опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий, в ликвидации чрезвычайных ситуаций и оказании чрезвычайной гуманитарной помощи;

— в усилении охраны государственных границ, а также государственных и военных объектов Сторон;

— в миротворческих операциях.

В ст. 1 Соглашения о миротворческой деятельности ОДКБ² закреплено понятие «операция ОДКБ по поддержанию мира» (далее — миротворческая операция), под которой понимают совокупность взаимосвязанных по целям, задачам, месту и времени действий беспристрастного военного, милицейского (полицейского) и гражданского персонала, предпринимаемых для

стабилизации обстановки в районах потенциальных или существующих конфликтов, осуществляемых в соответствии с мандатом на проведение миротворческих операций и направленных на создание условий, способствующих разрешению конфликта, и поддержание или восстановление мира и безопасности. Как будет показано далее, гуманитарный бартер является правовым механизмом, позволяющим создать такие условия, способствующие долгосрочному разрешению конфликта и поддержанию мира.

Согласно нормативным правовым актам ОДКБ, основаниями для гуманитарного вмешательства в порядке реагирования на кризисные ситуации являются:

1) пресечение экстремисткой и террористической деятельности, принимающей угрожающий для конституционного строя страны, в соответствии со ст. 3 Дополнительного протокола II 1949 г., позволяющий всеми законными средствами поддерживать правопорядок, национальное единство и территориальную целостность;

2) ситуации, связанные с насилием внутри государства, требующие объективной оценки и правовой квалификации (враждебные намерения), в соответствии с общей ст. 3 Венских конвенций 1949 г.;

3) проведение миротворческих операций ОДКБ как региональной организации, полномочия которой признаны ООН, должны соответствовать положениям главы VIII Устава ООН.

Таким образом, применение и соблюдение норм Международного гуманитарного права (МГП) является неременным условием системы оказания коллективного гуманитарного содействия как личным составом коллективных сил ОДКБ, так и другими участниками данного процесса. Указанные положения регламентированы ст. 1, общей для Женевских конвенций 1949 года.

Под коллективным гуманитарным содействием в правовой доктрине ОДКБ³

¹ Рекомендательный глоссарий терминов и определений государств-членов ОДКБ в сфере обеспечения национальной и международной безопасности. Приложение к постановлению Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности от 19 декабря 2023 г. № 16-6.3.

² Соглашение о миротворческой деятельности ОДКБ. <https://www.jscsto.org/documents/>

³ Рекомендательный глоссарий терминов и определений государств-членов ОДКБ в сфере обеспечения национальной и международной безопасности. Приложение к постановлению Парламентской Ассамблеи

понимают комплекс согласованных мероприятий гуманитарного, экономического и военного характера, осуществляемые при возникновении кризисной ситуации принимаемые с целью пресечения внешней агрессии, угрожающей безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-членов ОДКБ, сдерживания и прекращения насильственных действий, направленных на дезорганизацию государственной власти и изменение конституционного строя в пределах государства-члена ОДКБ, осуществления посреднической деятельности, действий по примирению конфликтующих сторон, переговоров, контроля за соблюдением соглашений, дипломатической изоляции и санкций.

Описанная правовая природа гуманитарного бартера позволяет определить его место в системе коллективного гуманитарного реагирования как инструмента устранения угроз коллективной безопасности. Он может быть осуществлен в рамках гуманитарных операций, т.е. совокупности согласованных, целенаправленных действий, направленных на конкретные цели ликвидации того или иного гуманитарного неблагополучия, ликвидацию комплекса или части гуманитарных последствий кризисной ситуации, восстановление и обеспечение систем жизнедеятельности, оказание различных видов помощи.

При этом операции по гуманитарному бартеру могут осуществляться в рамках локальных миротворческих операций ОДКБ, под которыми понимают операции системы коллективного гуманитарного содействия, проводимые силами оперативно-го назначения в порядке реагирования на возникновение кризисных ситуаций, для предотвращения или пресечения внешней агрессии, угрожающей безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-членов ОДКБ или сдерживания и прекращения насильственных действий, направленных на дезорганизацию государственной власти и изменение конституци-

онного строя в пределах государства-члена ОДКБ.

Гуманитарный бартер соответствует нормативным и доктринальным принципам оказания коллективного гуманитарного содействия:

А) нормативным¹:

— комплексность (охват такой важнейшей стороны жизни общества, как экономическая деятельность);

— беспристрастность (оказание содействия всем без исключения, вне зависимости от национальности и т.д.);

— пролонгированность (оказание помощи в течение такого периода, который необходим для восстановления нормального уровня жизни);

— международное партнерство (сотрудничество государств, оказывающих гуманитарное содействие, между собой для достижения наиболее эффективных результатов);

— необременительность (гуманитарный бартер в отличие от гуманитарной помощи не ложится тяжким бременем на бюджет государства-донора);

Б) доктринальным:

— срочный характер оказания гуманитарного содействия в порядке реагирования на возникновение кризисной ситуации;

— соответствие форм и функций оказания коллективного гуманитарного содействия нормам Международного гуманитарного права, а также международным договорам и соглашениям государства;

— формулирование четких и конкретных оснований оказания коллективного гуманитарного содействия в порядке реагирования на возникновение кризисных ситуаций²;

— сочетание публичного и частного интереса (начало вооруженного конфликта как юридический факт, который меняет соотношение частных (получение прибыли) и публичных (обеспечение гражданского населения товарами первой необходимости)

самблеи Организации Договора о коллективной безопасности от 19 декабря 2023 г. № 16-6.3.

¹ Рекомендации по оказанию коллективного гуманитарного содействия в порядке реагирования на возникающие кризисные ситуации на территории государств-членов ОДКБ.

² Рыльская М.А. Гуманитарная деятельность: новые аспекты нормативного закрепления // *Advances in Law Studies*. 2016. Т. 4, № 4. С. 44—51.

интересов в пользу последних (реализация норм МГП по обеспечению жизненно важными товарами и безопасности гражданского населения, долгосрочное восстановление состояния экономики, существовавшего до начала вооруженного конфликта).

Гуманитарный бартер может быть осуществлен в ОДКБ как в соответствии с действующими нормативно-правовыми актами Организации (например, в рамках миротворческих миссий или деятельности коллективных сил оперативного реагирования, ст. 3, 7, 8 Устава ОДКБ), так и единолично Вооруженными Силами Российской Федерации на освобождённых территориях государства-агрессора, на которых иные формы и виды гуманитарного содействия невозможны ввиду отсутствия запроса на оказание гуманитарной помощи и (или) мандата ООН или региональной организации. Как в случае с СВО, когда специальная военная операция проводится в порядке самообороны от агрессии со стороны государств-членов НАТО посредством актуализации военных угроз с территории Украины.

Таким образом, гуманитарный бартер может выступать универсальным правовым механизмом как в рамках договорной формы международных отношений (универсальных или региональных международных соглашений о коллективной безопасности и реагировании на угрозы коллективной безопасности), так и в рамках внедоговорной формы (во исполнение норм МГП в части долгосрочного облегчения участи гражданского населения и для минимизации угроз военной безопасности, исходящих с освобождённой территории иностранного государства-агрессора). Гуманитарный бартер сочетается с миротворческой деятельностью в той части, в какой она касается урегулирования кризисной ситуации военными и невоенными мерами.

Проведенное исследование позволило установить место гуманитарного бартера в общественных отношениях, возникающих в ходе современных вооруженных конфликтов, системе коллективной безопасности, в военно-гражданских отношениях, миротворческой деятельности вооружен-

ных сил. Оно может быть сформулировано следующим образом:

1. Реализация норм МГП, особенно исполнение и соблюдение вооруженными силами, иными войсками и воинскими формированиями в части правового статуса гражданского населения.

2. Осуществление кризисного реагирования путем урегулирования кризисной ситуации на участках государственной границы, которое подразумевает нормализацию обстановки в зоне вооруженного конфликта и на освобожденных территориях (создание зон безопасности и поддержания на их территории правового режима безопасности), в том числе с участием миротворческого контингента (участие Российской Федерации и российских военнослужащих в миротворческих операциях и операциях по поддержанию мира и международной безопасности). В условиях современных вооруженных конфликтов миротворческие силы осуществляют не только участие в боевых действиях, но и выполняют функции по поддержанию режима законности, включая охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, пресечение деятельности незаконных вооруженных формирований, террористической и диверсионной деятельности.

3. Осуществление гуманитарных функций вооруженных сил не только в части предоставления гуманитарной помощи (по опыту СВО, САР, Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии, Приднестровья, Таджикистана и др.), но и в части содействия налаживанию мирной жизни, особенно экономической деятельности.

4. Современные вооруженные конфликты носят гибридный характер, направлены на искусственное инициирование кризисных ситуаций, т.е. совокупности военно-политических и социальных конфликтов, дестабилизирующих положение на территории государств-членов ОДКБ и требующих принятия коллективных мер для ее стабилизации, способное при отсутствии необходимой помощи государствам-членам ОДКБ привести к его (их) неспособности выполнять свои функции и/или дестабилизации региона коллективной без-

опасности. Следовательно, для минимизации их последствий, устранения указанных угроз одного или нескольких государств-членов ОДКБ необходимы меры коллективного реагирования, под которым понимаются коллективные действия политического, экономического, военно-политического и иного характера, осуществляемые в соответствии с принятыми соглашениями, нацеленные на разрешение международных споров и урегулирование внутренних социально-политических конфликтов преимущественно мирными способами для устранения угрозы региональной безопасности. В случае сохранения указанной угрозы она может с помощью иностранных сил перерасти в вооруженный конфликт (в качестве примера можно привести гибридную атаку на Казахстан в январе 2022 г.; предотвращенную попытку государственного переворота в Киргизии 5 июля 2024 г., к которой велась тщательная подготовка путем поставки оружия из-за рубежа, заброски боевиков через государственную границу¹).

С организационно-правовой точки зрения гуманитарный бартер может быть осуществлен:

— военными силами Коллективных сил оперативного реагирования и Миротворческих сил ОДКБ, которые являются средствами Силами и коллективной безопасности ОДКБ;

— военными, входящими в состав Центра кризисного реагирования, подчиняющегося заместителю начальника Объединенного штаба ОДКБ².

5. Наличие кризисных гуманитарных ситуаций, порожденных вооруженным конфликтом, на государственной границе и приграничных территориях может привести к эскалации внешних военных опасностей коллективной безопасности Союзного государства, ОДКБ, СНГ и военной без-

опасности России (подп. «л» п. 12 Военной доктрины Российской Федерации: деятельность международных вооруженных радикальных группировок, иностранных частных военных компаний в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников) и военных угроз (подп. «в» п. 14 Военной доктрины Российской Федерации: создание и подготовка незаконных вооруженных формирований из числа местного населения на территории, охваченной кризисной гуманитарной ситуацией, их деятельность на территории Российской Федерации или на территориях ее союзников; совершение такими субъектами терактов и диверсий).

Игнорирование кризисной гуманитарной ситуации и неоказание гуманитарного содействия в форме гуманитарного бартера ведет к появлению массовой миграции; экономика пострадавшего региона вместо постепенного возрождения приходит в окончательный упадок, а среди оставшегося населения превалируют иждивенческие настроения. Длительное донорство ложится тяжелым бременем на бюджеты государств. Вакуум гуманитарного содействия заполняют экстремистские организации, пропагандируя свои идеи и вербуя сторонников для осуществления диверсий, терактов, иных противоправных действий³.

Гуманитарный бартер, осуществляемый под руководством Вооруженных Сил Российской Федерации, позволяет минимизировать указанные опасности и угрозы в связи с долгосрочной нормализацией обстановки в зоне чрезвычайной гуманитарной ситуации на государственной границе и приграничной территории; профилировать вербовку местного населения для участия в незаконных вооруженных формированиях, совершениях терактов и диверсий в отношении Вооруженных Сил; осуществлять фильтрационные мероприятия в отношении местного населения для выявления шпионов, диверсантов, террористов.

¹ Спецслужбы Киргизии заявили о попытке госпереворота в стране. <https://www.rbc.ru/politics/05/07/2024/6687b4509a79477e44369d94?ysclid=lya9rq19xb455745174> (дата обращения: 5.07.2024).

² Система коллективной безопасности ОДКБ (военная составляющая). <https://www.jscsto.org/security/system-collective-security-csto-the-military-component/> (дата обращения: 5.06.2024).

³ Рекомендации по оказанию коллективного гуманитарного содействия в порядке реагирования на возникающие кризисные ситуации на территории государств-членов ОДКБ.

6. С учетом изложенного сформулированы предложения по внесению изменений в действующие международно-правовую базу государств-членов ОДКБ, регламентирующую оказание гуманитарного содействия как элемента коллективной безопасности:

6.1. Дополнить Рекомендательный глоссарий терминов и определений государств-членов ОДКБ в сфере обеспечения национальной и международной безопасности определением «гуманитарный бартер».

6.2. Дополнить Рекомендации по оказанию коллективного гуманитарного содействия в порядке реагирования на возникающие кризисные ситуации на территории государств-членов ОДКБ:

— раздел 2 «Основные направления коллективного гуманитарного содействия» абзацем двенадцатым: «осуществление гуманитарного бартера, направленного на долгосрочное восстановление экономической деятельности на докризисный уровень на территориях, население на которых пострадало от вооруженного конфликта»;

— абз. 2 раздела 3 «Управление коллективным гуманитарным содействием и его финансирование» изложить в следующей редакции: «Для достижения этого целесообразно включить в законодательство государств-членов ОДКБ нормы, регулирующие отношения в части легитимации гуманитарного содействия, возложения обязанности по его реализации на определенные органы государственной власти, определения форм участия в мероприятиях по оказанию гуманитарного содействия. Целесообразно включить в законодательство государств-членов ОДКБ нормы о правовом статусе органов военного управления, оказывающих гуманитарное содействие как элемент коллективной безопасности в условиях вооруженного конфликта».

6.3. Дополнить Модельный закон ОДКБ «О гуманитарной помощи» следующими положениями:

— в ст. 2 внести определение гуманитарного бартера;

— внести в закон главу VI.1 «Гуманитарный бартер», включающую статьи 18.1 «Товары, подлежащие гуманитарному бартеру», 18.2 «Порядок взаимодействия органа военного управления с местной администрацией по вопросам организации гуманитарного бартера», 18.3 «Порядок взаимодействия органа военного управления с пограничными и таможенными органами по вопросам организации гуманитарного бартера», 18.4 «Выбор правопорядка при перемещении товаров в рамках гуманитарного бартера».

Библиография

1. Казанцев, А.В. Особенности взаимодействия органов военного управления с органами местного самоуправления на освобожденных в ходе специальной военной операции территориях: положения доктрины Военного права / А.В. Казанцев, О.Г. Боброва // Сборник материалов научно-практической конференции «Военная наука — наука побеждать» (выступления, тезисы, статьи). — Москва: ВУ, 2023. — 148 с.
2. Корякин, В.М. Военное право : Учебник / В.М. Корякин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Редакционно-издательское объединение «Новая юстиция», 2024. — 496 с.
3. Корякин, В.М. Правовые проблемы оказания гуманитарной помощи участникам специальной военной операции / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2024. — № 10. — С. 18—27.
4. Рыльская, М.А. Гуманитарная деятельность: новые аспекты нормативного закрепления / М.А. Рыльская // *Advances in Law Studies*. — 2016. — Т. 4, № 4. — С. 44—51.
5. Холиков, И.В. Особенности установления правовой охраны эмблемам гуманности: международный и национальный опыт / И.В. Холиков, Д.А. Кабакина // *ГосРег: государственное регулирование общественных отношений*. — 2021. — № 4(38). — С. 124—129.

The legal model of humanitarian barter on the state border and border territories of the Russian Federation in the context of a special military operation

© Bobrova O.G.,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the 20th Department (Military Law) of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University"

Keywords. Armed forces; humanitarian assistance; collective security; State border of the Russian Federation; military security; border security; special military operation.

Abstract. The article presents a legal model of humanitarian barter as a new form of humanitarian assistance, tested in the context of a special military operation on the territories of Ukraine adjacent to the border subjects of Russia in compliance with the norms of international humanitarian law. Proposals are formulated to improve the international legal regulation of the provision of humanitarian assistance by military authorities as an element of collective security of the Collective Security Treaty Organization in armed conflict and post-conflict period.

О некоторых вопросах геополитических интересов России на Ближнем Востоке: военно-правовой аспект

© Вотченко Ирина Артуровна,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

© Петухова Марина Вениаминовна,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и экономической теории Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

Аннотация. Соблюдение геополитических интересов Российской Федерации в настоящее время приобретает наибольшую актуальность, так как данный вопрос непосредственно влияет на военную безопасность нашего государства в частности и национальную безопасность в целом. В современной обстановке, когда блок Северо-Атлантического альянса представляет прямую угрозу нашей стране, очень важно найти союзников и поддержку среди других государств, которые не поддерживают агрессивную политику Запада. И в целях реализации данного направления все больше интересы России обращаются на Ближний Восток. В настоящей статье мы кратко рассмотрим вопросы соблюдения геополитических интересов нашего государства в указанном регионе и сотрудничества с некоторыми его государствами в военной сфере.

Ключевые слова: геополитика, геополитические интересы, оборона, военная безопасность, национальная безопасность, Ближний Восток, военное сотрудничество.

Геополитическая обстановка в мире в настоящее время все более и более увеличивает востребованность в повышении уровня национальной и военной безопасности, а также военно-стратегического развития Российской Федерации. В целях реализации данного направления очень важное значение уделяется вопросам международного сотрудничества в военной и других сферах с дружественными нашей стране государствами, например, с государствами Ближнего Востока.

Организация такого взаимодействия очень важна в целях поддержания военной безопасности, которая согласно положениям п. 8 Военной доктрины Российской Федерации¹ представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной

силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять. Военная доктрина аккумулирует в себе политико-правовые взгляды на обеспечение военной безопасности государства. Как юридический документ военная доктрина является нормативной и организационно-распорядительной основой для строительства Вооруженных Сил Российской Федерации, их планового технического оснащения и осуществления комплекса иных мероприятий в области обеспечения военной безопасности².

Рассматриваемая тема на сегодняшний день очень актуальна, о чем также свиде-

¹ Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

² Полянский И.А., Трофимов Е.В. Военная доктрина России и ее роль в обеспечении военной безопасности и строительстве вооруженных сил // Право и политика. 2006. № 1.

тельствует большое количество научных работ¹.

Важно отметить, что согласно Морской доктрине Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 512, развитие отношений с государствами Ближнего Востока является одним из приоритетов национальной морской политики России.

Особое внимание обеспечению безопасности в указанном регионе также уделено и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, согласно которой продолжается эскалация напряженности в зонах конфликтов на постсоветском пространстве, на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в Афганистане и на Корейском полуострове. Ослабление систем глобальной и региональной безопасности создает условия для распространения международного терроризма и экстремизма.

Ближний Восток описывается как регион, стоящий на пересечении трех континентов — Азии, Европы и Африки. Предположительно, такое название указанной местности дали британцы, так как с географической точки зрения государства, расположенные в Персидском заливе, находятся восточнее Европы, но именно к ней и ближе всего.

¹ См. напр.: Корякин В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 30—34; Кудашкин А.В. Право вооруженных конфликтов — ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 86—91; Харитонов С.С. О правовом регулировании новых подходов в военном строительстве с учетом международной обстановки // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 113—116; Александрова Н.Г., Кириченко Н.С. Некоторые вопросы правового регулирования передачи между федеральными органами исполнительной власти вооружения, военной и специальной техники // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 19—22.

К государствам Ближнего Востока следует отнести Бахрейн, Кипр, Египет, Ирак, Иран, Израиль, Иорданию, Кувейт, Ливан, Оман, Йемен, Катар, Палестинскую автономию, Сирию, Саудовскую Аравию, ОАЭ и Турцию. При этом следует учесть, что с 1980 г. в мировой политике начали все чаще использовать термин «Большой Ближний Восток» и в уже обновленный список включены Афганистан, Пакистан, Судан, Сомали, Коморские острова, Магриб и Джибути. И конечно, не со всеми указанными странами у Российской Федерации заключены международные соглашения в целях сотрудничества, а лишь с некоторыми из них.

Так, например, 20 ноября 2014 г. в г. Исламабаде было заключено Соглашение между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Исламской Республики Пакистан о военном сотрудничестве². Соглашением предусмотрено, что стороны осуществляют сотрудничество по следующим основным направлениям:

- обмен мнениями и информацией по военно-политическим вопросам, вопросам укрепления взаимного доверия и международной безопасности, усиления борьбы с терроризмом и контроля над вооружениями;

- развитие отношений в различных областях военного образования по взаимной договоренности между Сторонами;

- обмен опытом миротворческой деятельности и взаимодействия в операциях по поддержанию мира под эгидой Организации Объединенных Наций;

- развитие отношений в области военной медицины, военной истории, военной топографии, военной гидрографии и военной культуры;

- другие направления сотрудничества по взаимному согласию Сторон.

А уже 18 апреля 2017 г. в г. Равалпинди Соглашение о военно-техническом сотрудничестве было заключено между Правительством Российской Федерации и

² В соответствии с абзацем первым статьи 12 данный документ вступил в силу с 20 ноября 2014 г.

Правительством Исламской Республики Пакистан.

Наряду с этим 4 марта 2015 г. был подписан протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет о военном сотрудничестве. Целью данного протокола является развитие военного сотрудничества. Стороны сотрудничают в военной области в соответствии с законодательствами государств Сторон, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами.

25 октября 2017 г. заключено Соглашение о военно-техническом сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Катар¹. Также, 28 октября 2019 г. — 16 января 2020 г. в г. Москве заключено Соглашение в форме обмена нотами между Российской Федерацией и Государством Катар о взаимном учреждении аппаратов военных атташе при Посольстве Российской Федерации в Государстве Катар и при Посольстве Государства Катар в Российской Федерации².

Кроме этого, 23 августа 2021 г. заключено соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия о военном сотрудничестве³. Однако, данное соглашение не вступило в силу.

3 июля 2023 г. заключено Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Кувейт о военно-техническом сотрудничестве⁴. Соглашением предусмотрено, что стороны осуществляют военно-техническое сотрудничество по таким направлениям, как:

1) поставка вооружения, военной техники и иной продукции военного назначения;

2) обеспечение эксплуатации, ремонта, поддержания и модернизации продукции военного назначения;

3) поставка запасных частей, агрегатов, приборов, специального учебного и вспомогательного имущества, комплектующих изделий к продукции военного назначения;

4) оказание услуг в области военно-технического сотрудничества;

5) сотрудничество в области разработки, производства и изготовления продукции;

6) командирование специалистов для оказания содействия в реализации совместных программ в области военно-технического сотрудничества;

7) подготовка кадров в соответствующих учебных заведениях с учетом потребностей и возможностей Сторон;

8) другие направления военно-технического сотрудничества, в отношении которых будет достигнута договоренность между Сторонами.

Конечно, мы рассмотрели не весь перечень государств Ближнего Востока, с которыми наше государство осуществляет военно-техническое и другое взаимодействие. Отдельного и особого внимания заслуживают отношения с Сирийской Арабской Республикой.

Более десяти лет назад доктор юридических наук, профессор В.С. Белых в своей работе⁵ писал, что одна из внешних угроз национальной и экономической безопасности Российской Федерации проявляется в реализации США имперской политики с целью противодействовать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире, ослабить ее позиции в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

На фоне расширения Соединенными Штатами Америки (США) своей гегемо-

¹ Документ вступил в силу 18 июня 2019 г. (Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2019).

² Документ вступил в силу 16 января 2020 г. (согласно информации на сайте МИД России <http://www.mid.ru/> по состоянию на 22.06.2022).

³ Официальный сайт МИД РФ <http://www.mid.ru/>.

⁴ Документ вступил в силу 12 марта 2024 года (Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 04.04.2024).

⁵ Белых В.С. Россия в условиях глобализации и военного противоборства // Военно-юридический журнал. 2010. № 11. С. 20 – 28.

нии в мире, необходимо принимать решительные меры по ее сдерживанию и установлению равноправных отношений между всеми государствами. Именно этого и исключительного этого, то есть равноправного партнерства, добивается нашего государство. И в этих целях полагаем необходимым рассмотреть вопрос о создании военного блока, который будет противостоять блоку НАТО. В такой «новый» блок необходимо безусловно включать государства, с которыми наше государство связывают тесные отношения в военной сфере.

В заключение следует еще раз отметить, что геополитические интересы нашего государства на Ближнем Востоке в настоящее время актуализировались и имеют большое значение. Однако при этом нельзя упускать и другие направления.

Библиография

1. Александрова, Н.Г. Некоторые вопросы правового регулирования передачи между федеральными органами исполнительной власти во-

оружения, военной и специальной техники / Н.Г. Александрова, Н.С. Кириченко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8 (301). — С. 19—22.

2. Белых, В.С. Россия в условиях глобализации и военного противоборства / В.С. Белых // Военно-юридический журнал. — 2010. — № 11. — С. 20—28.

4. Корякин, В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / В.М. Корякин // Военное право. — 2022. — № 2 (72). — С. 30—34.

5. Кудашкин, А.В. Право вооруженных конфликтов — ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12 (293). — С. 86—91.

6. Полянский, И.А. Военная доктрина России и ее роль в обеспечении военной безопасности и строительстве вооруженных сил / И.А. Полянский, Е.В. Трофимов // Право и политика. — 2006. — № 1. — С. 66—73

8. Харитонов, С.С. О правовом регулировании новых подходов в военном строительстве с учетом международной обстановки / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12 (293). — С. 113—116.

On some issues of Russia's geopolitical interests in the Middle East: military and legal aspect

© **Votchenko I.A.**,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Personnel, Legal and Psychological Support, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

© **Petukhova M.V.**,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Economic Theory of the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Abstract: the observance of the geopolitical interests of the Russian Federation is currently gaining the greatest relevance, since this issue directly affects the military security of our state in particular and national security in general. In the current situation, when the North Atlantic Alliance bloc poses a direct threat to our country, it is very important to find allies and support among other states that do not support the aggressive policy of the West. And in order to implement this interaction, Russia's interests are increasingly turning to the Middle East. In this article, we briefly consider the issues of cooperation between our state and such countries in the field of security.

Keywords: geopolitics, geopolitical interests, defense, military security, national security, Middle East, military cooperation.

Применение норм международного гуманитарного права к вооруженным конфликтам в киберпространстве

© Шестаков Виктор Анатольевич,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики
Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации имени А.Я.
Сухарева

Аннотация. Развитие информационных технологий и рост зависимости от цифровых инфраструктур способствует тому, что киберпространство становится все более уязвимым для атак и конфликтов, возникает ряд актуальных вопросов, требующих внимания всего международного сообщества. В работе рассматриваются проблемы использования киберпространства в военных целях, и в частности, допустимости применения традиционных источников международного права к действиям, совершаемым в цифровом пространстве. Автором поднимается проблема определения правового статуса комбатанта в виртуальном пространстве и возможности применения данного термина к исполнителям и участникам вооруженных конфликтов в киберпространстве. В статье анализируются существующие международные договоры в части правил ведения боевых действий и вооруженных межгосударственных конфликтов, а также проекты договоров и конвенций, разрабатываемых в настоящее время с учетом особенностей виртуального пространства. Исследуется степень их применимости к современным цифровым условиям и определяется необходимость разработки новых правовых норм, приспособленных к специфике киберпространства.

Ключевые слова: киберпространство, международное гуманитарное право, комбатант, вооруженный конфликт.

В связи с развитием информационных технологий и ростом кибератак ситуации, при которых следствием таких атак могут стать потери или ущерб со стороны гражданского населения и объектов гражданской инфраструктуры становятся все более распространенными. Соответственно, возникает вопрос о возможности применения норм международного гуманитарного права к таким правоотношениям, возникающим в киберпространстве.

Киберпространство практически единогласно признается театром военных действий, а нормы международного права могут и должны применяться как в военное, так и в мирное время применительно к межгосударственным взаимодействиям в цифровом пространстве в соответствии с

подходами как отечественных¹, так и зарубежных ученых².

В качестве одного из примеров, подтверждающих данный тезис, выступает Таллинское руководство по международному праву, применимому к кибернетическим войнам — один из первых документов, разработанных при поддержке Международного комитета красного креста (МККК) и содержащих нормы международного права, применимые к вооруженным конфликтам в виртуальном пространстве³.

¹ Гаркуша-Божко С.Ю. Определение вооруженного конфликта в киберпространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2023. № 1. С. 199.

² Cook E. The Future of the Cyber Theater of War // Liberty University. 2023. Электронный ресурс. URL: <https://digitalcommons.liberty.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1352&context=hsgconference> (дата обращения: 30.07.2024).

³ Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Warfare / М.. Schmitt // NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. 215 p.

Кроме того, по предложению Российской Федерации под эгидой ООН рассматривается проект Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности. Представляется, что информационно-коммуникационные технологии могут ставить под угрозу состояние международного мира и безопасности, а также непосредственно посягать на целостность военной и гражданской инфраструктуры. Вероятно, что в ближайшее время такие технологии будут все чаще применяться в межгосударственных конфликтах. Так, основной задачей документа видится предотвращение, а также урегулирование межгосударственных конфликтов в глобальном информационном пространстве, которые могут создавать или усугублять угрозу международному миру и безопасности, а также способных нарушить мир или спровоцировать акты агрессии¹. Наличие международной конвенции, представляющей собой юридически обязывающий многосторонний договор, будет способствовать мирному использованию информационных компьютерных технологий (ИКТ) и сотрудничеству государств. Проект конвенции устанавливает ряд принципов и правил поведения участников международных отношений. К примеру, воздерживаться от угроз силой или применения силы в отношении ИКТ инфраструктуры иного государства, отказываться от использования ИКТ для вмешательства во внутренние дела суверенных государств и др.

Основные международные документы, регулирующие вооруженные конфликты, содержат достаточно широкие определения данного понятия и зачастую не предусматривают определение места или способа совершения деяний, составляющих содержание такого конфликта. Так, глоссарий, подготовленный Европейской парламентской исследовательской службой, дает следующее определение: вооруженных кон-

фликт имеет место, когда происходит вооруженное столкновение между вооруженными силами государств или между группами внутри государства, другие ситуации насилия, такие как внутренние беспорядки и напряженность, не считаются вооруженными конфликтами².

В этой связи отсутствует однозначный подход к определению вооруженного конфликта в киберпространстве. В том случае, если киберпространство представляет собой одно из возможных мест совершения вооруженного конфликта, есть ли необходимость в выработке отдельного определения? Несомненно, при выработке концепции вооруженного конфликта в киберпространстве за основу берется традиционное понимание, но с учетом специфики киберпространства. К основным критериям будут относиться: наличие действий, представляющих собой использование силы в соответствии с Уставом ООН, наличие намерения и направленности причинить ущерб другому государству или международной организации, вовлеченность субъектов международного права — государств, организаций.

В то же время, если о применимости норм международного права к киберпространству и о выделении виртуального пространства в качестве одной из площадок для ведения военных действий, высказываются представители как отечественной, так и зарубежной доктрины, вопрос применения норм международного гуманитарного права остается в меньшей степени урегулированным. Поскольку в Женевских или Гаагских конвенциях также содержится достаточно общее определение традиционного вооруженного конфликта, на основании расширительного толкования они могут быть применимы в случае любого конфликта между государствами, если имеет место применение силы³.

¹ Обновленная концепция конвенции организации объединенных наций об обеспечении международной информационной безопасности. — Электронный ресурс. URL: <http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/P7ehXmaBUDOAAcATW2Rwa3yNK1bNAWl9.pdf> (дата обращения: 30.07.2024).

² Clapp S. Armed conflict: A glossary of terms // European Parliamentary Research Service (EPRS). — 2023. — Электронный ресурс. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/757582/EPRS_ATA\(2023\)757582_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/757582/EPRS_ATA(2023)757582_EN.pdf) (дата обращения: 30.07.2024).

³ Балаклея Н.А. Пространственный аспект современных войн: от традиционной войны к кибервойне

В целом, в отношении применения норм международного гуманитарного права к киберпространству выделяют несколько подходов: применение их напрямую, применение по аналогии, а также необходимость выработки новых норм. Поскольку зачастую положения сформулированы достаточно широко и при должном толковании могут применяться к кибероперациям напрямую, в соответствии с первой из вышеназванных позиций не видится необходимости в выработке новых норм. В соответствии с иным подходом, предлагается применение норм международного гуманитарного права по аналогии, адаптируя их к особенностям киберпространства. Несомненно, наиболее эффективным представляется третий подход, заключающийся в необходимости разработки новых международных норм, изначально предназначенных для регулирования киберпространства. В то же время, не исключается возможность использования нескольких подходов одновременно, в зависимости от каждого конкретного направления регулирования.

В соответствии с разъяснениями МККК для того, чтобы действие могло квалифицироваться как прямое участие в военных действиях, оно должно соответствовать ряду критериев¹. В первую очередь, оно должно быть спланировано для непосредственного причинения вреда, в ущерб другой стороне в конфликте, необходимо также наличие причинно-следственной связи между действием и вредом. Наконец, выполнение тех или иных действий должно с большой долей вероятности негативно повлиять на противную сторону в конфликте или привести к смерти, ранениям лиц или разрушениям объектов. Рассматривая исключительно данный критерий, действия в киберпространстве могут рассматриваться в качестве прямого участия в военных действиях,

а «цифровой ущерб» может выражаться в нанесении ущерба имуществу, оборудованию противника, разрушении критически важной инфраструктуры² и т.д.

Данный подход, однако, не может в равной мере применяться ко всем положениям международного гуманитарного права. В частности, по общему правилу лица, ответственные за кибератаки, не подпадают под определение законных комбатантов. К комбатантам могут относиться военнослужащие вооруженных сил одной из сторон конфликта, а также участники других добровольческих корпусов, организованных движений сопротивления, принадлежащих к стороне конфликта. Женевские конвенции предъявляют к законному комбатанту ряд требований — таких, как нахождение под командованием, наличие отличительной символики, открытое ношение оружия, соблюдение законов и обычаев войны в ходе реализации своих операций³. В этой связи, даже если представляется возможным отнесение ИКТ к технологиям двойного назначения, действующие положения, установленные международным гуманитарным правом, не позволяют лицу, действующему в киберпространстве считаться законным комбатантом. Иным тезисом, выступающим в поддержку данной позиции, является идея о том, что под кибератаками следует понимать средства и методы ведения войны, опирающиеся на ИКТ. При этом положения МПП будут применимы только в том случае, если действия, составляющие такую атаку, «происходят во время вооруженного конфликта или способствуют его началу», при этом критерии применения расширяются — атака, результатом которой станет вред, нанесенный информационным системам в частном сек-

// Социодинамика. 2021. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennyy-aspekt-sovremennyh-voyn-ot-traditsionnoy-voyny-k-kibervoyne> (дата обращения: 30.07.2024).

¹ Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law // International Committee of the Red Cross. — 2009. — P. 46-64.

² Гаркуша-Божко С.Ю. Международное гуманитарное право в киберпространстве: *Ratione materiae, ratione temporis* и проблема квалификации кибератак // Digital Law Journal. 2021. № 1 (2). С. 67.

³ Дополнительный Протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. — Электронный ресурс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901755843> (дата обращения: 30.07.2024).

торе, также будет подпадать под нормы МГП¹.

Тем не менее, существуют исключения, а именно государства, где в структуру вооруженных сил входят подразделения, чьей основной задачей является проведение киберопераций и обеспечение безопасности национального киберпространства. Кибервойска – это относительно новое явление, тем не менее, в ряде государств они существуют и имеется опыт проведения соответствующих операций, в частности, в США, Великобритании, Южной Кореи, Китае и др. Поскольку лица, проходящие военную службу в таких подразделениях, непосредственно включены в состав вооруженных сил государства, то в случае вооруженного конфликта, они могут быть идентифицированы как комбатанты и по отношению к ним отпадает необходимость в соответствии всем четырем вышеуказанным критериям для признания статуса комбатанта. В то же время, остается нерешенным вопрос о том, необходимо ли лицам, чьи действия в рамках вооруженного конфликта ограничиваются исключительно киберпространством, соблюдать обязательства по открытому ношению оружия и наличия отличительной символики².

Таким образом, рассмотрение возможности применения норм международного гуманитарного права к киберпространству представляется важным, поскольку данные нормы призваны ограничить насилие в вооруженных конфликтах и направлены на защиту гражданского населения. При этом их применение представляется проблематичным ввиду неразрешенности ряда вопросов: отсутствие единого понимания вооруженного конфликта в киберпространстве, трудности в идентификации сторон конфликта, сложность в определении ответственных за кибератаку лиц ввиду анонимности и сложности обнаружения следов в киберпространстве, применение техноло-

гий двойного назначения: информационно-коммуникационные технологии могут быть адаптированы как для военных, так и для гражданских целей, стирается грань между двумя сферами их применения. В этой связи возможность регламентации действий в киберпространстве, как посредством изменения и совершенствования традиционных норм, так и путем выработки новых правовых механизмов представляется важным шагом для обеспечения международной безопасности и стабильности.

Библиография

1. Гаркуша-Божко, С.Ю. Международное гуманитарное право в киберпространстве: *Ratione materiae, ratione temporis* и проблема квалификации кибератак / С.Ю. Гаркуша-Божко // *Digital Law Journal*. — 2021. — №1(2). — С. 64—82.
2. Гаркуша-Божко, С.Ю. Определение вооруженного конфликта в киберпространстве / С.Ю. Гаркуша-Божко // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. — 2023. — № 1. — С. 194—210.
3. D'Urso M. The Cyber Combatant: a New Status for a New Warrior / M. D'Urso // *Philosophy & Technology*. — 2015. — № 28. — P. 475—478.
4. Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law // International Committee of the Red Cross. — 2009. — P. 46—64.
5. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Warfare / M. N. Schmitt // NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. — 215 p.

¹ Cyber warfare // How Does Law Protect in War? – Электронный ресурс. URL: https://casebook.icrc.org/a_to_z/glossary/cyber-warfare (дата обращения: 30.07.2024).

² D'Urso M. The Cyber Combatant: a New Status for a New Warrior / M. D'Urso // *Philosophy & Technology*. — 2015. — №28. — P. 475—478.

Application of international humanitarian law to armed conflicts in cyberspace

© Shestak V.A.,

Doctor of Juridical Science, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminalistics,
A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the
Investigative Committee of the Russian
Federation

Abstract. Due to the fact that the development of information technology and the growing dependence on digital infrastructures influences the fact that cyberspace is becoming increasingly vulnerable to attacks and conflicts, a number of pressing issues arise that require the involvement of the entire international community. This paper examines the problems of using cyberspace for military purposes, and in particular, the admissibility of applying traditional sources of international law to actions committed in the digital space. The author raises the problem of determining the legal status of a combatant in virtual space and the possibility of applying this term to perpetrators and participants in armed conflicts in cyberspace. The article analyzes existing international treaties relating to the conduct of hostilities and armed interstate conflicts, as well as draft treaties and conventions currently being developed taking into account the characteristics of the virtual space. The degree of their applicability to modern digital conditions is explored and the need to develop new norms adapted to the specifics of cyberspace is determined.

Key words: cyberspace, international humanitarian law, combatant, armed conflict.
